

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

АРХИВЫ



1 / 2018



***Первый Президент Республики Узбекистан,
выдающийся политический деятель
И. А. Каримов
(1938–2016)***



Alisher Navoiy
nomidagi
O'zbekiston MK

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Вика ОСАДЧЕНКО
Раим ФАРХАДИ
Раиса КРАПАНЕЙ
Анатолий БАУЭР
Виктор ШУЛИКА



И. о. главного редактора
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Элёр МУРОД

Редакторы:
Елена ЮРЧЕНКО
Елена ДОЛГОПОЛОВА



Республика Узбекистан
Ташкент

Игорь ЭРНСТ

«СКАЖИТЕ, ДЕВУШКИ, ПОДРУЖКЕ ВАШЕЙ...»

С горящего неба падали на Землю каплями расплавленные звёзды. Одна капля упала в моё сердце и сожгла душу. Где ты, моя любимая? Где ты, моё прошлое, моё будущее? Где ты, моя жизнь? Неужели вы так и сгорели в Ночном Костре? Неужели так и пропали вместе с давно ушедшим летом?

...На исходе августа, мы встретились на ступеньках театра. В последний раз взглянули друг другу в глаза, последний раз наши пальцы сплелись, последний раз чёрные мягкие волосы коснулись моей щеки.

И мы расстались.

И ничего не случилось.

проза



Дамир ХУДАЙБЕРДИЕВ

Вы снитесь мне...

Как ранима бумага, особенно писем,
Посмотри, как она беззащитна в огне.
Почему я от них все еще так зависим?
Почему они дороги все еще мне?

На границе двух чувств слишком много сомнений,
Я, наверно, пытаюсь приблизить конец
Этих сложных запутанных соотношений,
Двух болезненно связанных в узел сердец.

ПОЭЗИЯ



Замира КАСЫМОВА

литературоведение.
литературная критика

«СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЙ» МИР...

Каждый художник имеет право на создание своего собственного, только ему одному понятного, художественного мира, в котором он смело размещает свой космос и свою вселенную, основывая их на законах, написанных и утвержденных им самим. И уже не так важно, насколько этот мир отражает или не отражает реальную действительность, поскольку, являясь продуктом вымысла, он уже становится частью другого – художественного – измерения, в котором соотношение времени и пространства определяется в категориях, совершенно отличных от привычных нам.



проза



Шухрат САКИЕВ

ДАЛЕКОЕ БЛИЗКО

Рассказ

- У вас, наверно, много боевых наград? – спросил Бах.
- Ни одной.
- Почему?
- Сам отказывался. Я воевал не за Сталина и за Родину, а с фашизмом как таковым.
- В те времена за такое могли и к вышке приговорить.
- Комбат так и говорил: «Не за Родину, значит, не за Сталина! Расстрелять бы тебя, сволочь, да знаю: смерть тебе нипочём. Иди, воюй дальше, поборник всеобщего счастья».

новые имена



Амира РАДЖАБОВА

Слезы пахнут мокрой травой...

Ты чувствуешь,
Как пахнет кофе?
Так же пахнут мои слезы...
А еще мои слезы пахнут
Мокрой травой...

Ты никогда не чувствовал,
Что мои слезы пахнут?!.
Видимо, ты не чувствовал...
...Значит, и не любил.

проза



Сид ЯНЫШЕВ

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ...

Рассказы

– А почему небо голубое?... – задает мне один из своих бесчисленных вопросов пятилетняя дочь по пути из детского сада домой. У нее сейчас такой возраст, когда детям присуще задавать сотни вопросов в день, и от них даже улица за окном моего дома перестает быть привычно знакомой, а в голову лезут абсурдные мысли типа: «А насколько она знакома, почему и как давно?» В данный же момент я крепко задумываюсь: а действительно, почему небо голубое?

Признаться, я не знаю почему. Вернее, не помню, поскольку когда-то в школе учителя наверняка объясняли причину его голубизны. Но мне неловко дочке признаться, что я чего-то не знаю или не помню, и я начинаю сочинять.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЦИСТИКА

Сафар ОСТАНОВ. Жизнь во имя Родины и народа.5

ПРОЗА

Игорь ЭРНСТ. Скажите, девушки, подружке вашей!
Повесть.10
Ризо АХМАД. Футляр. Рассказ.34
Лидолия НИКИТИНА. Путь к счастью сердце укажет.
Рассказы.42
Шухрат САКИЕВ. Далекое близко. Рассказ.52
Сид ЯНЫШЕВ. Дела семейные... Рассказы.63
Рустам ШАГАЕВ. Автографы творцов. Очерки.108

ПОЭЗИЯ

Николай ИЛЬИН. Зимние этюды.29
Дамир ХУДАЙБЕРДИЕВ. Вы снились мне...38

ПЕРЕВОДЫ

Хабиб АБДУНАЗАР. Соломенный башмак. Рассказ. Пере-
вод с узбекского Лиры Пиржановой.48
Мухаммад АЛИ. Амир Темур Великий. Роман-эпопея.
Книга третья. Мираншах Мирза. Перевод с узбекского
автора.72

НОВЫЕ ИМЕНА

Руфина НАЗАРОВА. Стоит задуматься... Притчи.68
Александра ЕКАБСОНС. Драматургический хронотоп в
поэтике новой драмы.113
Амира РАДЖАБОВА. Слезы пахнут мокрой травой... ..122

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Ирина БОГОСЛОВСКАЯ и Наталья МОЗОХИНА.
Известный незнакомец.116

КАРАВАН ИСТОРИИ

Андрей СЛОНИМ. Шелест листвы воспоминаний.124
Гайрат ШУКУРОВ. Из истории отечественного фото. ..141
Кодиржон НОСИРОВ. Ученый, поэт, педагог.149

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Елена КАМИНСКАЯ. «Но пойдите пешком по
Бородину».....132
Замира КАСЫМОВА. «Сложносочиненный» мир.144

На 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала картины
Стефана Бакаловича.

Звезда Востока

2018 № 1

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Per. № 0296
05.02.2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунёкор,
Алиблар хиббони, здание
Союза писателей Узбекистана.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет
Мадина Абдуллаева

Подписано в печать 09.02.2018 г.
Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.
Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86
Тираж 730 экз. Заказ
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
«MASHINUR-PRESS NASHRIYOTI».
г. Ташкент, ул. Ислама Каримова, д. 16

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе
объемом не более 50 страниц.
Набор текста в любом формате с
приложением электронного варианта
и распечаткой.
Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.
Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

ЖИЗНЬ ВО ИМЯ РОДИНЫ И НАРОДА



Сафар ОСТАНОВ

Прошло более года с того трагического дня, когда Узбекистан потерял своего Первого Президента, великого государственного деятеля, любимого сына своей Родины Ислама Каримова. Жизненный путь, пройденный этим человеком, уже в дни прощания с ним стал осознаваться как урок, изменивший наши представления о смысле бытия...

Насколько это тяжело – потерять близкого человека – знает лишь тот, кто испытал горечь утраты. В такие минуты мы говорим: «На все воля Божья», призываем к терпению. А спустя месяцы, годы покоряемся судьбе, уповая на Бога...

...Страна готовилась к празднованию 25-летия независимости нашей Родины. На этом торжестве и стар и млад с волнением ожидали услышать воодушевляющую речь Ислама Каримова о достигнутых за минувшую четверть века успехах, о новых целях и задачах, стоящих перед страной, его поздравления народу. Этот праздник должен был возглавить лидер независимой страны, который защитил свой народ от многочисленных угроз, поднял международный авторитет Узбекистана и узбекского народа на достойный уровень.

Встречи с Президентом, которая должна была состояться в резиденции Оксарой, с волнением ожидали наши спортсмены, показавшие пример стойкости и мастерства на летних Олимпийских играх 2016 года, состоявшихся в далекой Бразилии. Но этому не суждено было сбыться.

Этот человек был послан Богом для счастья нашего народа, он жил, не зная ни дня покоя. Он охранял нас, думал о нас. Но не суждено было ему увидеть плоды своего самоотверженного труда, о чем остается только сожалеть.

Он работал неустанно, своими ценными мыслями, инициативами, решениями удивляя не только нас, но и государственных деятелей и руководителей многих стран. До самой кончины он продолжал неустанно работать, решая важные государственные вопросы.

Народ был шокирован неожиданным страшным известием. На следующий день после трагического события известный поэт Зикрилла Ньмат принес в редакцию стихи «Вы – вечно живой», исполненные душевных страданий.

Сафар ОСТАНОВ. Заслуженный журналист Узбекистана. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Главный редактор газет «Ўзбекистон овози» и «Голос Узбекистана». Автор нескольких книг.

Горе, отчаяние, чувство невосполнимой утраты переполняли сердца людей. В эти дни центры скорой медицинской помощи не знали покоя. Особенно переживали пожилые люди, которым Президент нашей страны оказывал особое внимание и заботу.

Тяжелее других переживали утрату жители столицы. С разрывающимися от горя сердцами провожали они носилки с телом Ислама Абдуганиевича в Самарканд. Люди обнимали друг друга, выражали соболезнование.

Обочины улиц, по которым должны были провезти тобут с телом Первого Президента в аэропорт, уже с ночи были заполнены жителями Ташкента. Никто не знал, во сколько проследует траурная процессия. Люди с цветами в руках, со слезами на глазах и безграничной болью в сердце ждали прощального мгновения. Чтобы в последний раз увидеть Ислама Каримова, попрощаться с ним, они простояли с ночи до восьми часов утра. Это было прощание с отцом народа, с символом справедливости, патриотизма, свободы, с человеком, который руководствовался в своей жизни девизом *«Пусть долго живут наши матери, бабушки и дедушки, пусть будут счастливы наши дети»*. Это было прощание с дорогим народу человеком, который не устал с волнением повторять: *«О, если бы я мог всех вас взять в свои объятия!»* Это было прощание с человеком, который в последние дни жизни выразил свою безграничную любовь к Родине и народу словами: *«Ты – прекрасна и неповторима, священная Родина, сердце мое принадлежит тебе, мой Узбекистан!»*

Тысячи людей бросали цветы под ноги процессии со словами: «Спасибо вам, спасибо вам за все».

Самолет с телом главы государства, оторвавшись от земли, казалось, уносил сердце самого Ташкента.

Древний Самарканд, за свою многовековую историю видевший немало тяжелых испытаний, трауром встретил тело еще одного своего великого сына, как и шестьсот лет назад... По обе стороны дороги от Самаркандского аэропорта до площади Регистан стояли тысячи плачущих юношей и девушек, женщин и стариков. Дорога была усыпана цветами.

Ислам Каримов, Первый Президент нашей страны, был похоронен на территории священного комплекса Хазрати Хизр города Самарканда. В Самарканде появилось еще одно святое место паломничества.

25 января 2017 года Президент Шавкат Мирзиёев издал постановление «Об увековечении памяти Первого Президента Республики Узбекистан Ислама Абдуганиевича Каримова». Вскоре начались работы по строительству гробницы Ислама Каримова в комплексе Хазрати Хизр.

Трагическое событие объединило и сплотило народ, невольно заставило задуматься: благодаря чему Ислам Каримов добился такого безграничного уважения и любви народа?

Этот вопрос требует глубокого осмысления и обоснованного ответа, но нам приходится ограничиться лишь указанием на некоторые причины.

Ислам Каримов стал руководителем Узбекистана в нелегком 1989 году, когда страна переживала тяжелое время, когда права народа попирались, когда необходимо было решать массу социально-экономических проблем. Продолжались допросы и аресты тысяч людей, необоснованно обвиненных по так называемому «хлопковому», или «узбекскому», делу, сфабрикованному по указке бывшего Центра. Угнетенный и оскорбленный народ нуждался в защите.

Подшивки газет того времени свидетельствуют о том, с какой твердостью и бесстрашием вел борьбу против беспредела Ислам Каримов. На следующий день после избрания (23 июня 1989 года) он провел большое заседание в Совете Министров Узбекской ССР, на котором выступил с откровенной и горькой речью: *«Впредь жить по-старому мы не сможем, да и время не позволит нам так жить»*. Эти слова указывают на то, что у него была большая цель, новые планы. На следующий день он выехал в Фергану, чтоб потушить пожар кровавых событий, организованных внешними силами. Он опроверг клевету на наш народ: *«Совесьт узбекского народа чиста. Ферганские события произошли не по воле узбекского народа»*, – сказал он и обосновал свое высказывание.

Затем началась борьба против хлопковой монополии, от которой народ Узбекистана устал. План по хлопку был сокращен на 700 тысяч тонн. В 1989–1990 годах более чем полтора миллионам семей были выделены дополнительные земельные участки, а 700 семей земельные участки получили заново. Это было опасным решением. Оно противоречило интересам Центрального Комитета КПСС, требующего ежегодного повышения плана по сдаче хлопка и увеличения посевных хлопковых площадей.

В те времена никто бы не осмелился на такой поступок. Принятое Исламом Каримовым постановление о выделении земельных участков было значительной социальной поддержкой народа. Если учесть, что тогда в среднем на душу населения в Узбекистане приходилось мяса, молочной продукции и яиц в два раза меньше, чем в странах бывшего Союза, а по материнской и детской смертности страна занимала первое место, то значение данного постановления становится очевидным. Ислам Каримов открыто выступил с требованием достойно оплачивать тяжелый труд по выращиванию и сбору хлопка.

За короткое время узбекскому языку был придан статус государственного языка, возвращен народу праздник Навруз, восстановлены религиозные праздники, реабилитированы имена великих предков, началось изучение их бесценного наследия. Первый Президент призывал гордиться великими предками, быть достойными наследниками их славы. Он повысил благосостояние жителей сельской местности, заботясь о том, чтобы труженики, которые нас одевают и кормят, жили в достойных условиях.

С особой любовью Ислам Каримов относился к городу Ташкенту. Еще 20 июня 1990 года в своем выступлении перед активом города он поставил задачу: *«Мы должны превратить Ташкент в город высокого прогресса и культуры»*. Прежде всего он дал указание о выводе за черту города промышленных предприятий, складов, которые наносят вред его внешнему облику и экологии. Была разработана программа всестороннего благоустройства города, поставлена задача скорейшего улучшения условий жизни населения старгородской части Ташкента, где люди были лишены элементарных удобств. За годы независимости Ташкент приобрел абсолютно новый облик. Проекты новых зданий, дороги, транспортные развязки создавались по инициативе Первого Президента и находились под его личным контролем. Историческое созидание осуществлялось не только в Ташкенте, но и в других регионах страны.

Огромное внимание Президент уделял молодому поколению. Где бы он ни выступал, обязательно говорил, обращаясь к молодежи: *«Мои дорогие дети, не уступайте, победа будет за нами!»* С воодушевлением заявлял: *«Все дети*

Узбекистана – мои дети!» Невозможно перечислить все то, что сделано за двадцать пять лет в деле воспитания гармонично развитого поколения.

Ислам Каримов был чутким и мудрым главой государства, уверенным лидером своего народа. Внимательно следя за происходящими в мире событиями, глубоко изучал их причины, заранее предугадывая последствия. Это спасло народ Узбекистана и ближайших соседей от многих бед, кровопролитных войн, сохранило множество жизней. Ислам Абдуганиевич внес достойный вклад в сохранение мира на планете. Именно его предложение о совместной борьбе против международного терроризма было поддержано всем миром и стало актуальной задачей современности. Он один смог направить в правильное русло многолетнюю тяжбу по так называемому «афганскому вопросу», утверждая, что «афганскую проблему» нельзя решить военным путем, что необходимо уважать национальные ценности афганского народа, оказывать этой стране социально-экономическую помощь, и первым начал практическую работу в этом направлении. В дальнейшем даже руководители крупных государств признали правоту Ислама Каримова.

Президент Туркменистана Гурбангула Бердымухамедов, прощаясь с Исламом Каримовым, с глубоким волнением сказал: «Он очень любил свою страну, был человеком с большой душой. Это был настоящий человек и великий государственный деятель. Мы очень уважали его».

Прибывший в Самарканд, чтобы почтить память Первого Президента Узбекистана, Президент Российской Федерации Владимир Путин отметил, что Ислам Каримов осуществил огромную работу во имя благополучия своего народа, в самые трудные времена обеспечил мир и спокойствие, что способствовало процветанию страны.

Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев признал, что Ислам Каримов был великим государственным деятелем, лидером мирового масштаба и всегда вносил важную лепту в обсуждение актуальных проблем на международных форумах.

Выражая соболезнования узбекскому народу, руководители, политические деятели разных стран единодушно отмечали талант и международный авторитет Первого Президента нашей страны.

Мнения, высказанные в зарубежных средствах массовой информации, подтверждают это. Так, в статье президента национальной академии наук Республики Кыргызстан Абдугани Эркебаева, опубликованной в газете «Слово Кыргызстана», было отмечено: «Вместе с дружественным узбекским народом мы тоже прощаемся с этим великим государственным деятелем. Он сделал много хорошего не только для своей страны, но и для нас, кыргызстанцев. Достаточно вспомнить заслуги Ислама Каримова в разрешении кровавых конфликтов, произошедших на юге нашей страны. За это мы должны быть ему благодарны».

Эксперт Зураб Тодуа на страницах российской «Независимой газеты» пишет: «Ислам Каримов принял Узбекистан со множеством проблем и превратил его в последовательно развивающееся, мирное и спокойное государство. В преодолении трудностей и решении проблем ему помогли личный опыт и знания, проницательность, уверенность, смелость и решительность, проявляющиеся в сложной ситуации».

Индийская газета «Hindi» писала: «Ислам Каримов сумел создать сильное и независимое государство. То, что в стране и вообще в регионе были

обеспечены мир и стабильность – заслуга Первого Президента Узбекистана».

Руководители многих государств признают, что Ислам Каримов вел другую независимую политику, был настоящим вождем своего народа. В связи с кончиной Ислама Каримова были приспущены флаг ООН перед зданием ее резиденции в Нью-Йорке и флаги всех государств-членов ООН. В отделениях ООН, расположенных в Женеве и Риме, были проведены траурные мероприятия. На заседании 71-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшейся в конце сентября, тоже почтили память Ислама Каримова, что свидетельствует о высоком международном авторитете Президента.

После смерти Ислама Каримова мировые политики начали предсказывать различные изменения в дальнейшей жизни Узбекистана. Были и те, кто ожидал конфликтов и беспорядков. Однако в это тяжелое и сложное время наш народ продемонстрировал свои лучшие качества. Это отметил Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко, прибывший в Самарканд почтить память Ислама Каримова: «В тяжелые дни испытаний после смерти Ислама Каримова народ Узбекистана еще раз продемонстрировал свою мудрость, высокую культуру и сплоченность».

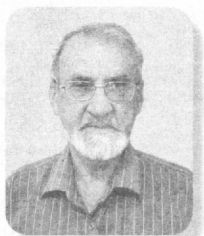
В то смутное время, когда внимание всего мира было приковано к Узбекистану и все думали, что же будет, какой путь изберет Узбекистан, с кем сблизится, от кого отдалится, Премьер-министр Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев, выступая на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса 8 сентября 2016 года, сказал: «Такие благородные качества, как негибкая воля, преданность, смелость и патриотизм, гуманизм и справедливость, искренность и доброта, присущие Исламу Каримову, для всех нас останутся образцом для подражания».

Это высказывание явилось ответом на многие вопросы. Шавкат Мирзиёев особо отметил, что последовательное продолжение реформ, начатых Первым Президентом страны во внутренней и внешней политике, в экономике и других отраслях, их новый этап – приоритетная задача общества.

Сегодня мы видим, что еще одной заслугой Ислама Каримова является то, что он сумел воспитать преданных и честных преемников, которые, несмотря на сложности, достойно продолжают его курс на обновление жизни родного Узбекистана.

27 ноября 2017 года вышло Постановление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева о широком праздновании 80-летия со дня рождения Первого Президента Республики Узбекистан Ислама Абдуганиевича Каримова. Согласно которому были намечены: открытие в январе 2018 года мемориального комплекса Ислама Каримова в Самарканде; установление памятника Исламу Каримову в Карши и проведение торжественной церемонии его открытия; создание Национальным агентством «Узбеккино» документального фильма о жизни и деятельности Ислама Каримова и пр. мероприятия.

Пройдут годы, века, сменяются поколения, но народ не забудет самоотверженной деятельности Первого Президента независимого государства, его исторических заслуг в развитии нашей страны, его любви к народу, его заветов, превратившегося в девиз нашей жизни. Мы и сегодня с искренним сожалением смотрим на его портрет, чувствуя, что и он с любовью смотрит на нас, будто бы интересуясь, довольны ли мы жизнью.



Игорь ЭРНСТ

СКАЖИТЕ, ДЕВУШКИ, ПОДРУЖКЕ ВАШЕЙ...

Повесть

Браки совершаются на небесах

В день приезда было знамение.

Яркое солнце блистало; воздух, как бывает высоко в горах, казался осязаемым; плыли в небесной синеве клочки белых облаков. Но что-то неуловимо изменилось, набежали тени и... И дождь, и солнце... одновременно хлынули с небес... Крупные капли высыхали в воздухе, не достигая выгоревшей травы. Но растаяли облака, затихло эхо грома, и пошло в горах всё по-прежнему.

Я стоял над оврагом возле лёгкого металлического забора, вокруг кружились незнакомые дети. С ними предстояло прожить месяц.

После полудня мы были на высокогорье. Здесь начинались настоящие горы, и первой стояла вершина не самая, быть может, могучая, но самая близкая из нескончаемой череды горных пиков, она господствовала над местностью.

Колонна остановилась на насыпи через лошину.

– Приехали! – закричали дети.

Высыпали из автобусов. Детвора сбежала на дно лошины между холмами и помчалась по накатанной грунтовой дороге среди невысоких деревьев.

Возле ладного кирпичного домика под сенью деревьев стояла полная особа лет сорока в белоснежном халате. Расставив ноги и подбоченясь, она доброжелательно рассматривала входящих. Пожалуй, это и есть Татьяна Фёдоровна.

– Так это вы! – воскликнула она, протягивая руку. Пожатие было крепким. – Будем работать. А где ваши вещи?

– Вот.

– Да? – удивилась Татьяна Фёдоровна скромному портфелю. – Ну, ничего. У нас мало мужчин, и вы возьмёте первый отряд.

Пойдя в направлении, указанном Татьяной Фёдоровной, я вышел к бетонной лестнице. По лестнице вниз и вверх, затем тропинкой к вершине холма – наивысшей точке лагеря.

Вид был неплох.

Небольшая горная долина, затянута дымкой, отгородилась от мира высокими горами.

Игорь ЭРНСТ. Родился в 1946 году в Шахрисабзе. Инженер-электромеханик. Поэт, прозаик. Неоднократно публиковался в журналах и альманахах Узбекистана.

На юго-западе небо серело пылью, поднятой двухмиллионным городом. На северо-востоке, в поднебесье, вздымалась серая Вершина, окутанная туманом. Она отделилась от нас горными кручами, что сцепились, словно зубья гигантских шестерён; между ними должно быть ущелье. И, действительно, оттуда доносился непрерывный глухой шум текущей по камням воды и смешивался с рокотом дизеля.

По голубому небу бежали лёгкие облака и бросали тени, скользившие по горам. Сияло солнце. Деревья застыли, впитывая жар лета. Неуловимые тени подвижных облаков скрадывали подробности рельефа, и оттого казалось, что очертания местности не остаются неизменными, а краски становятся то ярче, то бледнее. С каждым новым беспечным облачком, набежавшим на солнце, с каждой новой тенью являлся новый, неповторимый лик долины, – так в калейдоскопе одни и те же разноцветные стёклышки, складываясь по-иному, создают узоры, напоминающиеся на всю жизнь.

Появились дети.

Я спустился пониже, к двум соснам над красным оврагом. Здесь и было дано знамение: ударил гром в ясном небе, и пролился дождь.

Говорят, что слепой дождь к счастью.

На линейке (так называется площадка для общих сборов) не протолкнёшься.

Татьяна Фёдоровна, начальница лагеря, в первый отряд отсчитала пятнадцать девочек и шестнадцать мальчиков. Вожатой мне досталась Ирина, утренняя приличная девушка.

Девочки посмотрели равнодушно и зашептались, мальчики с презрением отвернулись. Так началась моя педагогическая деятельность.

– Ну-с, с чего начнём? – деловито спросил я свою вожатую.

– Сейчас будет обед, – начала она, – и вам...

– Игорь Васильевич, – прервала Ирину незаметно подошедшая Татьяна Фёдоровна, – срочно отправляйтесь в столовую и накрывайте на свой отряд. Ира, – обратилась она к вожатой, предварительно строго глянув на меня, – ты немножко помоги Игорю Васильевичу освоиться.

После обеда Татьяна Фёдоровна торопила:

– Игорь Васильевич, давай быстрее. Бельё получили? А занавески?

В павильоне суета: застилали постели, вешали занавески, кричали, спорили, ссорились.

Заглянула Татьяна Фёдоровна.

– Игорь Васильевич, – скомандовала она, – будете спать в палате мальчиков. А сейчас – на полдник.

После полдника временное, обманчивое затишье.

Солнце клонилось к западу. За день воздух прогрелся, и дымка, что в течение дня заволакивала верховья долины, исчезла. Напротив, за провалом ущелья, поднималась лесистая гора, невысокие деревья окружали полянки, связанные овечьими тропами. Далее вырастала другая гора, ещё круче, ещё выше, под самый диск солнца, в складках её уже легли глубокие тени.

По выпуклому склону холма устроили лестницу с такими широкими ступеньками, что можно подняться не запыхавшись. С обеих сторон лестницы расположились жилые павильоны, как бы на ярусах.

Павильоны, рассчитанные на два отряда, были одинаковой планировки. На общую веранду выходили двери палат и маленьких торцевых комнаток. Из каждого отряда спускалась лесенка на бетонную дорожку.

По такой дорожке шла в наш отряд Татьяна Фёдоровна. Похвалив Ирину, она серьёзно спросила:

– Как ваши дела, Игорь Васильевич?

– Хорошо.

Она строго покачала головой:

– Черед полчаса линейка. Не опаздывайте.

В репродукторе заиграл горн – пора.

– Шагом марш! – громко сказала Ирина, и мы первыми предстали перед ясными очами начальницы, взобравшейся на помост-трибуну. Она открыла рот, и все замолчали.

– Дорогие дети! Вы приехали в лагерь набираться сил и здоровья. Мы знаем, что к нам сюда приехали умные, красивые и послушные мальчики и девочки... Наш лагерь очень хороший. Посмотрите кругом – какие высокие, красивые горы. Вы будете ходить в походы, – соблазняла детей Татьяна Фёдоровна.

Над небольшой горной долиной мощно довлела Вершина. Пышное облако зацепилось за скалы, застряло и клубилось в нетерпении.

Дети устали. Они переминались с ноги на ногу, баловались. Малышня села на корточки.

– Игорь Васильевич, – подсказала Ирина, – вам пора в столовую. Возьмите девочек, отряд я приведу сама.

Накрыли на ужин.

– Руки, дети, покажите ваши руки! – потребовал я, вспоминая своё детство.

– Они чистые, чистые! – кричали мальчишки и прятали руки за спину.

– Не пушу! – и подростки нехотя совали кончики пальцев под воду.

Уселись, умолкли, застучали ложками. Поужинали. Пошли в отряд. По дороге половина разбежалась. Когда же день кончится?

Стемнело. Зажглись мощные светильники на крышах.

Прошла Татьяна Фёдоровна, сказала важно:

– Сегодня массовка. Игорь Васильевич, проследите, чтобы все ваши дети были.

Завели музыку. На широких ступеньках лестницы прыгала детвора.

Наконец, отбой. С криком, гамом, шумом, поминутной беготней. Но вот улеглись, замолчали. Слава Богу, день первый закончился! Я вышел на дорожку, протиснулся меж ёлочек, сделал несколько шагов вверх по склону и поднял голову к небу.

Чёрное Небо с близкими яркими звёздами опрокинулось на меня. Галактика, великая, могучая Галактика...

Возникла Татьяна Фёдоровна в белом халате.

– Игорь Васильевич! Ирина! Планёрка! В беседке! – и ткнула рукой вверх.

В беседке над нашим павильоном собрались воспитатели и вожатые. Татьяна Фёдоровна заговорила об обязанностях педагогического персонала.

Взошло светило и затопило своим обжигающим светом лагерь, долину, весь мир. Горные ели отбрасывали резкие конические тени.

Я разглядывал женщин, но ни одно лицо не привлекало внимания. Посмотрел и на девушек, светленькая, Винсента, стала вожатой во втором отряде. Соседка.

– Планёрка окончена! – объявила Татьяна Фёдоровна. – За работу, товарищи!

Репродуктор заиграл побудку.

Татьяна Фёдоровна прошла по-хозяйски, заглянула к нам, нашла упущения.

– Игорь Васильевич! – только и сказала она. И добавила: – Ведите отряд на физзарядку.

Потом стелили постели, умывались, завтракали, убирали павильон... Дорожку я поливал сам. Из шланга. Нравилась мне эта работа. Есть в ней что-то захватывающее, глубокое, философское. Можно сосредоточиться.

Второй отряд тоже закончил уборку. В гости к Винсенте пришла черноволосая подружка, и они, облокотившись на перила веранды, наблюдали за поливальщиком.

А Ирина напоминает:

– Игорь Васильевич, отрядная работа.

Отрядная работа – это когда воспитатель воспитывает детей. Полтора часа в день. ...Чем занять детей? О чём с ними говорить? Девочки ещё могли сосредоточиться, но мальчишки, как существа более примитивные, вертелись, задирались, тянули за волосы девчонок и издавали нелепые вопли.

Земля залита солнечным светом. Утренняя прохлада ещё не сменилась жарой дня, гулял ветер, принося благоухание горных лугов с далёких хребтов.

Беспокойная Татьяна Фёдоровна возникла на фоне неба:

– Как ваши успехи? – обратилась она к детворе. – Как Игорь Васильевич, не обижает вас?

– Нет, – закричали дети, – не обижает.

После ужина приехала кинопередвижка, показывали в столовой. Фильм не занимал; я ушёл, поднялся на холм, лег на траву, заложив руки под голову.

В необычайно чёрном небе лучились разноцветные звёзды. Душе хотелось чего-то необычного. Томила она.

Фильм закончился. Прибежали дети, началась суетола.

Заснули...

С гор тянуло холодом.

...Предутренний сумрак. Воздух светлел, таял фиолетовый туман в дальних ущельях.

– Все в сборе? – Татьяна Фёдоровна смотрела серьёзно и собранно. – Начнём. Вчера очень плохо прошёл отход ко сну в первом отряде. Игорь Васильевич, прошу вас, будьте... – она поискала слово, – решительнее. Понимаю, вы человек новый, но пора, пора...

Черноволосая девушка, подружка Винсенты, участливо глянула на меня.

...Обед. Сегодня по графику в столовой дежурят мальчишки, народ ненадёжный.

Наконец, вытерли столы, составили стулья. И поссорились.

Лужайка возле столовой опустела, а на скамейке у ёлок сидела девчушка и плакала горячими слезами.

Из разговора выяснилось, что девочку зовут Нателла, что она из четвёртого отряда и что ей в лагере не нравится. С Нателлой никто не играет, и вообще без мамы плохо.

– В каком классе ты учишься?

– В четвёртом.

– Смотри, как интересно: и класс четвёртый и отряд четвёртый. В отряд пойдём? Девочка подумала и сказала:

– Пойдём.

Я вытер слёзы с пухлых щёчек, взял Нателлу за руку и отвёл в павильон. Воспитательница сердито отчитала девчушку, позвала вожатую, и та увела Нателлу спать. В дверях девочка оглянулась.

...После полдника Нателла ждала меня возле столовой. Она прыгнула со скамейки:

– Пойдём погуляем, – и взяла меня за руку.

Мы бродили по лагерю, рвали цветы, искали кузнечиков и мило болтали. Устав, Нателла сказала:

– Иди в отряд. Я тебя позову.

Производственный роман начался.

Солнце клонилось к закату. Время от ужина до массовой, то есть танцев, которым образом свободно, и я забрался повыше по склону, чтобы узнать, как на долину надвигается ночь.

Сначала дальние, а потом и ближние склоны превратились в слитную чёрную массу. Блеснула звезда, затем ещё... ещё... и, наконец, над миром воссиял мерцающими звёздами торжественный и высокий купол Ночи.

Опять Млечный Путь, подобно волшебной реке, протянулся сквозь Вечность. И снова душа отрывалась от земли, металась среди далёких светил, требуя чего-то невыразимого словами.

...Завели музыку: на лестнице скакало население лагеря.

Татьяна Фёдоровна разговаривала с коллегами училками. Винсента с подружкой весело смеялись. Я начал было разговор с ними, но заскучал и сказал покровительственно:

– Вы, молодёжь, гуляйте, а нам уж по домам пора.

Моя интонация задела черноволосую девушку.

Вприпрыжку взбежал на холм, вдохнул полной грудью, потянулся, присел, выпрямился.

Пройдясь по палатам, собрав и сложив разбросанную детскую одежду, я сел за стол на веранде. Высокогорье, непривычность обстановки, богатство событий, непосредственность детского мира обостряли мои чувства, а чувства требовали выхода.

Школьная тетрадка, чистые страницы ждут моих мыслей. Но перо не нанесло и штриха – слишком многое хотелось выразить несколькими словами.

Татьяна Фёдоровна застигла на месте преступления:

– Игорь Васильевич, вы на работе и должны находиться рядом с отрядом. Идите на лестницу, сегодня массовка.

Освещённую лестницу усыпала веселящаяся детвора. Я намеренно прошёлся перед глазами Татьяны Фёдоровны и встал так, чтобы быть у неё на виду.

– Белый танец, белый танец, – кричали дети.

Подошла высокая черноволосая девушка, подружка Винсенты. Неловко протянув руку, она сказала:

– Приглашаю вас.

Мы танцевали и говорили о каких-то пустяках. Закончилась музыка, я вежливо улыбнулся.

– Вы воспитатель первого отряда. Вас зовут Игорь Васильевич.

– Да.

– Пойдёмте наверх, – мягко, но настойчиво сказала девушка.

Мы поднялись до конца лестницы, миновали полосу елей и остановились на открытом месте. После захода солнца я ещё ни разу не оказывался так высоко и теперь с любопытством смотрел во тьму: вдалеке на разной высоте светились редкие точки электрических огней, а слева под самыми звёздами дрожал слабый ответ костра.

– А вас как зовут?

– Рита. Маргарита.

– А по батюшке?

– Маргарита Генриховна.

Меня поразило совпадение имён, в котором был, наверное, некий знак: бабушка моя – Маргарита Карловна.

– А вы в каком отряде?

Звёзды над нами висели так низко, что, протянув руку, можно коснуться любой.

Маргарита вздрогнула и подалась ко мне.

– В четвёртом. Я вожатая. Мы здесь на практике.

У девушки было красиво очерченное удлинённое лицо, тонкий с горбинкой нос, высокий чистый лоб.

– Вы учитесь в педагогическом?

– Нет, в университете на филологическом. Мы с Винсентой в одной группе. И очень испорченные, у нас на филфаке все такие.

– Ну, филфак, дело известное.

Руки наши случайно соприкоснулись.

– Скоро отбой, изволите вниз?

– Нет, постоим ещё.

Над миром царила тишина; гудение мощных светильников, ровный несмолкающий рокот дизеля, детские возгласы – случайные звуки, суета. Они заглухнут, останется покой, шум реки и шорох ветра.

Объявили отбой.

– Проводите меня, – повелительно сказала Маргарита.

Простились у крылечка четвёртого отряда. Татьяне Фёдоровне не понравилось.

Присяду-ка перед сном. Подошла Винсента и, помолчав, сказала:

– Пойдёмте погуляем. Рита ждёт.

Мы качались на качелях, кружились на карусели. Ночь была прохладна и тиха, наш смех разносился далеко. Так бы и веселились до утра, если б не побаивались Татьяны Фёдоровны.

Утром на планёрке штормило.

– Как! – восклицала Татьяна Фёдоровна. – Вчера первый отряд получил двойку за дополнительную территорию. А в тихий час воспитатель отправил мальчиков на хоздвор. Игорь Васильевич, потрудитесь объясниться!

– Виноват, не досмотрел. Больше этого не повторится.

– Товарищи! – официальным тоном сказала начальница. – Мы должны извлечь уроки из недопустимого поведения Игоря Васильевича. Сегодня открытие смены, будет торжественная линейка, потом костёр. Первый отряд сегодня дежурит. Игорь Васильевич, на вас возлагается большая ответственность.

...В качестве дежурного воспитателя я обходил лагерь; сейчас поднимался к воротам по асфальтовой дороге, с обеих сторон обрамлённой живой изгородью. Из-за кустов выбежала Нателла. Увидев меня, она воскликнула:

– Смотри, что я нашла!

– Какой замечательный! – препротивного вида кузнечик сидел на ладошке у девочки; задние ножки связаны, чтобы не улетел. – Пойдём, Нателла, погуляем.

– Мне некогда, – отвечала моя повелительница. – Меня ждут. Я тебя найду, когда потребуешься. Можешь идти.

С высот веранды своего павильона Татьяна Фёдоровна расстреливала меня глазами.

– Игорь Васильевич, где вы ходите? Почему не в отряде?

– Татьяна Фёдоровна, сегодня ж наш отряд дежурит, вот и хожу.

На веранде под руководством Маргариты четвёртый отряд распевал: «Где-то на свете колдунья жила...»

– Вы не могли бы после отрядной работы подняться наверх? – Маргарита показала на живописную арку высоко над павильоном.

Татьяна Фёдоровна смотрела неодобрительно.

Нателла испепеляла взглядом свою вожатую.

Мой отряд пустовал, девочки-дежурные шептались, Ирина заперлась у себя

в комнатке. Для порядка одёрнул покрывала на кроватях, поправил половики.

Отправился я на условленное место, сел на траву и стал ждать. Место, где Маргарита назначила мне свидание, представляло из себя весёлую лужайку возле высокой арчи. За спиной полукругом стояли ёлки, а перед глазами открывался вид на долину.

– Как хорошо, что вы пришли, – сказала Маргарита, опускаясь рядом на землю.

Мы сидели почти касаясь друг друга. Девушка была смугла, руки хорошей формы, ровные пальчики с продолговатыми ноготочками.

На веранде Татьяна Фёдоровна разговаривала с воспитательницей.

– Какая жестокая женщина, – сказала Маргарита. – Почему она с вами так?

– Не знаю. Пустяки. На правах благодетеля. Моя мать знакома с ней.

– Расскажите о себе, – попросила Маргарита.

– Ничего особенного: двадцать восемь лет, преподаватель в политехническом.

– А факультет?

– Энергетический. Семейная традиция. В нашем роду все электрики. А вы почему пошли на филфак?

– Моя мама работает доцентом на историческом. Решили, что мне лучше на филфаке.

– Будете учительницей русского языка в школе?

– Нет, я буду писать диссертацию. Мама поможет, – Маргарита улыбнулась с мудростью наивного ребёнка.

Татьяна Фёдоровна сошла на дорожку и двинулась в сторону ворот. Мы замолчали.

– Как по-вашему, кто я по национальности? – спросила Маргарита.

– Мне кажется, вы с Кавказа, – ответил я осторожно, хотя считал, что девушка скорее татарского происхождения.

– Моя фамилия... – она назвала распространённую армянскую фамилию. – Но мама у меня русская. Почему у вас такая фамилия? Вы кто?

– Русский, точнее, православный. Почему такая фамилия, не знаю.

Голосом начальницы всполошился репродуктор:

– Игорь Васильевич, подойдите к воротам!

– Mademoiselle, прошу извинить. Служба-с.

Маргарита Генриховна милостиво кивнула головой.

На воротах гомон – как на птичьем базаре. После второго завтрака детвора снова сбежалась сюда и облепила ограду, ожидая появления на дороге запоздалых родителей.

– Игорь Васильевич, где вы ходите? Отправьте детей по отрядам.

– Есть! Разойдитесь! Разрешите идти, Татьяна Фёдоровна?

Пошёл я мимо четвёртого отряда, спросил Маргариту:

– Всё в порядке?

Маргарита перегнулась через перила и улыбнулась.

После полдника начались сборы на торжественную линейку. Сумятица, крик.

Начался праздник: маршировали, выступали, махали флажками.

Стемнело. Весь лагерь собрался вокруг костра. Моторист дядя Саша плеснул солярки, дохнул перегаром и бросил спичку. Сноп искр выбросил костёр в Звёздные Небеса.

Дети радовались. И у взрослых сошла с лиц обычная озабоченность. Завели музыку, танцевали на траве под чёрным небом.

– Маргарита Генриховна, – сказал я, – когда дети уснут, встретимся на лестнице.

Костёр догорел, остались одни угли.

...И мы встретились; спустились к кострищу. Как и днём, сели рядом. Тлеи угля, выбрасывая в темноту лёгкие облачка дыма, на секунду заслонив звёзды и сразу же бесследно растаяв.

Свежо, даже холодно. Я обнял Маргариту за плечи, она прижалась ко мне.

...Утром на планёрке Татьяна Фёдоровна сердито смотрела на физрука. Собиралась гроза.

После завтрака к Винсенте пришла Маргарита и как бы между прочим сказала:

– На полянке после отрядной работы.

...Маргарита сидела на траве.

– Здравствуйте, Маргарита Генриховна! Рад видеть вас.

День напитывался шумами: река бежала в ущелье, крутился дизель, листья деревьев колыхались под ветром, детский неугомонный гомон вставал над лагерем.

Хорошо нам было вдвоём на этой солнечной лужайке, но я остерегался Татьяны Фёдоровны:

– Надо идти.

– Подождут, – отвечала Маргарита.

Из-за елей вышла сосредоточенная Нателла, прижимая к груди букетик цветов. Увидев нас, она рассердилась.

– Рита, – сказала Нателла своей вожатой, – ты почему здесь с Игорем Васильевичем разговариваешь? А в отряде тебя ищут. А тебе, – повернулась она ко мне, – должно быть стыдно, – и заплакала.

– Я, пожалуй, пойду, – Маргарита встала. – Действительно, меня, наверное, потеряли.

– Нателла, милая, не плачь. Разве мы тебя чем-нибудь обидели?

– Ты совсем ко мне не приходишь, а с Ритой дружишь, – выговаривала ревнивица. – Отведи меня в отряд.

Кружным путём, под ручку, добрались мы до павильона.

...Не торопясь поужинали – и на массовку. Опять Татьяна Фёдоровна вывалилась из темноты на освещённую веранду и распорядилась:

– Игорь Васильевич, идите на танцы.

...Уложили. Спят дети. Винсента шепнула:

– Тебя Рита ждёт.

Маргарита стояла в тени тополей.

– Пойдёмте наверх, – не дожидаясь ответа, она стала подниматься по лестнице. На приплюснутой вершине холма мы остановились.

Слишком близко мы стояли и сами собой наши руки соприкоснулись, пальцы переплелись. Мы поцеловались. Поцелуй был строгим и целомудренным. Это был даже не поцелуй, а акт признания, акт единства и родства.

Прошла почти неделя со дня приезда; с детворой стало легче.

Вставал я рано, в час неуловимой смены ночи и дня, когда звёзды гаснут и тихий предутренний сумрак наполняет долину, разминался на спортплощадке, умывался под тугой струёй воды из гидранта. На планёрке Татьяна Фёдоровна, покончив с планами наступающего дня, щедро раздала замечания за вчерашние проступки, а затем помчалась в радиорубку:

– Александр Иванович, немедленно придите на спортплощадку.

Но заспанный физрук пришёл к нам.

– Чего это Танька разоралась?

– Тебя потеряла. Дети одни у гидранта с водой... – с улыбкой ответила Винсента.

– Ах, шушера, из мухи слона сделает. Пойду к себе, – Александр Иванович невозмутимо и сладко зевнул.

Винсента поманила меня за собой. Мы спустились к нижнему павильону и остановились у открытого торцевого окошка.

– Вот, послушай, – торжественно сказала Винсента.

Из комнаты Александра Ивановича доносился храп.

– Ну и что?

– Так ведь двенадцать дня, – досадуя, объяснила Винсента.

Распорядок дня Александра Ивановича был весьма своеобразен. Позавтракав, он ложился спать и мирно почивал до обеда, а вечерами его никто не видел. Заметим, Татьяна Фёдоровна не порицала физрука за нарушения режима. Только через много лет я сообразил, на что намекала Винсента.

Обед: стучим ложками, хлебаем компот – всё окей, порядок, а возле нашего с Ириной стола Маргарита и Винсента с тарелками в руках:

– Мы хотим сидеть с вами.

– Конечно, прошу.

Татьяна Фёдоровна сделала движение в нашу сторону. Девчонки первого отряда многозначительно переглянулись.

Татьяна Фёдоровна нависла:

– Девушки, вы должны сидеть со своими отрядами.

– Да, да, – согласно отвечали девушки.

Вечером кинопередвижка привезла «Странствования Одиссея». И этот вечер, и предыдущие будили во мне томительные чувства, но оставаться в одиночестве уже не хотелось. Незаметно я оказался на скамейке-качалке возле столовой.

Вышла Маргарита на крылечко, осмотрелась.

– Маргарита Генриховна, идите сюда.

Она села рядом. Изредка я поглядывал на девушку, так доверчиво прильнувшую ко мне.

– Как хорошо, что вы есть, – сказала она.

Фильм закончился, и возбуждённая детвора высыпала на лужайку.

Мы с Маргаритой поднялись по лестнице.

– Вы не устали?

– Нет. Я позову, – она ласково улыбнулась.

Фильм произвёл на детей впечатление, и они превратились в древних греков: слёрнули покрывала и превратили их в туники. Олег Лаптев бегал по веранде, выскакивал на дорожку, падал коленями на бетон и кричал, поднимая руки:

– О Боги! Покарайте неверную Пенелопу!

Долго шумели, вспоминая подробности вечной «Одиссеи».

...Лёгкая беседка возле лестницы, вид на спящую долину. Лагерь освещён – заметно любое движение. Нас трое. А Татьяна Фёдоровна спит. А мы смеемся.

Смена лопалась от мероприятий. Каждые три дня. То костёр, то эстафета, то олимпиада, то кукольный театр, то самодеятельный концерт, то ещё что-то... Вот и сегодня Татьяна Фёдоровна объявила:

– ...Концерт вожатых и воспитателей. В том числе Александр Иванович, Игорь Васильевич и Саша. Послезавтра представление.

– Что делать будем?

– Ай, – отмахнулся физрук, – успеем. – И, позавтракав, пошёл спать.

...Вечерело. Облака клубились у Вершины. После ужина – массовка.

Радист менял немногочисленные пластинки, мелодии повторялись. Детвора

оставила нас с Маргаритой одних на ступеньке. Она прикрыла веки, я чуть прилёк девушку к себе и чёрные мягкие волосы скользнули по щеке.

Две пары глаз пристально смотрели на нас – Татьяны Фёдоровны и Нателлы.

О чём все мы думали? Никто не знал будущего.

Отбой!

Маргарита ждала на спортплощадке.

...Дизельная, из открытых ворот выливается сноп тёплого жёлтого света, крутая тропинка, ущелье. Из жуткого провала водопада веяло холодом и пустотой.

Нашли невысокий скалистый выступ, сели тесно. Камень, омываемый водой, уже остыл.

Прошались у четвёртого отряда. Маргарита протянула руку чуть выше, чем следовало для простого пожатия. Я прильнул губами к тонким пальцам. Нас ударило электрическим током, притянуло, мы поцеловались жарко, по-настоящему...

...Половина четвёртого утра. Не ночь – не рассвет, удивительное время. Свет-дело медленно. Как скоротечно время, как краток, неуловим миг!

На планёрке я переглядывался с Маргаритой, смотрел на её лицо, на губы, что вчера целовал, на руки, обнимавшие меня. Она склоняла голову, и чёрные волосы рассыпались по плечам.

Татьяна Фёдоровна обратилась к физруку:

– Александр Иванович, завтра ваше мероприятие. Вы готовы?

– Готовимся, – нехотя ответил он.

– Александр Иванович, вы не должны сорвать мероприятие. Вы у нас в плане лагеря.

– Сегодня репетируем. В тихий час.

Запел репродуктор:

– Вставай, вставай!

...Уборка в павильоне. На нижней ступеньке лестницы собралось общество – Александр Иванович и молоденькие вожатые. Общество решало важные педагогические проблемы, то есть сплетничало.

Все одновременно увидели, как из-за столовой вышла группа женщин. Впереди – повариха Татьяна, миниатюрная брюнетка, за которой, как говорили, ухаживал Александр Иванович. Следом победно шагала сама Татьяна Фёдоровна, затем Ирина, Света и другие. Повариха ташила огромный чемодан.

Изгоняемая обладала приятной моськой и точёной фигуркой, созданными для разнообразных любовных утех. Я и позавидовал Александру Ивановичу, и поревновал, и позлорадствовал, и посочувствовал. Заметив мой взгляд, физрук отвернулся. Он походил на собачонку, у которой недобрые люди отобрали сладкую мозговую косточку.

Торжественная процессия удалилась в сторону ворот. Общество потопталось и разошлось.

После отрядной работы Маргарита позвала на лужайку.

Мы зашли слишком далеко; настало время объясниться.

– Я женат, Маргарита Генриховна, – бесцветным голосом произнес воспитатель первого отряда.

– Знаю, Игорь Васильевич, – ответила вожатая четвёртого отряда.

Она прижалась к моей груди, слушая стук моего сердца. Чуть не вырвались слова, что обязали бы меня ко многому, но я, к сожалению, промолчал.

Через полчаса по лестнице навстречу поднималась Татьяна Фёдоровна.

– Игорь Васильевич, не забывайте, что вы на работе. Рита, иди в отряд.

Мы с начальницей остались одни.

- Вы же женатый человек, – сказала Татьяна Федоровна с укоризной.
- Маргарита хорошая девушка и достойна всяческого уважения.
- Ну не знаю, не знаю...

В тихий час позвали на репетицию.

Вечером кино – «Джентльмены удачи».

Вечер, как и предыдущие, был полон очарования летней ночи. Мне не хватало Маргариты.

Татьяне Фёдоровне не сиделось, она кружила по лагерю и увидела меня.

– Вы упорно не хотите быть с отрядом, – теперь уже добродушно сказала она.

– В столовой и так полно взрослых.

Когда начальница удалилась, я раскрыл тетрадь. И опять ничего не смог написать. Как много безвозвратно уходит в прошлое...

Ночью мы сидели в беседке над лагерем. Маргарита прижалась ко мне, её рука лежала в моей. Темные силуэты гор окружали нас. Ночная прохлада стекала в долину. Свет от фонарей сквозь редкую листву падал на землю, и лагерь, совсем прозрачный, лежал у наших ног.

Долго прошались. Не хотелось расставаться.

Утро. День. Полдник. Мероприятие: концерт воспитателей и вожатых.

Мы с Маргаритой кружились на широкой ступеньке. Звучала странно знакомая мелодия, я стал вслушиваться в слова:

Any time, any place, any way...

– Что вас так заинтересовало, Игорь Васильевич? – спросила Маргарита Генриховна.

– Не могу понять, что за песня.

– «Скажите, девушки...»

Да, изменённая, на чужом языке. Как она будоражила меня в молодости!

Много лет тому назад сердце итальянца Родольфо Фальо исторгло бессмертную музыку. И вот здесь, в тихой горной долине, высоко над миром, когда обнимал за талию почти незнакомую мне прекрасную черноволосую девушку, звучало: «...Тобой одной дышать!»

Девушка эта каким-то непостижимым образом заняла в моей жизни самое главное место, изменила прошлое и будущее.

Разбежались дети по павильонам. Ночь опустилась на лагерь.

После разлуки с прекрасной поварихой Александр Иванович влился в нашу компанию. Он играл на гитаре и распевал:

Мы лежим в нашем маленьком гробике,

Ты костями прижалась ко мне...

Уже несколько дней лагерь жил ожиданием похода, и с побудки детвора засобиравшись в путь – этот день сегодня. Татьяна Фёдоровна остудила горячие головы:

– В поход на «Двенадцать ванночек» идут отряды с первого по четвёртый.

Множество трагедий разыгралось в то утро у заветной калитки. Татьяна Фёдоровна лично отбирала достойных и показывала доктору. После селекции осталось с полсотни ребятишек.

Татьяна Фёдоровна встала возле калитки, подозвала Александра Ивановича и меня.

– Александр Иванович, вы старший в походе. Но, Игорь Васильевич, ответственность вы оба несёте одинаковую.

Татьяне Фёдоровне так не хотелось выпускать нас из лагеря. Ей казалось, что без неё обязательно случится что-нибудь плохое.

Ничего плохого не произошло; вернулись все, живые, здоровые. Татьяна Фёдоровна добросовестно пересчитала входящих.

Детвора моментально разбежалась, мы с Маргаритой пошли рядышком. Татьяна Фёдоровна что-то шепнула Ирине, и вскоре репродуктор тревожно возгласил на весь лагерь:

– Игорь Васильевич, подойдите к своему отряду.

Пожаловаться Александру Ивановичу, что ли?

– А ну их на спину, – разозлился физрук. – Танька кого хочешь загрызёт.

...Казалось, что Нателла забыла обо мне, но сегодня она ревниво оттолкнула Маргариту.

– Ты со мной танцуешь, – распорядилась девочка. – А ты, Рита, иди.

Нателла строго расспрашивала меня о походе: всё ли прошло благополучно, интересно ли было в горах, не повстречался ли нам белый кузнецик и почему её не взяли её с собою.

– Нателла, милая, – оправдывался я, – ты же знаешь, что в горы отпускает только Татьяна Фёдоровна. А если б мне попался белый кузнецик, я обязательно принёс бы его.

– Всё равно, – сердилась Нателла, – ты должен был взять меня в поход.

Снова обнимаю гибкий стан. Снова чувствую дыхание Маргариты.

...Наутро была суббота, законный родительский день. Папаши и мамы навалились сразу после завтрака, разобрали своих чад. Чем заняться?

Навстречу поднимался по лестнице физрук, вертя брелком с надписью «ROLLS ROYCE» на фишке. Любил Александр Иванович мишуру.

– Пойдём ко мне!

Александр Иванович шегольски махнул брелком с ключами (он обладал отдельной комнатой!), отпер дверь, усадил меня на кровать, сел напротив и сказал:

– Будем тебя рисовать.

Он развернул лист ватмана, взял карандаш, внимательно взглянул, заставил принять нужную позу и углубился в работу. Примерно час спустя сказал:

– Готово.

Законченный портрет Александр Иванович повесил над кроватью.

Шестьдесят метров до отряда преодолевались полчаса.

С веранды доносились возбуждённые голоса, о чём-то спорили мальчишки, часто выкрикивая моё имя. Интересно, интересно, весьма...

– Ирина послала меня искать Игоря Васильича, нигде его нет, – кричал белобрысый Пашка. – Захожу я к Александру Ивановичу, а там этот сидит, – подросток, видимо, жестом изобразил очки. – Ну, подхожу к нему и по морде ему, и по морде! На тебе! И шелобанов по лбу!

– Да врёшь ты всё! Мы тебя знаем!

– Я? Вру? Да идите сами посмотрите! Там Александр Иванович его портрет нарисовал, так я подошёл к портрету – и по лбу!

– А! – разочаровались мальчишки. – Портрет. Подумаешь!

Орлом взлетел на веранду. Растерянное молчание, Паша краснеет...

...Тихий час. Дети лежат в кроватях; томятся, рассматривают, поднося к глазам, кисти рук.

...Кинопередвижка доставила «Виннету – вождь апачей». Все в столовой. Ещё один таинственный летний вечер в горах.

Фильм закончился; опять кричат, топают, ссорятся.

...Серыми ручьями в чёрной траве тропинки вьются наверх, на вершину холма. Тёмная долина под звёздным небом, силуэт гор, река шумит. Звёзды,

красные, жёлтые, голубые, мерцали и лучились. Одни мы под Млечным Путём. Дыхание Маргариты касается меня.

...Время было за половину смены. Летние дни, наполненные теплом и благоуханием трав, исчезали в прошлом.

Однажды после отрядной работы Маргарита взяла меня за руку и через вершину холма, через шель в заборе, через Красные пески привела на крохотную лужайку в роще.

Светило высокое солнце. Мягкая лесная трава приняла нас, невысокие кусты арчи касались иголками.

Моя любимая гневалась:

– Игорь Васильевич, какой вы нерешительный!

Моя любимая упрекала:

– Игорь Васильевич, неужели вы не видите, неужели вы не понимаете, что происходит?

Моя любимая резкими движениями обрывала травинки и бросала на землю:

– Игорь Васильевич, неужели вы не можете сообразить, что я вас...

Мне хотелось схватить её, прижать к сердцу крепко-крепко и сказать: «Маргарита Генриховна, любимая! Я люблю вас, я не могу жить без вас, – сказать так жарко, так убедительно, так пылко, чтобы ели покраснели, чтобы слаше запахли травы, чтобы ярче засияло солнце, чтобы закружились наши головы, чтобы поняла Маргарита, что значит она для меня».

Но – молчи, молчи!

...Три месяца тому назад я ударил жену по лицу. Из уголка рта заструилась кровь. И ни раскаяния, ни сожаления, ни удовольствия...

Два года назад, второго сентября, во вторник, моей дочери исполнилось двадцать дней. Она лежала в больничной кровати и умирала.

Судороги выламывали тело, зрачки закатились, подбородок задрался, из раскрытого рта вырывался хрип. Ребёнок задыхался, синие пятна шли по телу. Сухими глазами я смотрел на агонию и мял кислородную подушку.

Страшно было в палате и тихо, только с шипением вырывалась из трубки кислородная струя.

В происходящем – трагедия и величие. За год, прошедший со дня женитьбы, я прикоснулся к таинству Брака, к таинству Рождения, а теперь и таинство Смерти открывалось мне.

Но что это? Синева вдруг сошла, тельце порозовело, больничная палата наполнилась привычными звуками жизни. Дочка слабо пискнула, получила бутылочку молока, сделала глоток, другой... Жива...

Слёзы потекли у меня только вечером, на людях, в автобусе.

Рита, Рита, как же сказать тебе об этом? Поймёшь ли ты в двадцать лет, как умирает ребёнок, твой ребёнок, умирает на твоих глазах и ты бессилен?

...Моя милая то бледнела, то краснела от негодования. Чёрные глаза метали молнии, но мелькало и недоумение.

– Ну почему вы такой? – она запнулась. – Почему?

Потому, Рита. Потому что:

Жена ходила – живот огурцом. Говорили – мальчик. Родилась девочка.

Девочка родилась беспокойной. Спала плохо, во сне вздрагивала, часто просыпалась и стонала. Грудь брала вяло и после еды срыгивала.

– Ничего, – уверяли врачи, – пройдёт.

Однажды я расстилал свежее бельё на кушетке, жена распелёвывала дочку в кровати. Она позвала меня. Я подошёл и застыл.

Маленькое хрупкое тельце, ещё и костей в нём нет, стягивалось судорогами так, что под кожей вздувались сухожилия. Я взял дочку на руки и почувствовал сильный жар. Термометр показал сорок.

Мы оказались в больнице, в реанимации. Больница пользовалась дурной славой.

Затемно я ехал на рынок за свежими продуктами, возвращался домой, готовил еду, затем мчался в больницу, вечером стирал пелёнки с кровавыми пятнами от бесчисленных уколов. Жена со своей матерью неотлучно находились в больнице. В палату меня пропускали беспрепятственно; нас знали, привыкли и не обращали внимания.

Дочка жила и плакала, плакала непрерывно, корчилась от боли. Её надолго забирали на процедуры. Из открытого окна процедурной доносился крик, вой, в котором ощущалась лишь одна безмерная боль, ни на миг не отпускавшая слабое тельце.

Этот крик и по сей день стоит в моих ушах.

О, если б я мог эту боль принять на себя!

Вызвал начальник:

– Ты опаздываешь, раньше уходишь. Нам это не нравится. Ты что, особенный?

– Вы же знаете, у меня тяжело болен ребёнок.

– Так не умирает же!

Меня посылали в командировки, лишали премий, под Новый Год понизили в должности и срезали зарплату. Дочка была дороже. Я не сдавался, но слабел, невольно совершал ошибки в работе и в общении. В глазах многих светилось плохо скрываемое торжество – чужое горе всегда радует. Один сотрудник, с рыбой губой, улыбаясь выкрикнул: «Здорового ребёнка родить непросто!»

К концу октября нас выписали. Жена металась по врачам. Медицинские светила, промышлявшие консультации, аккуратно вкладывали в тугие кошельки червонцы и четвертные билеты. «Да, да, – равнодушно говорили они, – тяжёлый случай. Надеемся, – и привычно качали головами: – Умрёт или калека будет». Было и такое: «Я, главный детский окулист города, заявляю: ваш ребёнок – слепой!»

Я не верил. Жена плакала.

Дочка задыхалась. Неведомые силы выламывали её тело, то скручивая в колечко, то выгибая мостиком. Глаза безвольно закатывались, синий треугольник вокруг рта пугающе выделялся на бледном, без кровинки, личике. Непрерывный жалобный стон вырывался из груди.

Мы распелёвывали дочку. Освободившись, она лежала неподвижно, бессильно распластавшись, только судорожно вздымалась грудь. Ручки прижимались к телу, а ножки, согнутые в коленях, приходилось долго массировать, прежде чем удавалось выпрямить. Она не спала – забывалась, и в забытии морщилась и вскрикивала, просыпалась и жалобно стонала. Часами мы носили ребёнка на руках, укачивали, со страхом глядя на корчившееся исколотое шприцами тельце.

На улицах мы заглядывали в чужие коляски. Там лежали младенцы – упитанные, розовые, толстощёкие. Они сладко спали или весело шурились. Зависти к счастливым родителям мы не испытывали, но думали: «Почему судьба немилостива к нам?»

По житейской неопытности болезнь дочери не скрыли от друзей и соседей. Как бы ни было фальшиво сочувствие, мы в нём нуждались.

У жены пропало молоко. Дочку прикармливали, она выталкивала соску, и еда проливалась на пелёнки. Боже, как она плакала!

Положение было трагическим. Больной ребёнок – и никаких надежд на выздоровление. В глубине души я готовился к худшему, не зная, как буду жить дальше.

Но ребёнок не умер, ребёнок остался жить, а к зиме обозначилось улучшение.

В декабре встретил на улице сокурсника. Мы не виделись со дня окончания института. Выпили, поговорили. Не всё плохо было в моей жизни, впервые за много дней в душе наступил покой.

И дома стояла тишина.

– Где мои девочки? Гуляют?

– Увезли, – ответила мать жены.

– И куда?

– В больницу. Воспаление лёгких.

Боже мой! Всё повторилось. Бессонные ночи, лекарства, уколы, непрерывный плач. Откуда брались силы, не знаю.

На животике у пупка появилась выпуклость и пульсировала в такт плачу. Осталась последняя надежда.

Старуха-знахарка распеленала ребёнка.

– Какая беленькая! Выйдите из дома, – распорядилась она.

Старуха заперла дверь и задернула занавески. Вскоре позвала:

– К врачам не ходите. Давайте соки.

Девочка не плакала. Мы пошли на поправку. Жизнь наша стала меняться, менялись и мы.

Горе не объединило нас, горе разделило. Ссоры стали нормой. Что происходило – не понимаю и сейчас.

Тёща моя была простая женщина, даже слишком. Пришла женина бабка, злобная чёрная старуха.

– Муж объелся груш, – объявила она, стуча костылём. – Место своё не знаешь? Разве это деньги?

Они хотели денег. Много денег.

Летом старуха, лакмус и катализатор, ушла, но зло осталось.

– Обеспечивай! – кричала жена. – Я одеваться хочу! Ты неудачник! Ты ничтожество! Ты даже здорового ребёнка родить не можешь!

И тогда я ударил жену по лицу. Первый раз.

Мир должен был погибнуть, но ничего не произошло.

Я пожаловался Маргарите Карловне.

– Сам выбирал, – сурово сказала бабушка. – Жена – это святыня.

Отравилась моя душа. Разве я не знал бессонных ночей, разве не падал без сил, разве не стремился сделать всё, чтобы ребёнок поправился? Что не так?

Однажды утром я вошёл в комнату, где спала жена. Она спала безмятежно, тёмные кудри обрамляли прелестное лицо, лёгкое покрывало обрисовывало изящную фигурку. Но девственность тела и невинность в глазах вовсе не предполагают такой же чистой души.

...– Где вы? – спросила Маргарита, дотронувшись до моего плеча. – Ну, скажите хоть что-нибудь, – взмолилась она.

– Вы ещё так молоды, Маргарита Генриховна.

Маргарита с досады сломала веточку арчи.

Мы вернулись в лагерь. И опять Татьяна Фёдоровна насупилась...

Вечером на массовке собрались на обычном месте – у скрещения дорожки и лестницы. Гремела музыка, детвора прыгала и кричала. Мы с Маргаритой держались за руки; дети каким-то обострённым чувством понимали наше состояние и с удовольствием, даже с завистью, смотрели на нас.

От малышни отделилась Нателла и решительно направилась к нам. Госпожа ловким движением отгеснила Маргариту и властно сказала:

– Игорь! Смотри! Это тебе!

Она протянула вперёд руку со сжатым кулачком. Я наклонился, Нателла разжала пальцы. Великое сокровище лежало на раскрытой ладони, вместе с сокровищем мне отдавали свою любовь, взамен требуя невероятно мало – меня самого. Это был светлячок, он ярко горел в маленькой ладошке.

– Нравится? – застенчиво спросила девчушка.

– Да, очень! – с жаром ответил я.

– Возьми!

Бесценный дар.

Маргарита хотела взглянуть на светлячка и подалась вперёд, но Нателла сердито отдернула руку и спрятала за спину.

– Отойди, Рита, – голос Нателлы дрожал от злости. – Отойди! Я тебе ничего не покажу! – и, обращаясь уже ко мне, маленькая женщина гневно добавила: – Ты не пойдёшь к ней! Ты будешь со мной!

Мы с Маргаритой переглянулись и разлучились на целый вечер. Но она успела шепнуть:

– Я приду за тобой.

С Нателлой я танцевал до отбоя, затем провожал до палаты и укладывал в кроватку. Послушав сказку, рассказанную только для неё (другим детям Нателла запретила слушать!), она заснула, пальцы ослабли и освободили меня от наивных объятий.

В серебряном свете мягко скользнула в палату Маргарита и положила руки мне на плечи. Мягкие чёрные волосы пали на щеку.

Серыми тропинками, реками, вьющимися среди тёмной травы, мы поднялись на вершину холма.

Торжественность и неподвижность царили в природе, но в темноте кипела незнакомая нам жизнь. Из ущелья доносился ровный и густой шум реки, а любой другой звук разносился далеко между горами.

– Осталось десять дней, – грустно сказала Маргарита.

Она всё понимала, моя любимая.

Почти супружеские объятия кружили нам головы.

Она оказалась той самой женщиной, которая даёт мужчине один раз в жизни, раз и навсегда. И тем острее было сознание скорой разлуки.

Мы с Маргаритой завели привычку после трапез, держась за руки, минут двадцать стоять на крылечке столовой; опершись на перила, и смотреть на дальние меловые склоны, блестящие под солнцем, на красные осыпи, на горную Вершину, вокруг которой вечно клубились облака. А перед тем как разойтись, долго прощались на лестнице.

Вечером очередной шедевр – «Иван Васильевич меняет профессию».

Из столовой доносились звуки музыки и восторженные вопли. Татьяна Фёдоровна совершала вечерний обход.

Фильм закончился. День прошёл.

...Долго тянулись минуты в ожидании. Знакомый силуэт появился на дорожке.

– Её заснули. Кино обсуждали.

...Открытая беседка высоко на склоне. Пальцы наши переплелись. Вдруг привычные звуки ночи исчезли.

– Что это? – спросила Маргарита.

С Небес лились звуки неземной красоты. Они ниспадали торжественно и неторопливо. Невольно встав и подняв головы, мы затаили дыхание. Вселенная

разверзлась, души наши воспарили в неведомый горный мир, где соединились в одну, единую и неделимую.

...Какие свежие утра стояли в горах! А Татьяна Фёдоровна неустанно устраивала глупые разборки. Доставалось всем, но вот взор начальницы падал на меня, и она ярилась:

– Игорь Васильевич! Маргарита! – восклицала она. – Что происходит? Почему дети меня спрашивают: «У них, что, любовь, да?» Это безобразие!

Я молча вставал и выходил из беседки. Что сказать тебе, Татьяна? Сама не видишь? Да, любовь у нас, да. И ничего плохого в этом нет. Напротив. Объясни лучше детям, что это такое.

Маргарита не решалась выйти из беседки, кусала губы до крови.

Увлёкшись, Татьяна Фёдоровна говорила только о нас. Картины ужасающего разврата вставали перед глазами педагогического персонала лагеря: вот Игорь Васильевич и Маргарита, остановившись на лестнице, смотрят друг на друга, вот он, чудовишный распутник, обнимает вожатую четвёртого отряда за талию. А вот коварный соблазнитель на глазах у невинных детей целует точёные пальцы бесстыдницы. А она!.. руку!.. не отнимает!..

Я не мог понять, какая сила заставляет её обсуждать то, что никого не касается, что плохого могут увидеть дети в тех чувствах, что придавали нашим лицам необычайную одухотворённость?

Татьяне-то Фёдоровне руки никто не целовал...

...За две недели на свежем горном воздухе я окреп, с лица сошла бледность, руки и ноги стали сильнее. Спал мало, но и за полночи силы восстанавливались.

И хлопот, и красот природы вполне хватило бы, но Судьба приготовила нечто уж совсем необычное. Случился у меня лагерный роман, нечаянный, но не короткий, а на всю жизнь. Случился он не вовремя: на руках больной ребёнок, и мне должно быть с ним. Я не любил и не уважал жену, но оставить своё дитя!

Я ничего не говорил Маргарите о болезни ребёнка, зачем? И она не догадывалась, какие мысли тревожат меня.

Мы разлучимся – она предчувствовала, и оттого на глаза её наворачивались слёзы.

Однажды Маргарита упрекнула меня:

– Вы, Игорь Васильевич, только искатель приключений.

О, если б мы могли предвидеть будущее! Мне и в страшном сне не могло присниться, что встречу свою пятнадцатилетнюю дочь на улице, а она взглянет карими бархатными глазами, пальчиком в изяшной перчатке оттолкнёт и скажет: «У меня теперь другой папа!»

Но к тому времени я безвозвратно потеряю Маргариту. А память о бессонных ночах над кроватью и память о давно ушедшем лете останется. И этого у меня никто не отнимет.

А пока мы жили в лагере и Маргарита считала дни:

– Осталось восемь дней...

...Приближался конец смены, отношения между сотрудниками лагеря сложились окончательно. Интерес к теме «воспитатель первого отряда плюс вожатая четвёртого отряда» заметно снизился. На планёрках Татьяна Фёдоровна чаще говорила:

– Давайте доживём спокойно.

Нателла меня разлюбила. Она увлеклась Сашей-вожатым и неотступно следовала за ним, не сводя с парня восторженных глаз. Переменчиво девичье сердце! Но вот что интересно: ко мне Нателла относилась как госпожа, а к Саше – как рабыня.

...На закате солнце заходило за горы, под музыку дети веселились на ступеньках, чинно сидели воспитательницы на скамеечках.

Маргариты не было, где ж она... Наконец-то...

– Спасибо, Игорь Васильевич, – сказала она, положила руки мне на плечи и поцеловала.

– За что, Маргарита Генриховна?

– Ах, Игорь Васильевич, не отрицайте. Вы так внимательны.

– Не понимаю.

– Но ведь это же ваша роза?

Возле кровати Маргариты на столике среди веточек арчи, птичьих перьев, нарочито небрежно положенных на красивые камешки, в стакане с водой стоял роскошный цветок, излучая в темноте слабое красноватое сияние. Дар неизвестного поклонника был городским, изысканным и ухоженным, с толстыми бархатными лепестками и сочными листьями.

– Нет, это не моя роза.

Но Маргарита не поверила.

Вот мужчины нашего лагеря – кто же? Одним поступком он сказал больше, чем я за всю свою жизнь.

Отбой, дети уgomонились. Маргарита взяла меня за руку и увела на вершину холма, сели на обнаженные корни. Наши пальцы переплелись, тёплое дыхание Маргариты слилось с моим... А невидимая луна Лилит опалила нас мёртвыми своими лучами.

Сегодняшний вечер ничем не отличался от предыдущих, но впервые я так остро ощутил горечь разлуки. Маргарита была рядом, но, казалось, нас разделяло безмерное пространство.

...У крылечка столовой я был в тот момент, когда Маргарита выходила из зала.

– Маргарита Генриховна!

– Я знала, что вы здесь, Игорь Васильевич, – сказала она с улыбкой, – и что вы меня ждёте.

Я поцеловал изяшные пальцы, обнял стройный стан, прижал к сердцу любимую. Взявшись за руки, мы сели под тополями и засмеялись. И никто не слышал нашего смеха.

Маргарита распахнула блузку, обнажила грудь и подалась вперёд:

– Смотри, что у меня есть!

У основания левой груди чернела родинка, великое девичье сокровище. Я хотел прикинуть к родинке губами, но Маргарита отстранила меня и застегнулась.

– Это тайна. Твоя и моя, хорошо?

Закончился фильм, ребятки мои шумели, не желая спать. Через пятнадцать минут свидание с Маргаритой, как быть? Помощь пришла неожиданно: девчонки, интуитивно понявшие ситуацию, вошли в палату мальчишек и громко зашептали:

– Вы, что, дураки? Не соображаете, что ли? Она его ждёт, а он из-за вас уйти не может.

Мальчишки озадаченно замолчали, потом кто-то сказал:

– Эй, пацаны, давайте спать. Он всегда за нас заступается.

Подождав на условленном месте, я отправился в четвёртый отряд. Она лежала с закрытыми глазами.

– Вы спите, Маргарита Генриховна?

– Нет, но почему-то сегодня очень устала.

– Ты спи, я пойду.

– Нет, подожди. Наклонись.

Я подчинился. Она обняла меня за шею, притянула к себе и властно сказала:

– Ты мой! Мой!

Закружились наши головы, я осыпал поцелуями прекрасное лицо.

...Утром на планёрке Татьяна Фёдоровна сказала:

– Перед отъездом дети становятся неуправляемыми. Вам всё понятно, Игорь Васильевич?

Татьяна Фёдоровна посмотрела на Маргариту, на меня, оглядела присутствующих и вздохнула.

После отрядной работы мы ушли на лужайку над павильонами.

– Так неужели вы не видели Олега?

– Нет, не видел.

По-видимому, Олегом был тот высокий красивый парень, с которым Маргарита разговаривала в соседнем лагере.

После паузы Маргарита сказала:

– Он хочет жениться на мне.

...Детвора читала план мероприятий, вывешенный возле столовой.

– Зори! Зори! – носилось по лагерю.

Мероприятие «Зори», точнее «Встреча зорь», имеет содержание: идут в ночь жечь костёр до рассвета. Этой ночи ожидали с нетерпением, с уважением рассказывали о счастливых, уже встречавших зори.

После ужина наши отряды собрались возле столовой. Заветная калитка отворилась и выпустила детей в ночь. Счастливые подростки гуськом потянулись в ушелье.

...Костёр горел. Он выбрасывал в Чёрное Звёздное Небо клочья пламени; слабые, они быстро гасли. Но вот кто-то бросил в огонь сухое крепкое полено, и костёр мощно вспыхнул, взметнулся вверх. Сгусток огня оторвался от костра, поднялся ввысь и поплыл по небу, ярко пылая. В Мире стало светло, как днём.

С горящего неба падали на Землю каплями расплавленные звёзды. Одна капля упала в моё сердце и сожгла душу. Где ты, моя любимая? Где ты, моё прошлое, моё будущее? Где ты, моя жизнь? Неужели вы так и сгорели в Ночном Костре? Неужели так и пропали вместе с давно ушедшим летом?

Вернулись в лагерь к завтраку. У калитки – Маргарита.

– Когда мы увидимся? – грустно спросила она.

– Помнишь, Рита, как у Швейка? В шесть часов вечера после войны.

...Через месяц, на исходе августа, мы встретились на ступеньках театра. В последний раз взглянули друг другу в глаза, последний раз наши пальцы сплелись, последний раз чёрные мягкие волосы коснулись моей щеки.

И мы расстались.

И ничего не случилось.

Не померкло солнце, не осыпалась листва с деревьев, не обрушились горы, не упали замертво птицы. Ничего.

Прохожие равнодушно смотрели на нас.

...Прошло много лет.

Я не сделал счастливыми ни Маргариту, ни дочку, ни себя – никого!

С женой – развод, дочь проходит мимо, а где Маргарита?

И сам я – где?..

Зимние этюды



Николай ИЛЬИН

* * *

Когда судьба отрицает правильность
И жжет мосты, как листву сентябрь,
А едкий дым, разнося отравленность,
Тревожит сердце больней, чем встарь,

Кто в силах мыслью ответить осени
И вызнать таинств осенних смысл,
Кто разглядит ее света сны,
В которых солнечный диск застыл?

Быть может, тот, кто не стал затерянным
В листвы сугробах и не увял,
Кто в вечной смене времен уверенный
Остался бодр и листве не вял.

И что тоска одинокого паруса? –
Пусть блеклый лист упадет, скорбя,
И мир, охваченный желтым хаосом,
В свой листопад призовет тебя.

* * *

На «прошлом» и «ныне» все деля,
Ноябрь влечет прозрачностью осенней,
И желтый выдох гаснувшего дня
Сродни листве, усталой и рассеянной.

Застыл твой день, и стынет кровь твоя
От желтизны и умопомрачения,
Когда свершилось солнца отречение,
И ветер, четки листьев тербя,
Твердит осенних истин изречения.

Николай ИЛЬИН. Поэт, литературовед, переводчик. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Доцент, автор множества научных публикаций, поэтических сборников: «Первая тетрадь», «По клавишам души», «На кочевьях времен», «Обетованная память», «По стопам листопада», «Если окно открыто...».

* * *

В ноябрь уходят краски лета
И гаснут, блеклость обрета,
Жестокость угасанья света –
Реальность власти ноября.

В охапку времена схватив,
Я растерял мой август где-то,
С его утратою без следа
В календаре возник разрыв.

Прощанье, за сердце беря,
Являло блеклости приметы,
И листьев обреченность эта
В глаза бросалась всем подряд.

Фатальность пагубного вето
На силу летнего добра,
Упрямые порывы ветра
И возглас листьев «Всем пора!» –
Все подтверждало правду эту.

Пора!..
Но мы спасенья ради,
Хоть проблеск в тусклых днях найдя,
Любой соломинке так рады,
Чтобы не ведать глуби дна,
Не ведать неприятной правды,
Когда проступит среди дня
Узор кладбищенской ограды
Эстетикой небытия.

* * *

Колеблются мира увядшие троны,
Деревья лишаются кроны,
Пейзажи зимы предвкушают вороны,
Где каждая станет матроной.

Тускнеет белесого солнца корона,
Соломы желты макароны,
И хрипнут дворовых собак баритоны,
Листвы стерегущие схроны.

* * *

Убаюкивает время
Зимней присказкой природу.
Поздних листьев сбросив бремя,
Ветви голы и свободны.

В замирающем миру
Осознание ненастья,
И на стынушем двору
Пустота и безучастье.

Солнечный снег

Зима, надев свой новый фрак,
Нас потрясала черно-белым,
Земли бесснежные пробелы
Являли траурности знак.

Потертый солнечный монокль
Не прояснял нутра вселенной,
Но обнажал живую боль,
Где желтых листьев гобелены
Съедала солнечная моль.

* * *

В полузастывший мир зовут,
В неотвечающее эхо,
В декабрь, подбитый белым мехом,
И снега приглушенный звук.

На всем уныния печать
И облетевших листьев стаи,
Мой снег, умеющий молчать
И мысли сохранять, как тайны.

* * *

Ветры листву унесут
К самой окраине года,
Пусть совершает природа
Свой гармонический суд.

Пусть засыпает листва
Мира озябшего бездну:
Праведность снега известна,
Белого, как чистота.

* * *

Чистой марлей, белой тканью,
Белизны стерильным рвением
Утверждает мирозданье
Зимнее мировоззренье.

Растворяя в белый цвет
Красок позднее сомненье,
Льдов искрящийся ланцет
Удаляет листьев след,
Отсекая все осеннее.

ДВОЙНАЯ ПЕРСПЕКТИВА В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ ИЛЬИНА

В начале октября прошлого года состоялась презентация нового сборника известного ташкентского поэта Николая Ильина «Если окно открыто...».

Думается, что у каждого поэта в каждом стихотворном сборнике можно найти строчку или строки, которые могут служить неким ключом, если не ко всему творчеству, то к данному конкретному сборнику – точно. Строчки, ставшие для меня ключом к новому сборнику Н. Ильина:

*Я вслушиваюсь в жизнь, в простую ясность
Истекших лет и чуткого «сейчас»,
Чуть уловимого вхождения в реальность
Таких вещей, каких не видит глаз.*

И действительно, разве не в бесконечном вслушивании в жизнь и попытках расслышать в хаосе ее звучания гармонию высшего порядка состоит задача поэта? Одну из своих прозаических книг Мандельштам назвал «Шум времени». За этой гениальной метафорой прячется та самая тайная музыка, которую умеет уловить, а затем выразить в слове чуткое сердце поэта. Это не простой процесс, и не всегда удается точно и безошибочно передать сложную картину времени, но зато одна удача, одно точное попадание стоит многих неудач.

Конечно, мне могут сказать, что тема времени является лейтмотивом для большинства поэтов (и не только поэтов). Времени как метафизической категории и времени как зеркала социальных процессов, происходящих в обществе, в мире, здесь и сейчас и на протяжении всей нашей жизни. Да, наверное, это так, но каждый самобытный поэт (а Николай Ильин именно таковым и является) по-своему осмысливает и озвучивает это преломление времени в себе, ловит, как антенна, какие-то космические волны, которые дано поймать и превратить в звук только его поэтическому «приёмнику», как бы вы его ни называли: душа, опыт, мудрость, стиль или что-то еще, чему нет названия. Именно поэтому всегда интересно видеть, как ошущают время поэты, имеющие свой неповторимый голос.

Чуткое вслушивание в жизнь характерно не только для данного сборника, но и для всего творчества Николая Ильина. В каждой книге его стихов, с его статьях об известных поэтах Узбекистана можно увидеть глубокий и всегда очень интересный анализ времени как социального контекста, в который мы все погружены, тоном или барахтаемся, находим свое место и себя, или, наоборот, теряем. Впрочем, иногда все эти процессы происходят с пугающей одновременностью, и это тоже замечательно точно отражено в большинстве «социальных» стихотворений Николая. Я не случайно взял в кавычки слово «социальные» – они всегда таят попытку изображения двойной перспективы: взгляд из самого потока времени и взгляд со стороны на этот бурный поток, в котором так трудно разглядеть настоящие глубинные смыслы. Вовлеченность и отстраненность – две ключевые интонации, характерные, как мне кажется, для стихов поэта.

Эта двойная перспектива присутствовала и в прежних сборниках Николая Ильина, в книге *«Если окно открыто...»* она выражена с какой-то новой, пронзительно ясной, силой. Сборник состоит из нескольких разделов, и большая их часть посвящена размышлениям о времени в его, так сказать, *линейной* форме. Настоящее здесь переключается с прошлым и вслушивается в эхо, идущее из будущего. В синтезе этих голосов в напряженном взаимодействии рождается стихотворный текст, содержащий в себе размышление, вопрошание и вслушивание, ищущий пути преодоления границ времени через сопряжение с вечным кругом бытия:

*Я стал независим от праздников,
От красных и будничных дней,
Мне больше не видится разницы
В свидетельствах календарей.*

*И следуешь внутренней логике
Незримых изгибов судьбы,
Где дней даже малые толики –
Времен верстовые столбы.*

Во многих стихах поэт грустно иронизирует над нелепыми издержками прогресса и попытками времени опередить самое себя. В таком же ироническом, или, скорее, все-таки сатирическом ключе написаны циклы *«Изломы цивилизации»* и *«Экологический цикл»*. Я бы назвал сборник *«Если окно открыто...»* полифоническим, когда разные голоса сливаются в гармоническое многоголосие, и этот синтез создает многомерную картину мира.

Но в этой полифонии, пожалуй, самый важный голос – это цикл стихов *«От весны до весны»*. Своей смысловой нагрузкой он уравнивает совокупный объем других циклов. Это как бы вектор, выводящий нас за пределы *социального* времени. Вертикаль, благодаря которой можно подняться над будничным, другая система отсчета, где поистине все изломы (одно из любимых слов в лексиконе поэта) мироздания, цивилизации и времени кажутся относительными и видятся в совсем другом масштабе. Сама идея сопряжения в одном сборнике этих двух перспектив, на мой взгляд, очень плодотворна и замечательна, поскольку дает возможность почувствовать, что конфликт временного и вечного – это наш внутренний конфликт, а в природе с ее годовыми циклами все устроено необыкновенно музыкально, мудро и просветленно.

Николай Ильин и раньше интересно и глубоко размышлял об этом, но в новых стихах появились иные обертоны. В них есть какая-то, выражаясь языком физики, *сверхтекучесть*, потому что их образные и смысловые ряды удивительным образом перетекают друг в друга и балансируют на тончайшей грани хрупкого равновесия двух процессов: вслушивания и звучания. Стихи стали более лаконичными и, возможно, звучат немного приглушенно, но не в смысле выразительности, а скорее в тональности. Иногда создается ощущение, что поэт переходит на шепот, и от этого мурашки бегут по коже. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать любое стихотворение раздела *«От весны до весны»*, где годовой цикл представлен полностью, и стихи как бы нанизаны на нить единого смысла, а точнее – общей темы.

Я бы рискнул сравнить этот цикл с картинами импрессионистов, когда четкие контуры рисунка уступают место ускользающим силуэтам и туманным пейзажам, где за каждым деревом словно прячется знак вопроса. И поэтому сами стихи тоже становятся не столько утверждением какой-то философской идеи или «окончательной» истины, сколько подступом к преодолению любой философии, любого ложного умствования через максимально возможное приобщение к универсальной гармонии земного круга и круга небесного.

Хотелось бы сказать несколько слов о поразительном чувстве юмора и долей иронии поэта. Такого умения играть словами, такого прекрасного чувства языка и тонкой самоиронии можно только пожелать любому поэту. Во многих сатирических вещах поэта мы слышим смех сквозь слезы, и здесь он, несомненно, наследует традиции великой русской литературы. Неологизмы и каламбуры поэта очень часто поражают своей лингвистической точностью и тонкостью:

Спокойствие духа на максимум лет –

Его ключевая идея.

Пусть даже и тонким умом не владея,

Он понял свой менталитет.

И в наших нелегких разборках опять

Он словно сторонний зритель.

О нем уже повесть пора написать

«Дистанционный смотритель»

Или:

Но кто-то переплавился чуть-чуть,

А кто-то «перепловился» изрядно.

Как известно, не бывает вечных ответов, но бывают вечные вопросы. И каждый человек, если он хочет обрести свою глубинную сущность, призван и вынужден искать свои ответы на эти вопросы. Поэзия, как психотерапия, ничего не советует человеку, она просто помогает ему понять себя, свои внутренние конфликты и возможные пути их решения. И, на мой взгляд, чем больше вопросов ставит поэт, уходя от ответов, тем интереснее и многограннее становится его творчество.

Само название «Если окно открыто...» звучит интригующе и приглашает к размышлению. Какое окно и куда оно выходит? И что действительно случится, если его открыть? По сути, все стихи Николая Ильина – это приглашение поискать в себе ответы и вдруг понять, что они никуда не годятся, чтобы начать новый круг квеста.

Эти стихи хочется перечитывать, размышлять и «зависать» над ними, ощущать их музыкальные и смысловые созвучия и после прочтения найти и распахнуть то самое окно. В мир внешний, или, быть может, все-таки в мир внутренний? Или просто понять, что это одно и то же окно.

Бах АХМЕДОВ



Ризо АХМАД

ФУТЛЯР

Рассказ

После разделения некогда большой страны на независимые государства почти все евреи уехали из республики насовсем, а семья Мордухаевых пока осталась. Нужно было продать дом и, если получится, прочие вещишки. Но покупатели всё не шли. Гриша был скрипачом, его свадебный ансамбль из пяти человек недавно распался, и нечем стало зарабатывать на хлеб. Каждое утро он выходил на Зеленый базар к так называемой «бирже». Там нанимались на работу все, кто в этом нуждался. На груди у них висели таблички с названием профессии и перечнем предоставляемых услуг: благоустройство и ремонт дома, кулинария, кондитерское или портняжное дело, воспитание и обучение детей языкам и так далее – список предложений можно было бы продолжить. Таких табличек не было в советское время: подобного спеца тут же привлекли бы за незаконную предпринимательскую деятельность. Но тогда – не скажу, что хорошо, а так себе – работала служба быта и сарафанный телефон. Сейчас всё стало другим, даже люди. И в деньгах стали расчетливей: с самого начала надо было предупреждать, сколько то-то и то-то будет стоить – от поездки на такси или частной машине до строительства дома, евроремонта или отдыха в Анталии.

Гриша сегодня занял место между вывесками «Торты на заказ» и «Услуги медсестры. Массаж и травы». Это были говорливые тетки, и за их разговорами не ощущалось время. На груди у него висела табличка: «Музыкант на свадьбах, банкетах. Скрипка». Но вот уже целый месяц его никто не звал, домой он ничего не приносил – ни копейку какую, ни сверток с курицей впридачу, так что Песя, его жена, уже швыряла ему в лицо несправедливые укоры, а четверо девчонок-школьниц, только увидев его лицо, сразу же опускали глаза и уходили в свою комнату шушукаться и жалеть папу...

Гриша постоял часа два, и у него устали ноги без движения. Зеленый базар был всё еще еврейский, хотя еврейство доживало здесь последние дни и постепенно замешалось другим, незнакомым, торгашеским людом. Гриша пошел к дяде Пинхасу, увидев его стоящим у базарной чайханы. Дядя Пинхас

Ризо АХМАД (Исмаил Ахмедов). Родился в Бухаре в 1951 г. Окончил Институт русского языка и литературы. Профессор, доктор пед. наук. Автор рассказов, повестей, научных публикаций.

был базарным маклером, все серьезные сделки совершались с его участием, и он от них получал интересный процент. Ну а где такой паек имеется, вертится с десяток прихлебателей.

– Что, Гершеле, здравствуй!

– Здравствуйте, дядя Пинхас. Какой солнце сегодня высокий.

– Что, нет ничего?

– Нет. Дядя Пинхас, вы...

– Не продолжай, Гершеле. На, возьми. Купи своим покусать, а себе выпить.

– Дядя Пинхас, я хотел больше. В долг.

– Это не в долг. Это так себе. В знак уважение и любовь к твоим родители.

Отец твой покойный был мой учитель.

– Да, вы всегда с именем отец помогаете. Спасибо, благородный.

– Да потому что он меня научил, и оттого я жив и радуюсь среди этот хму-
рый день. А про долг вообще не говори: не вернешь, хоть и честный ты люди.
Просто не сможешь.

– Может, вы порекомендуете меня кому? Музыка – она всегда нужен.

– Еврейская музык нам теперь нужен в загробной жизнь, Гершеле. Все наши уехали, теперь наш музык не здесь, а в Израиль и Америка...

– Что ты принес, Гершеле, – спросила его Песя, когда он ввалился в дом с большой, полной продуктов, матерчатой сумкой.

– Я принес детям поесть, – сказал он, вынимая из огромной сумки две венгерские курицы, большой кусок говядины, бумажные пакеты с картошкой и морковью, батон докторской колбасы, 8 лепешек, 4 пирожных и 4 коржика. – А тебе и себе – печеночную язву, – и вынул последней бутылку водки. Песя набросилась бы на него и сейчас, почему это он расходует деньги без ее ведома, но, увидев его сгорбленную фигуру, чего не замечала раньше, подошла к мужу и обняла. Ласка и нежные слова были Грише сейчас особенно нужны, и он тоже обнял ее. Девчонки, наблюдавшие за ними из приоткрытой двери, не скрылись, как обычно, а вылетели к родителям и обняли кто за ноги, кто за задницу, выше они пока не доставали. Потом, оторвавшись от взрослых, захопали в ладоши, засмеялись, взялись за руки и закружились в танце, и любой подумал бы, глядя на эту идиллию: нет ничего лучше чистой и бескорыстной детской любви.

Когда после ужина дети ушли к себе, муж и жена открыли бутылку, но выпивка скоро привела их к очередной ссоре... Еврейские люди ругаются страшно и, слава их богу, он их не слушает, а то добрая половина всей еврейской нации ходила бы в калеках: без рук и ног, языка и глаз, а другая была бы обречена на идиотизм, хождение под себя, нестояние того, что должно стоять, и бесплодность того места, откуда появляются дети.

– Дай бог, чтобы у тебя, Гершеле, отнялся руки, чьими ты держишь скрипок, дай бог, – сказала Песя с ненавистью.

– Аминь, – ответил Гриша и встал, взял с вешалки футляр со скрипкой, надел пиджак и туфли и вышел во двор. Она не последовала за ним, и он еще больше сгорбился и вышел на улицу. Ноги куда-то вели его, и он совсем не понимал куда...

Так он прошагал, кажется, целых три улицы и вышел на ту, где теперь строились новоявленные богачи. Вспомнил, что в каком-то из этих домов месяц назад музицировал для четверых мужчин. Они долго и отчаянно резались в карты на большие деньги, то горой лежащие на столе, то исчезающие в

карманах и под задницами. Игроки хлопали его по плечам, а хозяин-узбек угощал его виски, деликатесами и шашлыком. И чем дальше уходила ночь, тем больше они требовали «Хава нагилу»... Он стал искать глазами этот дом и увидел его шагах в ста. Теперь там ни снаружи, ни внутри огня не было. Гриша постоял перед домом в нерешительности, но, вспомнив детей и жену, подошел и робко постучал в калитку больших ворот. Калитка сразу же слегка приоткрылась, как будто его ждали, чей-то силуэт возник в узеньком проеме, и женский голос тихо прошепел:

– Что так поздно, уже час ждем! Забирайте и больше не приходите, а то пойду в прокуратуру, – в его живот ткнулась чья-то рука. – Берите же!

Гриша опустил глаза и в темноте разглядел руку, держащую какой-то большой и пухлый конверт.

– А футляр зачем? Думали, что в кармане не уместится? – женщина зло усмехнулась.

Гриша собрался было ответить, что в футляре скрипка и он музыкант, что недавно у них работал, но калитка резко захлопнулась и послышались удаляющиеся шаги. Он побрел обратно с конвертом в вытянутой руке, постепенно все более ускоряя шаг.

Гриша ушел уже достаточно далеко от того дома, когда к нему вернулась способность соображать. Под светом фонаря он открыл конверт: там были... доллары. Две пачки. 20 тысяч!.. Уйти! Просто уйти. А если кто его видел? Вряд ли, время позднее, улицы темные. Ему по пути никто не встретился. Стоп! Она спросила про футляр скрипки. Это улика! Это страшная улика, его легко найдут, и неизвестно, оставят ли в живых, даже если заберут потом обратно деньги и даже если он вернет их сейчас.

– Вот это да, Гершеле, – минутная радость уступила место горькой усмешке. Гриша уже совсем был не рад этим свалившимся на его еврейскую голову деньгам: и так – не так, и эдак – не так.

– Что делать? Что делать? – повторял он, но ноги сами уже несли его домой, а голова уже знала, что делать, хотя пока и не признавалась языку.

Калитка дома была не закрыта на крючок, и он радостно вздохнул – первая удача в его плане: его страшное теперь лицо не увидит Песя, не остановит вопросом «в чем дело?» Но калитка скрипнула и из комнат послышалось:

– Это ты, Гершеле?

– Да! Я!

– Закрой калитку.

– Хорошо, – ответил он и бросился в туалет. Закрыв за собой дверь на крючок и затих, прислушавшись. Ничто не нарушало тишины. Он опустошил банку от нарезанной из ненужных уже ученических тетрадей туалетной бумаги, затолкал туда в страшном волнении пачки долларов, плотно закрыл банку пыльной пластиковой крышкой, вглядевшись тут же, и бросил в яму. Послышалось, как что-то тяжелое плюхнулось в зловонную жижу. Он вышел с облегчением. Песя опять крикнула:

– Ты где, Гершеле?

– Я в туалете, мне крутить, – ответил он.

Найдя во дворе палку, он вернулся в туалет, закрылся и, просунув палку в очко, нашел ею в жиже банку, стараясь утопить. Потом вытащил вонючую палку, поставил ее у калитки, пошел в сарайчик, нашел там наручники, когда-то, года

два назад, оставленные милиционером Яшей перед своим далеким отъездом, положил их в карман и уже хотел было выйти на улицу, но вдруг хлопнул себя по лбу и вернулся. Теперь он взял футляр, вынул скрипку, прислонил ее к стене, а с футляром снова пошел в туалет. Футляр не проходил в очко, пришлось приподнять одну из вонючих досок. Время тянулось очень медленно, но, наконец, и футляр был утоплен с помощью той же самой палки, жижа полностью покрыла его. Гриша тщательно вымыл с мылом руки и вышел со скрипкой и вонючей палкой на улицу. Через улицу он выбросил палку, дошел до столба с двумя большими шарами-фонарями, разбил их, десять раз при этом оглядевшись по сторонам, вынул наручники, зашелкнул одно кольцо за фонарный столб, а другое – на левой руке и оказался как бы арестован. Снова хлопнув свободной рукой по лбу, нагнулся, поднял лежащую у ног скрипку и постарался как можно осторожнее, чтобы не повредить, отбросить ее метра на два. Скрипка упала гораздо ближе, но и так годилось. Только одна струна оборвалась сразу, басовая.

Ждать пришлось недолго. Проехала машина и, осветив его, остановилась. Кто-то вышел и подбежал к нему. Гриша сразу его узнал, это был тот самый узбек, хозяин того самого дома.

– Ты чё?

– Я не знаю. Я шел своей дорогой, из машины выскочили трое или четверо, отобрали футляр, скрипку выкинули, вон она. Подайте ее, пожалуйста, а то кто наступит или машина наедет. А на чем потом работать? Меня вот сюда вот этими наручниками... Сказали только, чтобы лишнего не вякал, когда милиция заберет. А футляр забрали.

– Что делать, а? Что делать? Боже мой, боже мой! – неожиданно узбек ударил себя по лбу: – Вот что мы сделаем, друг! Я сейчас отгоню машину домой... нет, пусть она здесь... Друг, выручай, а то меня убьют! А ты иди домой.

– Как же, с фонарем, что ли?

– А, да! Сейчас, сейчас! Я же раньше их спокойно – скрепкой. Где скрепка? В моих бумагах. Сейчас, друг!

Дело принимало не тот оборот, какой намечал Гриша. Что лучше, предугадать он не мог. Но колесо закрутилось. Через пять минут всей этой возни они поменялись и местами, и ролями.

– Ты, братан, тебя здесь не было, ладно? Как утрясу, найду тебя сам. Иди домой. Тебя здесь не было, и ты ничего не знаешь, понял? Я тебя сам найду...

Через день узбек нашел Гришу, страшно обрадовался, что тот хочет уехать насовсем, и помог ему продать дом со всем барахлом, добавив при этом от себя разницу между предлагаемой и покупной ценой. Помог он и наскоро выправить документы. Гриша с семьей вылетел в Израиль, а до этого через хавола и дядю Пинхаса, которому (и только ему!) доверился, отправил 20 тысяч долларов дожидаться его.

В городе Ашкелон Гриша купил не квартиру, а сразу коттедж с бассейном и землей под сад (недостающие деньги дала в долг бухарская еврейская община) и устроился в ресторан играть на скрипке в еврейском ансамбле.



Дамир ХУДАЙБЕРДИЕВ

Вы снитесь мне...

Элегия

С кем это вы у стойки бара,
Едва узнал вас, добрый друг,
Прелюбопытнейшая пара
Для всех завистливых вокруг.

О чем вы там... Общеизвестно
Простой банальный разговор
Быть может очень интересным,
Когда приятен нам партнер.

В красивом платье элегантном,
С прической новой в стиле гранж,
Вы в высшей мере импозантны
И так похожи на мираж.

На снизошедшую к нам, смертным,
Богиню редкой красоты,
И своим жестом милосердным
Путь осветившей впереди.

Любуюсь вами, тронут вами,
Вы были дороги мне... Да,
Все что не лечится годами,
То будет трогать нас года.

Пишу вам... просто, рад был видеть,
Передадут ли вам листок,
Надеюсь, что вы не в обиде,
За эту пару лишних строк.

Дамир ХУДАЙБЕРДИЕВ. Родился в 1976 г. в Бухаре. Врач-офтальмолог, работает в фармацевтической индустрии. Публикуется в периодической печати Узбекистана.

Вам в моем сердце места нет

Вам в моем сердце места нет, вас прогоняют восвояси,
И травят ядом сигарет, чтоб вы исчезли в одночасье.
Пропали пропадом... Ату! Зло оскверняю вашу память,
Переступаю за черту, стремясь умышленно вас ранить.

Отныне вы мне не нужны, отныне вы мне безразличны,
Не смейте красться в мои сны, пора бы выспаться прилично,
Я отрекаюсь от страстей, от вас, от их первопричины,
От утопических идей с пустой бесплодной сердцевиной.

Единолично вас сужу предосудительно жестоко.
Все, чем уже не дорожу, что нынче выглядит убого,
Последних вас лишаю прав, уполномочив себя правом
Провозгласить вердикт стремглав и ухмыльнуться вам лукаво.

Мол... Кто там, можно повторить? Для прояснения деталей
Сегодня нужно много пить и чтобы тут же доливали,
Рву ваше фото, ваш портрет теряет силу в одночасье,
Вам в моем сердце места нет. Вон! Убирайтесь восвояси.

Возвращение

Я вернусь к вам, вернусь... Догоняющим эхом,
Держав мимолетным среди белого дня,
Чьим-то очень знакомым до боли вам смехом,
Вдруг напомнившим все, что касалось меня.

Неожиданным зовом по имени, кто там
Вам послышится, звали, и именно вас,
Где-то рядом, быть может, за тем поворотом,
Или это вам кажется только сейчас.

Майский день взбудоражит вас, что это с вами,
Ностальгический ветер обдаст вас лицо,
Он напомнит, как вы заболели стихами
И откуда у вас на мизинце кольцо.

Время приостановится вдруг в полушаге...
Обождите еще пару лишних секунд,
Это я вас окликнул, простите бродяге,
Я не знал, что меня до сих пор еще ждут.

Butterfly

Вам хочется огня, безудержности, страсти,
Лететь на яркий свет беспечным мотыльком,
Все бабочки, увы, подвержены напасти,
И куколками все мечтают об одном.

Мой пляшущий цветок, судьба несет вас в пекло,
Во взгляде томных глаз предвижу ваш конец,
То, что вас так слепит, что в вас почти окрепло,
Не золото, увы, а медь или свинец.

Не мне остерегать, не мне оберегать вас,
Бесчувственность моя не претендует на...
Не признавайтесь, нет... не погружайтесь в пафос,
И не теряйте зря размеренности сна.

От пошлой суеты не будет много толка,
Вам просто снится сон, как нимфам их полет,
На коже плеча беспечная наколка,
Увы, но у меня наколот антипод.

Самосожжение

Как ранима бумага, особенно писем,
Посмотри, как она беззащитна в огне.
Почему я от них все еще так зависим?
Почему они дороги все еще мне?

На границе двух чувств слишком много сомнений,
Я, наверно, пытаюсь приблизить конец
Этих сложных запутанных соотношений,
Двух болезненно связанных в узел сердец.

Не хватило чернил, облаченных словами,
Стоит честно признать, не хватает и сил,
Из последних сжигаю мосты между нами,
Чтоб никто никого никогда не просил.

Не стесняйся, бери, безразличное пламя,
Ощушаю знакомое в жизни тепло,
Эти письма, хранившие связь между нами,
Этот узел, сплетенный как будто назло.

Пророчество

А знаете...

Вы снитесь мне во сне,
лица не вижу,
губы ваши...
шепчут
столь трогательное искреннее мне,
что сердце хочет вырваться навстречу.

Я слов таких не слышал никогда,
я недопонимал их смысла...
Боже,
я верю вам, как веруют в Христа,
до трепета душевного и дрожи.

Я вам молюсь,
услышите ли вы,
как бьется сердце, преданное вере,
непостижимой ранее любви,
желающего чувства в полной мере.

Вы снитесь мне, вы сон мой наяву,
пророчество,
а значит, вы реальны,
я встречу вас,
наверно, к Рождеству,
в его канун,
в ночь,
в праздник карнавальный.

Синяя борода

Вот вам ключи от всех дверей,
Ступайте смело в коридоры
Души запутанной моей,
Что берегут от света шторы.

В заинтригованной тиши,
Пусть вы по-женски любопытны,
Уважьте сумерки души,
Чтобы ей не было обидно.

Смотрите все, внимайте вся,
Коли вам что-то интересно,
Не изменяйте лишь зазря,
Что с виду вроде бесполезно.

Не будьте строгой, понежней
Толкайте двери потайные,
Среди мятущихся теней
Вам могут встретиться живые.

Несите свет с собой во тьму,
Тепло, уют, что вам по силам,
Мне не под силу самому
При моем образе унылом.

Войдите ангелом в мой храм,
Сорвите шторы с пыльных окон,
И в помещении убогом
Поставьте свечи образам.

Галатея

Легко ли мне, Пигмалиону,
Заведомо признав ущербность,
Нести безумия корону,
Творенью собственному верность!
Рук собственных клянусь искусство,
Переживая болью чувство,
Страдаю... Истинно страдаю
И не могу иначе, знаю...
Мне... сумасшедшему... живее
Среди живых и настоящих,
Среди возвышенных и падших
Немая в камне Галатея...
Проклятый мрамор... Проклят я,
Коль нет желаннее тебя!

Порою. В ночь. При лунном свете,
Объяв прохладу изваянья,
Я, словно в искреннем сонете,
Вдруг душу слышу в этом камне,
Мольбу, крик помощи и зов
Освободиться от оков.
Так птица в клетке бога птиц
О воле просит без границ.
И я беспомошен... Святые,
Кто наложил проклятье свыше,
Не дышит та, что всех мне ближе,
И далеки все остальные.

Росой усыпаны аллеи...
И плачет мраморная Галатея.



Лидолия НИКИТИНА

ПУТЬ К СЧАСТЬЮ СЕРДЦЕ УКАЖЕТ...

Рассказы

ЧУДАК И ЕГО ФОНАРИК

В стародавние времена дурнушек было намного больше, чем красавиц. Это сейчас, когда на каждом шагу салоны красоты, любая девушка с невзрачной внешностью, побывав в руках хорошего мастера, может за час-другой превратиться в писаную красавицу.

Но, хоть тогда и было много дурнушек, в невестах они не засиживались: обзаводились мужьями, становились достойными женами, матерями и жили в добре да согласии до глубокой старости.

Однако было бы глупо думать, будто молодцы-удальцы так и рвались к дурнушкам-скромницам засылать сватов с богатыми подарками.

В таком тонком деле, как выбор суженой, редко без волшебства обходилось. Как, например, в истории, которую мы прямо сейчас вам, дорогие друзья, расскажем. В ней пойдет речь об одной юной особе с весьма непривлекательной внешностью, обрести счастье которой помог гном, по прозвищу Чудак.

Однажды, когда он был еще маленьким и жил с родителями и семью братьями, каждый из которых был старше Чудака, семейство на собственном огороде, сто раз копанном и перекопанном, неожиданно нашло старинный сундук. А в нем, когда его открыли, каких только диковинных вещей не оказалось! И драгоценных камней бесчисленно, и золотое оружие, и монеты разного достоинства неведомых государств, золотые кувшины, табакерки! Даже детские игрушки на самом доньшке для кого-то были припасены. Отец распорядился, чтобы каждый член семьи взял себе то, что ему больше всего приглянулось, а остальное добро на семейном совете было решено надежно спрятать от посторонних глаз. К чему брать лишнее? Ведь с ним только хлопот не оберешься!

Глава семейства, крепкий немногословный гном, взял из сундука золотую шпагу. Мать, целыми днями занятая домашними делами, не могла устоять перед флакончиком из бирюзы с каким-то неземным благовоением. Братья-погодки выбрали кто перочинный ножичек, кто заморскую свистульку-дракончика, кто лук и колчан с маленькими стрелами, с которым только на стрекоз

Лидолия НИКИТИНА. Родилась в 1941 г., окончила филологический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Автор сборников литературных миниатюр «Два шага, чтобы встретиться», «Осенняя элегия», «Зеленые яблоки», «Время женщины», нескольких сборников рассказов, новелл и стихов.

да бабочек можно охотиться. А гномик Чудак из всех бесценных сокровищ взял для себя скромный, ничем не примечательный фонарик, который сам в темноте светился ярким голубоватым светом.

Малыш, по прозвищу Чудак, ужасно боялся темноты, но о своих страхах никому не говорил, чтобы над ним старшие братья не насмехались. Особенно ему было страшно, когда по просьбе мамы приходилось то и дело спускаться в подпол за провизией. В нем водились громадные крысы, со стен свисали волосатые пауки со злыми глазами, а с нижних полок шлепались вниз жирные жабы. Так что малыш-гномик поступил разумно, обзаведясь самозажигающимся старинным фонариком.

Прошло достаточно времени с того дня, когда Чудак стал владельцем фонарика. Он уже успел повзрослеть. Однако все эти годы ни на день не расставался со своим любимым другом – фонариком.

Однажды после очередной длительной прогулки по окрестностям, без чего Чудак и дня не мог прожить, прилег он отдохнуть в густую траву, замаскировавшись так, чтобы никто не мог его потревожить. Незаметно для себя гном уснул, а когда проснулся, то увидел рядом девушку. Она старательно пропалывала от сорняков одну грядку за другой неподалеку от добротной хижины с окнами на солнечную поляну, отделяющую этот ухоженный участок земли от дремучего леса.

Девушка была ладненькая, аккуратно причесанная, а уж старательная и проворная – просто не налюбишься! Но когда Чудак присмотрелся к ее личику внимательней, чуть не заплакал от огорчения. Лицо у девушки оказалось все в рыжих веснушках, нос приплюснутый, губы разные: нижняя полная, а верхняя – узкая, будто она эту губу слизала. Да и волосы, хоть и причесанные, а цвета прошлогодней соломы – блеклые, редкие. И как-то вдруг получилось, что Чудак не в обычную, а в противоположную сторону повернул главную кнопку своего фонарика, и сразу вместо лица девушки луч осветил сердце незнакомки! Все цвета радуги переливались в этом добром девичьем сердце, будто драгоценности! И тут понял гном, что его фонарик может не только светить в темноте, но его чудесный луч способен проникать в упрямые от людских глаз человеческие сердца!

Это открытие волшебных свойств фонарика пригодились Чудаку в будущем, когда он всерьез решил заняться одним очень хлопотливым делом – с помощью своего волшебного фонарика помогать добрым и умным девушкам, которых Бог обделил красотой, подыскивать достойных женихов, устраивать их свадьбы!

А теперь вернемся к рыжеволосой дурнушке, сердце которой было добрым и чистым, как настоящий бриллиант. Но кто эту драгоценность разглядит, ведь каждому молодцу красавицу подавай! Вот и вознамерился Чудак помочь дочери лесника подыскать достойного жениха. Но как это сделать, если живет Рыжеволоска в глуши, а к ее дому даже тропинки нет?

Чтобы осуществить свой замысел, принялся гном вырубать деревья, выкорчевывать трухлявые пни, осушать многочисленные болотца – строить к хижине лесника дорогу, ровную, как луч солнца. Не один день пришлось потратить ему на это. Но труд никогда не был Чудаку в тягость: любую, даже самую трудную, работу выполнял он с легкостью и радостью! Ведь когда руки заняты делом, отлично думается! А всяких думок в его голове было множество, ему уже где только не довелось побывать, чего только он не повидал!

И припомнились ему жители больших и маленьких городов, деревень и хуторов с двумя-тремя домишками в дремучих лесах. А какие разные люди в них жили!

Встречавшиеся ему во время странствий девушки лишь на первый взгляд казались милыми и скромными. А в действительности нередко были злючками, завистницами и лентяйками. Конечно, узнать истинную сущность девичьего сердца ему всегда помогал волшебный фонарик. Он безошибочно распознавал такие пороки, как грубость, корысть, зазнайство, лень... Ведь именно они более других портят репутацию будущей жены и хозяйки дома.

Не один день потратил Чудак, пробивая дорогу к дому своей подопечной Рыжеволоски. А когда работа была почти завершена, неожиданно в этих самых местах заблудился охотник, про которого местные жители говорили, что он знает этот лес как свои пять пальцев. Может, и на самом деле знает, но тут явно не обошлось без проказ Чудака. К тому же прежде здесь никогда не было такой ровной да гладкой дороги! Как тут не заблудиться? Молодому охотнику по имени Глеб пришлось несколько часов проплутать, прежде чем он оказался возле хижины лесника, в которой как раз и жила Рыжеволоска, его семнадцатилетняя дочь.

Молодой охотник несказанно обрадовался, увидев хижину. Подошел к распахнутому окошку, заглянул в него и увидел чистую горницу, девушку за столом, которая, ловко перебирая спицами, что-то вяжет. В проворных девичьих руках спицы мелькают, как солнечные лучики, изредка позвякивают, друг о дружку стучаясь, а охотнику вдруг показалось, будто где-то свадебный колокольчик призывно звенит...

Голову девушка от усердия наклонила чуть набок, поэтому личико ее, как ни старался, молодой человек разглядеть так и не сумел. А когда постучался в дверь и попросил разрешения войти, его встретили огромные светло-серые, как лесные озера, глаза Рыжеволоски. И было в этих глазах столько доброты и радости, что Глеб не обратил внимания ни на великоватый нос, усыпанный веснушками, ни на брови цвета спелой ржи, ни на белесые ресницы... А гном в это время своим волшебным фонариком высветил девичье сердце, и заиграло оно такими яркими лучами, что понял охотник: вот она, его суженая! А Чудаку только этого и надо! Когда же Глеб после сытного обеда со свежеспеченным хлебом и чая со смородиновым вареньем поспешил домой, Чудак ему на всю обратную дорогу множество прекрасных мыслей о Рыжеволоске наваял: и хозяйка она отменная, и грибница знатная, и плясунья, и певунья!

– Не упusti девушку! Не смотри, что не красавица, зато тебя всю жизнь любить будет, верной женой станет, детишек здоровеньких родит, уму-разуму их научит!

Не поймет Глеб-охотник, что за чудеса с ним творятся? Как так получилось, что он – самый разборчивый жених во всей округе – вдруг с первого взгляда в скромную, ничем не примечательную девушку влюбился?

Ну и чем хлопоты Чудака кончились? Конечно же, вскоре сыграли в деревне, где жил Глеб, веселую свадьбу. А в момент венчания невеста возьми и в красавицу превратись на глазах всего честного народа!

И все, что Чудак жениху нашептал, оказалось сушей правдой! И жили они в мире и согласии долго и счастливо! При каждом подходящем случае благодарили судьбу за встречу друг с другом. А Чудак ничуть не обижался, что о его причастности ко всей этой счастливой истории никто не догадывается.

Он умел радоваться счастью тех, кому сумел помочь! Ведь исстари известно, что в человеческой памяти остаются не те добрые поступки, что сделали тебе, а другие, автор которых ты сам!

ЗЕРКАЛО МЕЧТЫ

Хмурая Девушка, которую еще никто ни разу не назвал любимой, отчаявшись найти друга, пришла в сказочное бюро добрых услуг и взяла там адрес ближайшей Доброй Волшебницы, до которой можно было добраться на самой обыкновенной электричке.

Через полтора часа Хмурая Девушка сошла на нужной остановке и вскоре оказалась возле приземистого домика, адрес которого ей дали в Бюро.

Войдя в раскрытую калитку, ведущую в сад, Хмурая Девушка увидела проворную старушку, копавшуюся на приусадебном участке, за которым начинался темный бор с огромными соснами и елями, все время что-то шептавшими друг дружке.

Старушка, завидев посетительницу, проворно стряхнула с крючковатых пальцев остатки сырой земли и радушно пригласила Хмурую Девушку в чистенькую и просторную горницу. Мигом разожгла самовар еловыми шишками и стала угощать гостью чаем, настоящим на душистых целебных травах. А когда гостя с удовольствием осушила две вместительные чашки и поблагодарила старушку за угощение, та певучим ласковым голосом спросила:

– Ну, печальница, ответь: хочешь, чтобы в тебя добрый молодец влюбился или же сама больше жизни полюбить хочешь?

Растерялась Хмурая Девушка от таких вопросов. Из ее серых глаз с белесыми ресницами неожиданно полились крупные тяжелые слезы:

– Многого мне не надо... Хотя бы одним глазком взглянуть на суженого, а там – будь что будет!

– Хорошо, покажу я тебе его в волшебном зеркале Мечты, а дальше что делать станешь?

– Отправлюсь его по всему белому свету искать!

– А времени потраченного не жаль будет, если вдруг он на твоём пути так и не объявится?

– Такого не случится! Отыщу, где бы он ни затаился! Но... как он узнает, что именно я – его суженая, а он – мой суженый? Может, дорогая волшебница, вы мне какую-нибудь особую справку выдадите?

– И вправду, вроде других доказательств нет... Раньше как-то проще было: он ей говорит, что суженый, а она ему на слово верит!

За разговорами и домашними хлопотами день кончился быстро, а когда наступил вечер, старушка пошла к колодезю, набрала два полных ведерка воды и листьями лопуха прикрыла. Потом со словами:

– Утро вечера мудренее! На новом месте приснишь жених невесте! – отправила гостью спать на сеновал, потому что была убеждена: городские девушки самые пророческие сны смогут увидеть лишь тогда, когда луна и звезды, разглядывая их нежные девичьи лица, заведут свой неспешный разговор.

Прошаясь перед сном, Хмурая Девушка на всякий случай спросила волшебницу:

– А суженый в мой сон нынешней ночью явится?

– По-иному быть не может! – ласково успокоила старушка гостью.

Ночью же, когда девушка заснула, достала старушка из ведра мокрый лист лопуха, поднесла его к лицу спящей девушки и давай ее будить, приговаривая:

– Всмотрись в фотографию: на ней лицо твоего милого! Видишь, какие у него красивые глаза! Густые брови, кудрявый чуб! Он и песни звонкие петь умеет, и плясать мастак! Ну, нагладелась, голубушка, на суженого?

– Нагладелась! – прошептала сквозь сон гостя, а сама тут же повернулась на другой бок, будто никакой беседы с волшебницей и не было.

Перед рассветом старушка еще раз вышла из избы, взяла из другого ведерка мокрый лист лопуха и снова стала будить крепко спящую девушку, приблизив отливающий лунным светом лист к ее лицу:

– Посмотри, какая ты нынче красавица стала! Ну-ка, улыбнись своему молодцу! Да не робей! Парни робких девчат не привечают!

– Это я? – не просыпаясь, спросила девушка. – Разве я умею так улыбаться? Всем известно, что с детства я хмурая, молчаливая, дикая...

– Конечно это ты! Не сомневайся! Ведь сейчас смотришь на себя не в обычное зеркало, а в волшебное – Зеркало Мечты! Какой себя в нем пожелаешь увидеть, такой и станешь, если, конечно, постарайся!

– Постараюсь! Постараюсь! – не открывая сонных глаз прошептала гостя.

– Только смотри не забудь вот эту самую улыбку! Ну-ка, еще разочек улыбнись! Смелей! На всякий случай дома у своего зеркала по утрам тренируйся! А теперь складочку между бровей убери – ни к чему она красивой девушке! Дай-ка я ее расправлю! Отлично, надо тебе в глаза еще особые капли закапать – в них смешинки растворены. Как взглянешь на любимого, так они искорками из твоих глаз брызнут и прямо в его глаза попадут. Весело обоим станет, рассмеетесь, а там, глядишь, знакомство легче пойдет, разговор сам собой у вас завяжется.

Долго еще шептала, стоя на коленях возле изголовья спящей девушки, старушка свои волшебные слова. Уж очень хотелось ей помочь Хмурой Девушке отыскать своего суженого, без которого ни одна девушка никогда счастливой не станет.

Утром гостя проснулась, побежала к колодцу, а там со вчерашнего вечера полные ведра стоят. Глянула она в одно и, о чудо! Суженого на какой-то миг в воде увидела! Он улыбнулся ей и даже карим глазком подмигнул, мол, не отчаивайся, отыщем друг друга!

Глянула в другое ведро – в нем девушка красавица с веселыми искорками в глазах ее приветствует. Не сразу в той очаровательной незнакомке Хмурая Девушка себя признала, а когда поняла, в чем дело, побежала к старушке-волшебнице с благодарностью.

А та уже горницу прибрала, брусничного варенья в глиняную плошку положила, блинов целую горку испекла!

– Ну, как спала-почивала на новом месте, милая? – наливая в чашку парное молоко, поинтересовалась хозяйка.

– Ах, какие замечательные сны мне у вас на сеновале привиделись! Жаль, птицы своими ранними песнями разбудили. Век, кажется, спала бы и не просыпалась!

– В молодые годы много спать – зря время терять! – проворчала старушка.

– Ой, и правда, пора мне домой собираться, как бы на учебу не опоздала! – вспомнив о неотложных делах, засуетилась гостя.

– Задерживать не стану. Вот только запомни: путь к милому твое сердие

само укажет! Слушайся его. Ведь именно в нем живет твоя мечта. А она не позволит тебе с верной дороги сбиться!

– Молодой человек, которого я во сне этой ночью видела, уж очень знакомым мне показался, где-то прежде мы с ним встречались... Вот только где, не могу вспомнить...

– Вспомнишь, а если будет трудно, он сам тебе на выручку придет!

– Скажите, это правда, будто у вас есть волшебное зеркало, в котором можно свою самую заветную мечту увидеть?

– Не веришь ты себе, вот и ищешь всякие чудеса на стороне. Ну зачем тебе в чужое зеркало смотреть, когда свое имеешь?

– Нет у меня никакого волшебного зеркала. Только вот это – самое обыкновенное, – и девушка достала из сумки зеркальце, глянула и удивленно подняла вверх свои белесые бровки:

– Скажите, что со мной произошло этой ночью? Я стала другой, на себя не похожа!

– Перед встречей с любовью каждая девушка преображается, хорошеет! Разве ты этого не знала?

– Слышала, да не верила. А теперь спасибо за все! Мне пора! – от избытка чувств девушка расцеловала волшебницу и поспешила к электричке. В вагоне под мерный стук колес ей было над чем поразмышлять: оказывается, как за верила добрая Волшебница, каждый Зеркало Мечты имеет в своем сердце! Разве такое возможно?

Вдруг чуть наискосок от девушки на освободившееся место сел молодой человек. Какое-то время он, не отрывая восхищенного взгляда, всматривался в лицо попутчицы, а потом взволнованно спросил:

– Пожалуйста, ответьте мне, только искренне, вы верите в чудеса?

– Смотря в какие! В добрые – верю! – брызнув потоком смешинок в глаза молодого человека, улыбнулась она.

– У меня сегодня день рождения, признаюсь, ужасно хочется в первом же встретившемся кафе отметить свое двадцатилетие!

– В какой-то степени я сегодня тоже именинница, – шаловливо заметила его собеседница.

– Не считите за банальность, но у меня такое чувство, будто мы с вами где-то недавно встречались, но где именно, не могу вспомнить.

– Мне ваше лицо тоже кажется очень знакомым!

– Вспомнил! Вы с подругой в прошлую субботу были на дискотеке! И я, какой же глупец, пригласил танцевать ее вместо вас, а когда вернулся, вы уже куда-то исчезли...

– Все случилось именно так, но мне кажется, что тот грустный вечер был очень давно! Даже вспоминать о нем не хочется!

– Потому что сегодня у нас все будет иначе, – заверил Улыбающуюся Девушку симпатичный молодой человек.

Перед тем как сойти на нужной остановке, она достала из сумки зеркальце, взглянула на себя и ничуть не удивилась тому, что оно стало волшебным!



Хабиб АБДУНАЗАР

СОЛОМЕННЫЙ БАШМАК

Рассказ

...Вокруг огненного шара играли все краски радуги, принимая причудливые формы. Станный, визгливый звук, похожий на свист, словно маня сказочных персонажей в заколдованный лес, уводил за собой. А в углу... заключенные в клетку существа, похожие на крыс, зубами рвали сетку, уползая во тьму...

Бабатай проснулся в холодном поту от кошмарного сна. Потом долго метался, вспоминая его отрывки, пытался по-своему истолковать его: огненный шар, разные цвета, крысоподобные существа... его мысли витали в облаках. Он невольно коснулся рукой дрожащих век, как бы стирая усталость, погладил лицо, глубоко вдохнул, выдохнул, затем закрыл лицо руками. Склонившись, он поднял белую бязь, служившую занавеской на зарешеченном окошке, и посмотрел на звездное небо. Резко вскочив с места, поспешно снял с кола, прибитого к стене, черный чапан, надел его, подпоясался платком в несколько обхватов и зажег лампу, стоявшую на низком столике. Лампа стала издавать звук, похожий на вой ветра. В такие моменты его мать повторяла: «Воет лампа – значит плачут духи предков. Пока их не накормишь, и живые будут голодными». Затем подливала масла в казан и готовила баурсак, чтобы задобрить духов. Бабатай подумал, что причина в фитиле. Он снял колпак, почистил кончик фитиля и снова зажег. Через некоторое время лампа опять завывала, тогда он уменьшил огонек и поставил лампу на подоконник. Взяв мешок с соломой, высыпал ее, отделил крупные соломинки и начал плести башмак. Он так искусно плел, что даже лучшие мастера позавидовали бы. Сначала солома не поддавалась, и он тихо поругивал себя, что не замочил ее на ночь в горячей воде. Грубые, жесткие соломинки, не поддаваясь плетению, сыпались на пол, не соединялись с нитью. Бабатай вынул башмак и в сердцах отбросил его в сторону. Сколько таких башмаков он связал за свою жизнь, сколько их износилось на этих каменистых дорожках! Ему так хотелось разрыдаться. Эти бескрайние степи показались ему тесными, ему захотелось уехать далеко-далеко. Несколько слезинок капнуло на солому...

Бабатай перевел глаза на окошко: тусклая лампа опять начала завывать так, что в его душу закралась тревога. Дней десять назад вечером он нашел мамин платок

Хабиб АБДУНАЗАР. Родился в 1968 г. Окончил факультет журналистики ТашГУ (НУУз). Автор сборников рассказов «Манзара», «Анжир гули», «Дилхат».

и повязал его на шею, ему показалось, что на душе полегчало... «Если б мать тогда не вернулась...» Бабатай прислонился к стене, посмотрел на свою тень, которая увеличивалась в тусклом свете лампы. Он опять взялся за солому и начал плести.

Наконец, башмак был готов. Он тихо открыл дверь и вышел. Немного погуляя по двору. Башмак не скрипел и не оставлял следов. Его собака Алапар, которая замечала даже беззвучные тени, подбежала к нему и начала ласкаться. Бабатай наклонился над ней, посмотрел в ее преданные глаза и ласково погладил по голове. Потом встал и подошел к старому вязу в глубине двора. Почему-то собака в этот раз не последовала за ним, а, наоборот, потянула его клыками за чапан.

– Уйди! – отогнал ее Бабатай.

Подул ветерок, неся с собой запах гармалы и дождя. Конь в хлеву беспокойно забил копытами и заржал. Деревья закачали верхушками и зашумели, вылетела какая-то птица, шумно махая крыльями. «Наверное, вчерашняя», – подумал он, вспомнив, как вчера утром мать, кого-то проклиная, взяла горсть пепла из тандыра и бросила в сторону дерева. Он спросил тогда:

– Мама, почему ты не любишь эту птицу? Смотри, какая она красивая, на человека похожа! – улыбнулся Бабатай.

– Не говори так, сынок, это проклятый сын богача, – сказала мать, обеспокоенная чем-то. Будь он проклят! Говорят, если он молчит, это не к добру... Не дай бог дожить до твоих неприятностей!

Бабатай задумался, глядя на дерево, и пошел к воротам. Он вспомнил, как двадцать лет назад его брат посадил во дворе орешину, а через год внезапно умер. Отец посчитал, что это дерево принесло несчастье и, поплакав, срубил его. Бабатай все думал, почесывая затылок, каким это образом дерево и птица могут быть связаны с жизнью человека?

Осторожно открыв ворота, Бабатай вышел на улицу, перешел деревянный мост и завернул направо. Стоя на обочине, осмотрелся. Тут, в кишлаке, далеко за полночь немудрено было встретить кого-нибудь. Ему не составляло труда придумать какую-нибудь правдоподобную ложь. Всегда занятые, жители кишлака трудились с раннего утра до позднего вечера, и случайные встречи посреди ночи ни у кого не вызывали сомнений.

Вокруг было тихо и спокойно, даже негромкий кашель можно было услышать за версту. Бабатай пошел каменистой дорогой через поле и заросли гребеншика. Вдруг ногу зацепило. Он наклонился, палкой пошарил вокруг. Стебли гребеншика. Он сам их вчера здесь нарубил почти три арбы.

Крепко зажав рану на ноге, из которой струилась кровь, опираясь на палку, встал, хромя, подошел к арыку и опустился на землю. Достал из кармана нитку и стал плести распутившиеся соломинки на башмаке. Проверил башмак на прочность, надел, склонился над арыком и умылся. Вдруг послышался какой-то странный визгливый звук. В колючках он увидел двух сплетенных между собой змей. Одна белая, другая черная. Извиваясь, они издавали звук, какого он никогда не слышал, немало прожив в степи. Змеи словно стояли на хвостах. Бабатай заворожённо смотрел на них не отрывая глаз. Он еще не знал, что человека, увидевшего такое, ждет или счастье, или беда.

Он стоял как заколдованный и, будто услышав волшебную музыку, закачался и чуть было не задремал. На какой-то момент ему показалось, что змеи превратились в верблюда, ревавшего на него. Он вздрогнул и покрылся холодным потом. Змеи стояли, все так же обвивая друг друга. Бабатай сделал несколько шагов назад, в темное поле, показавшееся еще темнее под

черными дождливыми тучами. В какой-то момент он подумал, что стоит вернуться домой, но в мыслях мелькнуло: «В последний раз!»

Бабатай, смуглый и худошавый, остроносый и большеглазый, зимой и летом носил меховую шапку и мелко стёганный чёрный чапан. Земля, горевшая весь день под палящим солнцем, с наступлением ночи становилась мягкой и прохладной, по ней было приятно ходить босиком. Вечерами при лунном свете Бабатай пересматривал письма от Гульнисы, и ему казалось, что луна помогала ему читать эти письма, мысли уносились далеко-далеко, ветерок будто плакал вместе с ним, а камыши своим шелестом успокаивали его... А еще ему казалось, что кто-то наблюдает за ним, и он прятал пожелтевшую бумагу в пояс. Судьба не была благосклонна к нему. Любовь в изяшных соломенных башмаках ненадолго ворвалась в его сердце и снова улетела. Девушку выдали за другого. В его дом вошла не невеста в белом, а тоскливые воспоминания. После этого ему все стало безразлично. Чтобы заглушить боль и страдания, он стал воровать овец у чабанов, угоняя их тысячами. Первым делом обокрал отца Гульнисы.

Однажды он с отарой овец два дня бродил по степи в соседнем кишлаке. А на третий день, спустившись в низовье Байсарбулака, пересек безлюдную степь и вышел на скотный базар в Самарканде ранним пятничным утром. На этот раз неуловимый Бабатай попался. Давно уже следивший за ним участковый милиционер вдруг подошел к нему сзади и схватил за локоть. Бабатай оглянулся и, увидев участкового, остолбенел, словно перед ним был ангел смерти.

Участковый отвел его в укромное место. Сначала стал запугивать, но потом вдруг смягчился, сделал вид, что хочет помочь:

– Воровство и прелюбодеяние лежат под камнем три дня, братишка, – сказал он, приподнимая густые брови. – Но, если мы договоримся с тобой...

Бабатай поднял глаза на участкового, догадываясь, что скажет милиционер. Участковый, не дожидаясь ответа Бабатая, сказал:

– Теперь, братишка, одна доля моя, – и указал в сторону овец. – Договорились? Такого поворота событий Бабатай никак не ожидал.

Участковый поправил воротник рубашки Бабатая, не успевшего еще прийти в себя. Бабатай спокойно кивнул головой и бессмысленно хихикнул. Он понял, что выбора у него нет.

По дороге, вспомнив это, он планировал сегодняшнее дело, будучи уверенным, что и сегодня все пройдет удачно. Ведь он все продумал до мелочей.

Он знал, что дед Халмат пасет двух крупных овец. Этот хитрый старик каждую ночь на старой овчиной шкуре до утра сторожит их. Но, как говорится, «Сон – брат смерти». Если за дело брался Бабатай и с возгласом «Эй, Джалатай!» заходил в загон, то с пустыми руками он оттуда не выходил. Поэтому иногда хвастался перед сотоварищами: «Если я захожу в загон, то без добычи оттуда не выхожу». Ему только стоило ухватить овцу за ногу. Если же чабан привязывал ногу животного к своей руке, то он осторожно отрезал ее и уводил треногую овцу.

Бабатай прошел вдоль канала и, выйдя на большую проселочную дорогу, свернул к маленькой деревушке, окруженной молодыми деревьями. Деревушка отдыхала после знойного дня, деревья едва слышно перешептывались. Прошло сорок дней с тех пор, как он увел из загона деда Намаза пять овец. Проходя мимо того загона, он невольно повернулся в его сторону, почему-то захотелось еще раз взглянуть на загон.

Он осторожно приоткрыл калитку. Его не удивило, что в этот раз не было туго замотанной проволоки, как в прошлый. Пробравшись во двор, он

воровато огляделся. Не заметив ничего подозрительного, на цыпочках пошел в сторону загона. Загон был пуст, только в углу на соломе жались друг к другу белые куры. Вдруг мелькнула какая-то тень, и не успел он опомниться, как его сильно ударили по голове. Он внезапного удара Бабатай рухнул.

«Тень» заорала во весь голос. Из дома во двор повыскакивали мужчины, на ходу застегивая рубашки, женщины, поправляя платки на голове.

– Задержал поганого!

Подбежал дед в до пояса подвернутом чапане, испуганно глянул на добычу, словно змею увидел. Потом гордо выпрямился:

– Я же сказал, что Асад-мулла знает толк в своем деле. Вчера он на бумаге написал какие-то слова и сказал, чтобы я засунул записку в асбестовую трубу под порогом и рассеял по двору горсть земли, что он дал. Дед, вытянув шею, посмотрел на труп:

– А я знал, что ты придешь!..

– Смотри-ка, отец. Ты оказался прав. Как ты узнал, что вор вернется? Или же сам в молодости... А «тень», обидевшись на деда, который приписал его героизм таланту муллы, выплюнул в сторону насвай и, как кошка, которая играет с мертвой мышкой, пошупал тело Бабатай палкой.

Услышав крики, сбежались соседи. Двор вмиг наполнился людьми. Окружив еще не остывшее тело Бабатай, они тщательно осматривали его, пытаясь узнать, кто это. Показывая пальцем на соломенные башмаки, они приговаривали:

– Ты посмотри на это! Ты только посмотри на его ноги!

– Да-а, смастерил подонок. Как он умудрился?

– Наверное, для того, чтобы бесшумно двигаться и не оставлять следов.

– Как же красиво сплетено, похоже на корзину.

Утренний ветерок прогнал тучи над степью, сразу затосковавшей, будто потеряла близкого человека. Во дворе Бабатай собрались женщины в траурных одеждах. Один за другим поворачивали к его двору люди, возвращавшиеся с поля. Большегоглазый смуглый мужчина в меховой шапке и черном чапане выстилал дорожку стеблями гребенщика, сложенными у тандыра. Около полудня появился убитый горем участковый милиционер, с видом человека, потерявшего близкого. Он оглядывался по сторонам, будто ища следы преступления. Около загона увидел гурьбу галдевших ребятишек:

– Это ты взял! Верни мою собаку! – наскикивали они на какого-то мальчишку.

Мальчик, вытирая слезы, хныкал:

– Я не брал!

– Ты вор!

– Не-ет...

Участковый приблизился, вмешался в разговор и, довольный тем, что примирил их, покинул погрязший в траур дом.

Перевод с узбекского Лирь Пиржановой.



Лира ПИРЖАНОВА

Переводчик. Окончила персидское отделение Ташкентского государственного института восточных языков. Владеет несколькими языками.



Шухрат САКИЕВ

ДАЛЕКОЕ БЛИЗКО

Рассказ

*Памяти родителей
Заира Дададжановича
и Саиды Рахимовны*

– Вот копаешься, копаешься ты в этой земле, и сам туда уйдёшь, – с ехидцей заметил сосед со второго этажа. Можно было бы возразить: «А что, полезнее водку пить?» Но Бах промолчал, продолжая расчищать от битого кирпича, щебня, песка, осколков стекла и застывших кусков бетона площадку перед домом. Этому занятию он мог уделять всего пару часов в день, поэтому работа двигалась медленно.

Сегодня Бах повезло. Самуил Ильич увидел из окна своего балкона усердно копающегося в земле незнакомого парня. «Кажется, расчищает этот участок, – подумал он, – но вот чем бы ему помочь?» Старика раздражала неухаженная площадка перед домом и безразличное отношение жильцов к своему двору.

Самуил Ильич, собравшийся на базар, снял со стены альпинистскую кирку, прихватил пластиковое ведёрко для яиц и вышел во двор.

– Молодой человек, попробуйте копнуть этой штукой. Удобный для такого дела инструмент!

Бах поднял голову, глянул на подошедшего человека, поздоровался и ответил:

– Спасибо большое, да, киркой легче будет копать.

– Вы, наверное, хотите здесь посадить что-то? – спросил Самуил Ильич.

– Не знаю, может, ирисы или несколько кустов сирени.

– Сирень будут рвать.

– Пусть себе рвут. Это же будут влюбленные, или те, кому уж очень нравится сирень.

Ответ Баха старику понравился.

– Вы делаете богоугодное дело.

– Почему? Я просто от души.

– Богу угодно, чтобы человек делал что-либо не ради корысти, а по велению души. Простите, мне на рынок надо сбегать. Насчет кирпичи не беспокойтесь. Закажите работу, тогда и занесете. Второй подъезд, первый этаж налево.

Легко шагая для своего возраста, старик скрылся за углом дома.

Шухрат САКИЕВ. Родился в 1946 г. Окончил Ташкентский архитектурно-строительный институт. Работал преподавателем в художественном училище им. П. Бенькова, архитектором, реставратором в Институте реставрации и консервации памятников Узбекистана. Живет в Ташкенте.

Бах жил в первом подъезде на первом этаже справа и иногда видел его, проходящего мимо балкона под руку с женщиной. Высокая, крупная, розовощёкая, с блестящими, слегка выпуклыми чёрными глазами, она выглядела явно моложе сопровождавшего её мужчины.

...Через несколько дней Бах расчистил площадку, засыпал чистой землёй и огородил штакетником, затем переоделся, вычистил кирку и направился к её владельцу. Старик встретил его на лестничной площадке у открытой двери.

– Я с балкона заметил, что вы идёте. Заходите.

Бах нерешительно переступил порог и, похвалив кирку, протянул её хозяину.

– Полезная штука, – согласился старик, поставив кирку в угол прихожей. – Хотите выпить винца?

– Я не против.

– Тогда проходите, не стесняйтесь. Я один дома.

В небольшой комнате было свежо, чисто и, кроме занавесей на окнах и стола с несколькими стульями, ничего не было.

– Присаживайтесь, я сейчас.

Старик прошёл в смежную комнату.

В открытую дверь было видно, как он, подвинув к себе бутылку, стоявшую под кроватью, засунул в горлышко тонкий шланг и цедил в графин вино. Наполнив графин, он прошёл на кухню, взял два стакана и вернулся за стол.

– Давайте знакомиться? – вопросительно сказал он, разливая в стаканы вино. – Меня зовут Самуил Ильич.

– А меня, Бах.

Старик взглянул на гостя.

– Бах, говорите? Звучное имя.

Бах почувствовал иронию.

– С детства меня так звали все, кроме родителей.

– А родители как звали?

– Бахтиёр. Означает счастливый. Я родился весной сорок пятого.

– Конечно счастливый, коль родился в дни Победы. Ваш отец воевал?

– Воевал, но недолго. Под Москвой он получил тяжёлое ранение, и потом по госпиталям. Врачи никак не могли извлечь осколок, застрявший около сердца.

– Простите, он живой сейчас?

– Нет, сейчас отца уже нет. Инвалидность после ранения, большое сердце, в результате – обширный инфаркт.

– У нас в роте были узбеки. Поначалу, не в обиду вам будет сказано, они собирались вокруг убитого и молились, прежде чем похоронить. Немцы, увидев скопление солдат, бомбили повторно. Командир потом запретил им это делать. В годы войны мы все были вместе. Только это единство и спасло нас. Выпьем за Победу.

Собеседники выпили.

– Позволь я буду звать тебя Бахтиёром, – переходя на ты сказал Самуил Ильич. – Это наполненное смыслом имя, а Бах – пустой звук. Да ещё претенциозный.

– Да я по привычке, – оправдывался Бах. – Самуил Ильич, вы долго были на фронте?

– С первых дней и до победы.

– Всю войну прошли и остались живы. Получается, и вы Бахтиёр!

Самуил Ильич улыбнулся.

– Да, мне повезло, если можно так сказать... В начале войны мы отступали. Убегали на своих двоих, а за нами – моторизованные войска немцев. Привалы позволялись

на корточках, по десять минут через два часа. Мы бежали, думая об одном: когда же наступит вечер? В шесть часов немцы прекращали наступление. У них заканчивался «рабочий день», а для нас наступал час отдыха. С их стороны доносилась музыка, самодовольные возгласы. Танцы они устраивали, если бабы были. А мы только успевали обмотки перемотать или портянки, у кого сапоги были. Полежишь с полчаса на земле, и опять команда: «Встать! Построиться в три шеренги! Шагом марш!» И до двенадцати ночи топали без оглядки, чтобы зарезервировать время на завтрашний день и отойти подальше, пока немцы опять не подступят. Как-то утром, чтобы сократить путь, мы пошли чистым полем на Житомир. У меня вдруг прихватило живот. Я отбежал вперёд, чтобы не отстать, присмотрел укромное место и только пристроился, как слышу тревожный нарастающий гул, а вскоре в небе показались немецкие самолёты. Они пролетали над нами спокойно, даже крыльями махали, мол, не бойтесь – не троном, а потом развернулись и на бреющем полёте стали косить из пулемётов. Волна за волной они пронеслись так низко, что я запомнил лицо пилота. Меня засыпало обломками крыши. Когда всё стихло, я пошевелил пальцами рук, ног и подумал: «Ну, кончилось. Пронесло! Руки, ноги на месте». Кто мог, стал подниматься. Командир, весь в крови, кричит: «Встать в строй! Всем, кто на ногах, встать в строй!» Мы собрались около него. «По порядку рассчитайся!» Последний в ряду был тридцать первым. До налёта нас было сто восемьдесят новобранцев. «Раненых собрать под деревом. Убитых схоронить в общей могиле. И быстро, быстро, быстро!» Только начали присыпать могилу – слышим, опять мотоциклы. Всё побросали и бегом к ближайшему перелеску. Раненых оставили... Среди них был мой друг...

Самуил Ильич замолк. Стало слышно тиканье часов в спальне. Бахтиёр наполнил стаканы. Оба молча выпили.

– Самуил Ильич, а не возникало желания умереть, так с музыкой, и дать бой фашистам?

– Чем дать бой? Нас только в Житомире должны были вооружить. С голыми руками против пулемётов?

– У вас, наверно, много боевых наград? – спросил Бах.

– Ни одной.

– Почему?

– Сам отказывался. Я воевал не за Сталина и за Родину, а с фашизмом как таковым.

– В те времена за такое могли и к вышке приговорить.

– Комбат так и говорил: «Не за Родину, значит, не за Сталина! Расстрелять бы тебя, сволочь, да знаю: смерть тебе нипочём. Иди, воюй дальше, поборник всеобщего счастья».

Неожиданно раздался звонок в дверь.

– Это дочь с работы пришла. Сиди, я сам открою.

Самуил Ильич пошёл, Бах поднялся, собираясь уходить, но в комнату вошла та самая женщина, которая шла как-то под руку со стариком.

– Ой, у нас гости! – весело сказала она.

– Познакомься, пожалуйста, это Бахтиёр, наш сосед через стенку.

– Очень приятно. А я Лиза. Елизавета Самуиловна, – поправилась она. – Я знаю, что вы любите классическую музыку. Мы слышим её иногда через стенку.

– Извините, не думал, что у вас все так слышно, я перенесу проигрыватель от стены.

– Что вы! Не надо. Классика, если звучит негромко, совсем не мешает. Правда, папа? – сказала Елизавета Самуиловна и прошла в спальню.

– Бахтиёр, мы живём в этом доме уже полгода, но как-то не замечали тебя.

– Я недавно из армии вернулся.

– Сколько служил?

– Три года.

– А я думал, откуда в тебе такая сдержанность? Службу, значит, познал солдатскую.

– Пришлось. Можно, я пойду?

Самуил Ильич проводил гостя к двери.

– Ну ладно, договорим в следующий раз. Тебе понравилось вино? Заходи, если захочешь выпить...

– Как тебе наш сосед? – спросил у дочери Самуил Ильич, проводив Бахтиёра. – Полгода до этой делянки никому дела не было, а он сам её перелопатил и хочет посадить цветы. Трудолюбие и бескорыстие, я тебе скажу, ценнейшие качества в человеке.

– Папа, признайся, прежде всего тебе нравится, что он внимательно тебя слушает.

– Разве это плохо? Умеющий слушать да слышит. Этот человек, долгих лет ему жизни, много полезного почерпнет от меня. И армию он прошел. А служба солдатская и в мирное время не сахар. На такого можно положиться.

...Родство душ, сходство интересов, свойственные обоим искренность и открытость быстро сблизили соседей. Бахтиёр опекал старика, помогал, если возникала необходимость. Частенько Самуил Ильич, предварительно созвонившись, навещался к Бахтиёру сыграть партию в шахматы, выбрать книжку или послушать музыку. В этот день он явился неожиданно, не предупредив, и коротко сказал:

– Ушанкин умер, сосед мой. Народу мало. Надо бы проводить старика в последний путь.

– Во сколько выносят? – спросил Бахтиёр.

– В два часа.

– Я сейчас оденусь и выйду.

Когда Бахтиёр вышел, в чистом весеннем небе ярко светило солнце. На ветвях тополей набухли почки. Где-то вовсю насвистывал дрозд. Не верилось, что в такой день могут быть похороны, но стоявший под тополями ЗИЛ с открытым задним бортом, будто притихший в ожидании страшного груза, напоминал о том, что Провидение вводит нас в мир и уводит из него, ни с кем не согласуя и не советуясь.

Бахтиёр подошел к Самуилу Ильичу, сидевшему на лавке возле подъезда. Старик подвинулся, приглашая присесть, и спросил:

– Ты знал покойного?

– Фамилия знакомая. У нас на улице был дядя Петя Ушанкин. Высокого роста, лицо морщинистое, суровое и маленькие острые глаза. Его как звали?

– Петром, Петром Ивановичем.

– Отчества его я не знаю. Если это он, дядя Петя, то мне хорошо знакома вся его семья. У него было четверо детей, две дочери и два сына.

– Он, значит. Все они сегодня собрались – дочери и сыновья. Я сомневался, придут или нет.

– Дети – и не придут на похороны отца?

– Насчет сыновей я не сомневался, а дочери могли не прийти.

Бахтиёр хотел спросить почему, но к подъезду вышла женщина в черной косылке и пригласила желающих зайти попрощаться с покойным.

В тесной прихожке было занавешено зеркало, выключена лампочка. Свет проник из открытой двери комнаты, где вдоль стен у гроба стояли дети покойного, которых Бахтиёр сразу узнал, и несколько женщин в траурных косынках. Одна из них что-то шепнула на ухо Юре, старшему сыну. Юра подошел к изголовью отца, помолчал, склонив голову, на щеке его появилась слеза, он резко смахнул ее, выпрямился и шагнул в сторону. Потом подошли к отцу сестры. Люба погладила голову покойного, поцеловала и дрогнувшим голосом сказала:

– Прости нас, папа.

Младшая дочь Маня обняла сестру, и обе зарыдали.

Саша, ровесник Бахтиёра, не отходил от гроба, будто мысленно общаясь с отцом.

– Выносить пора, – сказала пожилая женщина Самуилу Ильичу. – Он тяжелый сейчас, осторожнее.

Четверо мужчин с трудом вынесли гроб с покойным на лестничную площадку. Спускавшиеся сверху двое незнакомых мужчин спешно подхватили гроб и помогли донести до машины.

– Рахмат, – поблагодарил их Юра, приложив руку к груди, и, глянув на Бахтиёра, спросил: – Ты поедешь на кладбище?

– Поеду, и старик сосед тоже.

– Садись с ним в кабину.

До кладбища на окраине города ехали долго. Бахтиёр спросил об отношениях Петра Ивановича с детьми. Оказалось, жена покойного много лет лежала парализованной и два года как умерла. Старик остался один. Дети помогали ему: делали закупки, следили за квартирой. Младшая дочь Маня, несчастная в браке, подумывала уйти от мужа и поселиться с отцом. Она сказала об этом сестре, Люба посоветовалась с братьями. Зная характер Маниного мужа, не раз поднимавшего на нее руку, братья поддержали ее намерение. Никто не ожидал, что отец воспротивится этому. Он объявил, что сам собирается обустроить свою жизнь, и Маня ему в доме не нужна, мол, две женщины на одной кухне не уживутся. Люба стала увещевать отца: «К чему тебе жениться на старости лет?»

Старик стоял на своем, и дочери, обидевшись, перестали его навешать. Некоторое время и сыновья не появлялись, но, похоже, одумались и стали, как прежде, навещать.

– Надо сказать, – заметил Самуил Ильич, – что старик семь лет добросовестно ухаживал за женой и лишь через год после ее смерти вспомнил о своей первой любви.

– Старая любовь, говорят, не ржавеет.

– Может, и не ржавеет, но скажи, кто как не отец обязан думать о судьбе своей дочери? Моя Лиза росла без матери с двух лет. Я и не помышлял о женитьбе.

– И всю жизнь прожили бобылем?

– Женился как-то. Месяцев пять прожили. Лиза молчала все, но однажды обняла меня и, не выдержав, разрыдалась. Спрашиваю: «Доченька, что с тобой?» – и она рассказала все, что вытворяет с ней мачеха в мое отсутствие. Я прогнал мачеху и зарекся жениться, пока Лизу не выдам.

– Она до сих пор не замужем?

– Ты же знаешь, характер у неё золотой, а выглядит такой строгой – не подступишься. Вот и не вышла замуж вовремя, а теперь об этом и думать не хочет. Сказать бы, чтоб хоть внука сообразила, да язык не поворачивается. Сама должна понимать...

– Вам тоже, наверное, без женщины, непросто было?

– Почему «без» – была у меня вдовушка. Я был приходящим, или, как сейчас говорят, воскресным, мужем. Она не обижалась. Я ей и детей помог поднимать. Сапожное дело прибыльное. У меня артель была небольшая, подпольная. Не понять мне эту советскую власть: при Сталине артели процветали, он их не трогал. И артельщикам хорошо, и народу. Артельщики снимали тот самый дефицит, который душил страну. Тут Никита Хрушев взошел на трон и артельщиков истреблять начал. Думал, они исчезнут тут же, а они ухитрились уйти в подполье. Сосед рассказывал, что при Сталине он тоже держал артель. Они производили паклю, веревки, даже канаты корабельные.

– Дядя Петя женился все-таки, или не успел?

— Успел, год вместе прожили. На той женщине, что звала проститься, дорогая такая, она едет с нами в кузове. Сейчас бы как раз дочери младшей занять квартиру, да не получится. «Первая любовь» и брак успела оформить, и прописаться. Так что она теперь единовластная хозяйка.

Машина незаметно подъехала к кладбищу и остановилась. По обе стороны ворот вдоль забора сидели продавищи цветов, в лавочках была выставлена религиозная литература, крестики и всякая погребальная утварь. Рядом стояли рекламные щиты с фотографиями надгробий — от помпезных скульптур до скромных плит с портретной насечкой.

Двое сыновей прыгнули с машины, купили венок с надписью «Дорогому отцу от любящих и скорбящих детей» на черной ленте, цветы. Сторож не спеша отворил ворота.

Машина поехала по широкой аллее с плотно подступившими к ней захоронениями и остановилась у соборной церкви. Сухошавый человек в чёрной рясе с длинными волосами, стянутыми на затылке, велел отнестись усопшего в церквушку, стоявшую поодаль в гуще деревьев, а машине — отъехать за пределы кладбища.

В прохладном полумраке церкви ровным рядочком на табуретах стояло уже три гроба. Петр Иванович был четвертым. Незаметно появившийся священник сказал, что надо отключить сотовые телефоны, возжечь каждому свечку, подсказал, где взять их и куда следует сложить затем огарки.

Люди торопливо двинулись к лотку с тонкими свечами, будто боясь задержать церемонию отпевания или беспокоясь, что свечей не хватит на всех.

Бахтиёр незаметно, вышел на воздух.

После мрачноватого церковного помещения, пропахшего густым запахом ладана, лучи солнца приятно слепили глаза, отблёскивали на позолоченной луковиче соборной церкви. В бархатных ветвях деревьев с распускающимися почками шепетали пичужки. «Покинем свет, а миру хоть бы что...» — вспомнилась Бахтиёру строка из стихотворения Омара Хайяма. «И всё же разве не счастье, — думал парень, — пусть и недолго, быть участником и созерцателем такого уникального вселенского явления, как жизнь!»

Переживая отпевание, Бахтиёр решил пройти по кладбищу в надежде выйти к могилке давно погибшего школьного друга. Памятники и надгробия, местами так густо заросшие деревьями, что невозможно было пройти, по-своему говорили об умершем и о тех, кто его похоронил. Могилки в основном простые: оградка, холмик, крест. Ближе к центральной аллее встречались высокие скульптуры из дорогих пород гранита, мрамора с вычурными чугунными оградками. «Чем просвещеннее человек, тем проще памятник. Чехову, например, на Новодевичьем или земляной холмик в Ясной поляне», — подумал Бахтиёр.

Так и не найдя среди зарослей могилку друга и не зная, как долго может длиться отпевание, он решил вернуться к церкви. Осторожно пробираясь по заросшим травой и кустарниками тропинкам, он неожиданно увидел своего соседа, внимательно разглядывавшего какой-то памятник.

— Самуил Ильич, вы разве не в церкви? — подойдя ближе, спросил Бахтиёр.

— Да что мне там делать. Вот ходил, местечко себе приглядывал. Пойдём приедем, у нас еще есть время.

Со скамейки, которую они выбрали, хорошо была видна площадка перед входом в церковь. Здесь можно было спокойно отдохнуть, не боясь упустить завершения церемонии.

— Вам, пожалуй, надо бы присутствовать при отпевании, — заметил Бахтиёр.

— Это почему?

– Всё-таки человека провожают в мир иной, на встречу с Богом. Ну и прощание последнее. Я вышел из церкви, как неверующий. Неприлично быть участником религиозного обряда без веры.

– А я, по-твоему, религиозный фанатик. Насчет же Бога скажу тебе прямо – пошёл-ка он... – Самуил Ильич коротко и ясно выругался.

Бахтиёр смутился:

– Я бы поостерёгся материться на Бога. А вдруг он есть, и вы предстанете перед ним?

– Во-первых, никакого Бога нет. А если есть и я его встречу, то плюну ему в лицо!..

Бахтиёр хотел было сказать, что не стоит все-таки, но из церкви стали выходить люди.

– Пойдём, пойдём. Наша помощь нужна там. Отпевание отпеванием, а помогать человеку надо. Это дело святое.

Похороны, как всегда, прошли спешно. Могильщики заколотили гвоздями крышку, спустили на веревках гроб в заранее выкопанную яму и в четыре руки быстро её засыпали. Когда на холмике свеженасыпанной земли установили деревянный крест, поставили венок и разложили цветы, старший сын обратился к присутствующим:

– Прошу вас, не откажитесь помянуть с нами отца.

...Поминки провели в той же комнате, откуда проводили покойного. Самуил Ильич высказался первым, вспомнил о многолетнем терпеливом уходе за умершей женой, добрососедских отношениях, пожелал детям жить в любви и согласии и, выпив рюмочку водки, попросил присутствующих разрешить ему уйти. Уходя, шепнул Бахтиёру:

– Загляни ко мне!

Закончив ритуальный обед и сказав о покойном добрые слова, люди стали расходиться. Новоявленная вдова пошла провожать никому не известную то ли подругу, то ли родственницу.

– Бах, пойдём к нам, поговорим, давно не виделись – предложил Саша.

На балконе собралась семья Петра Ивановича. Люба, пестовавшая Баха с младенческих лет, смотрела на него глазами родительницы или любящей сестры.

– Тебя так долго не было видно. Говорили, что ты в армии. Давно вернулся?

– В начале марта.

– Бах, ты помнишь, как я брала тебя с собой в школу?

– Конечно. Я всё помню.

Люба всколыхнула ранние счастливые воспоминания, но говорить сейчас о радостном было неудобно, и Бахтиёр спросил:

– А что случилось с отцом?

– Воспаление лёгких, – сказал Юра. – Врачи перестарались. Надо было не спеша, а они сразу по пять уколов в день. Сердце не выдержало.

– Всё в руках Божьих, – заметила Маня. – Может, и не виноваты врачи. Люба, – обратилась она к сестре, – мне пора. Ты же знаешь, какой он. Ребята, извините, мне домой надо.

– Или, не переживай. Хорошо, что пришла сегодня, – сказал Юра.

Когда сестрёнка ушла, в Любе опять вспыхнула обида за неё.

– Вот скажи, Бах, справедливо поступил отец? Зачем было в таком возрасте жениться? И прожил то он с ней без году неделю. Сейчас бы Маня ушла от своего тирана, да некуда.

– Дядя Петя как-то говорил моей сестре, – вспомнил Бахтиёр: «Запомни, дочка, вышла замуж – терпи, но детей расти». Ваш отец был человеком старых традиций.

Мне кажется, он не обидеть хотел Марию, а просто не допускал развода, да ещё с тремя детьми. А в любви винить, по-моему, никого нельзя – так уж человек устроен.

– В любви его никто и не винит, но если не о Мане, так о нас бы подумал. Он же знал, какая тяжелая сейчас жизнь. Мы всей семьей поднимали и содержали старый дом. Всегда заботились о родителях. А теперь оказалось, что мы никакого отношения к квартире, полученной за счёт старого нашего дома, не имеем. Я попросила её по-человечески: «Если будете продавать, поделите деньги поровну на пятерых». Это же справедливо, а она и слышать не хочет.

– Вон... топают. Легка на помине! – предупредил Саша.

Люба и братья встали из-за стола. Бахтиёр, не желая оказаться свидетелем конфликтной ситуации, стал прощаться.

– Я живу в соседнем доме, в пятом, там много наших. Заходи как-нибудь, Бах, – пригласила, прощаясь, Люба.

Бахтиёра тревожил неоконченный разговор на кладбище с Самуилом Ильичом, но он не зашёл к соседу, подумав: «Лиза, наверное, уже дома. Да и Самуилу Ильичу не мешает успокоиться – не зря он так ополчился на Бога».

На другой день, заглянув к соседу, Бахтиёр начал без обиняков:

– Самуил Ильич, вы вчера так ополчились на Всевышнего.

– Да нет никакого Всевышнего, – старик, поставил на стол приготовленное со вчерашнего дня вино. – Присаживайся. Сходу этот вопрос не решишь. Тайна есть – согласен, но тайна у каждого своя, а Всевышний, особенно в христианстве, конкретен. С тайной ничего не поделаешь – каждый её по-своему понимает. А конкретика в столь сложном вопросе смешна. Непорочное зачатие, богочеловек, воскрешение из мёртвых... Если не ложь, то сказки все это.

– Самуил Ильич, вы атеист?

– Да какой я атеист! Человек, истинно верующий, или, как говорят, с «Богом в голове», мне ближе, чем безбожник, позволяющий себе всякую мерзость. Я отверг Яхве и, если в этом мой грех, пусть он карает меня, но я не откажусь ни от одного слова в его адрес. Мой Бог – это Великая Тайна. Не сказать, верю, но безысходно стою перед ней, восторгаясь и страшась извечных непознанных законов, которым подчиняются все и вся.

– В вашем отрицании Бога сквозит гнев и злоба, будто Он совершил нечто ужасное, что вы не можете простить.

Самуил Ильич долго молчал, дымя сигаретой у открытой форточки.

– Я никогда и никому не говорил об этом. Даже Лизе, боясь, чтобы эта боль и ненависть не передались ей. Помнишь, ты говорил как-то, что, если бы родился на Украине, не променял бы её ни на какую страну. Так я, можно сказать, там родился. Молдавия граничит с Украиной. Климат и природа такие же, как и там, где тебе пришлось служить. Но Кодры – это особое место. Тебе не доводилось бывать там?

– Нет, не пришлось. У меня в армии друг был, румын Ивон из Кодр. Как он скучал по своей Кэрэлаш! Он вспоминал о ручных белках и косулях, об аистах на крышах, озерах, прячущихся в лесной чаще. Сам Ивон был настолько совестлив и чист душой, что был для меня человеком из сказки.

– А я родился в Пырлицах, в нескольких верстах от Кэрэлаша. Мы ездили к ним за сбруей и сапогами. Кэрэлашцы из кожи чего только не выделявали. Летом с дороги не видать было этой деревеньки, прячущейся под деревьями, как гриб в траве. А они к нам приезжали за мёдом. Наш мёд далеко славился, даже из Кишинева приезжали с товаром на обмен. Косули, белки, зайчишки не боялись людей, да мы и не занимались охотой, как и Кэрэлашцы. Только под зиму валили кабана. Дичь – это дичь. Мясо душистое, ни с чем не перепутаешь, а сало подмерзшее – это, я тебе скажу, царская снедь!

– Вы жили чуть ли не при первобытном строе.

– Пожалуй, кроме кузницы, я не помню какого-либо производства. Огороды, сады, пчелы, хозяйство приусадебное – этим жила община. Нужды ни в чем не было. Трудиться, конечно, приходилось, но без труда и жизнь не сладка. Семья моя была набожной, отец служил раввином. С малых лет он брал меня с собой в синагогу. От дома шли мы по тропинке вдоль речушки, изредка мелькавшей на перекатах и тут же прятавшейся в цветах и травах. Над цветами вдоль речки и под липовой рошей на холме, где стояла синагога, слышалось жужжание пчел, пение птиц. В душе была умиротворенность, и никаких сомнений в голове. Я искренне, с детской доверчивостью любил Бога, как вечного отца нашего и творца всего на свете. Так было до тринадцати лет, когда мальчиков в праздничной обстановке впервые подводят к Торе для чтения. Я знал эту книгу наизусть, хотя чтение Торы по памяти запрещено, чтобы не вкралась какая ошибка. Когда отец умер, община – а это почти всё население Пырлиц – единодушно признала раввином меня. Я на себе почувствовал всю любовь, которую они питали к прежнему своему пастору. Несколько лет жизнь в Пырлицах была спокойной и счастливой, как и при отце, пока в Синагоге не появилась семья евреев, бежавших из Польши. Через пару дней они уехали куда-то вглубь страны, но своими рассказами успели посеять в сердцах людей тревогу. Не скажу, что это не коснулось меня. Но я был раввином, и мне не составляло труда очистить свою душу от сомнений. Они поверили вместе со мной, что нация, давшая миру таких писателей, поэтов, философов, ученых, не позволит поставить себя на колени и фюрер будет отстранен от власти. «Будем крепки духом, – проповедовал я, – верны законам и учению Торы, и Бог нас не оставит. Под крышей синагоги Бог не оставит нас и защитит от всякой беды». Мне верили. Из Пырлиц не бежала ни одна еврейская семья.

Весной сорок первого, когда установилась теплая погода, Дорочка, моя жена, как всегда, высадила картошку, огурцы, помидоры, посеяла зелень. Она преподавала ботанику и ухаживала за растениями со знанием дела, разговаривала с ними, как с живыми существами. Любо было смотреть и слушать её. Летом, в школьные каникулы, она не выходила из огорода: где-то прополоть, где-то подвязать куст, подсыпать навозу, полить... В тот день... я, как обычно, поцеловал ее, уходя на службу, – Самуил Ильич застонал, обхватив голову руками, и, с трудом успокоившись, продолжил: – И уже вышел к тропе, ведущей к речке, но почему-то вернулся, обнял ее и долго не отпускал. «Ну ладно, ладно иди уже, нельзя так», – отстранилась она. А у самой на глазах слёзы....

После утренней молитвы я, по возможности, обходил семьи прихожан, чтобы знать, как живет паства, какие у кого проблемы, но в тот день меня неодолимо тянуло домой.

Я вернулся из синагоги, переоделся и вышел на крыльцо. Дорочка с младенцем на руках, как обычно, была в огороде. Я направился к ней, и тут во двор с криками «Юде! Юде!» влетели немецкие мотоциклетки. Офицер выпрыгнул из люльки, подбежал к жене, выдернул ребенка за ножки и ударил головкой о пень. Не помня себя, я схватил Лизу и бросился в подсолнухи. Они стреляли вслед. Я повернулся, чтобы увидеть, что с Дорой, и пуля попала мне в руку. – Самуил Ильич засучил рукав. – Видишь вмятину? Пуля летела косо и застряла в кости. Это и спасло Лизу. Пусть я был грешен, и жена моя могла быть грешна, но шестимесячный ребёнок, скажи мне, когда и в чём мог провиниться перед Богом?

Бахтиёр сидел потрясенный и молчал, отводя влажные глаза.

– Не переживай, дорогой, не принимай близко к сердцу, – стал успокаивать его Самуил Ильич. – Такая вот она, жизнь... Просто не следует обманываться

насчет рая и ада там, на небесах. Если и есть ад и рай, то они здесь, на земле. И каждому из нас при жизни суждено познать и то, и другое.

В глазах Бахтиёра всё стояла картина: ворвавшиеся на мотоциклах немецкие солдаты с пулемётами, офицер в перчатках и лошёных сапогах, подбегающий к жене Самуила Ильича, чтобы вырвать из ее рук младенца. Озверевшие фашисты, захлёбывающиеся вседозволенностью, окружают её и гогочут, поглядывая друг на друга, глумятся над женщиной, обнявшей бездыханное тельце своего ребёнка и сходящей на их глазах с ума... «Ужас. Ужас. Ужас», – стучало в голове Бахтиёра.

Он побледнел, еле сдерживая себя, чтобы не зарыдать.

– Извините, – произнёс он и поспешил выйти из комнаты.

«Неисповедимы пути человеческие! Кто бы мог подумать, что у старика соседа такая страшная история за плечами. Есть ли на свете мука более тяжёлая, чем пережить смерть своего ребёнка? Дорогой мой Шиллер, лучезарный Гейне, великомудрый Гёте! Могли бы вы подумать, что ваши потомки будут способны на такое?» – размышлял Бахтиёр.

После исповеди Самуила Ильича Бахтиёру в отношениях между соседями зародилось нечто родственное. Случись старику заболеть (а Лиза не могла оставить работу), Бахтиёр ухаживал за ним, как за отцом. Самуил Ильич с отеческой заботой старался помочь Бахтиёру в решении проблем, часто возникавших в жизни молодого человека.

Однажды на исходе майского дня Самуил Ильич позвонил Бахтиёру и попросил заглянуть. Предчувствуя неладное, Бахтиёр тут же побежал к нему.

Самуил Ильич выглядел необычно торжественно: в чистой новой рубашке, брюках. Лицо аккуратно выбрито. Стол застлан белоснежной накрахмаленной скатертью и сервирован, как в ресторане. Золотистое вино в графине, три бокала на стройных ножках отражали теплый, уютный свет из-под абажура, создавая особую праздничную атмосферу.

– Самуил Ильич, у вас сегодня день рождения?

Печально улыбнувшись, он ответил:

– Парадоксальный у нас сегодня день: и праздничный, и не очень.

«Так меня в армию провожали: и весело было с друзьями, и грустно», – подумал Бахтиёр.

Из спальни вышла Лиза. В вечернем фиолетовом платье, с новой прической она выглядела стройной и эффектной.

– Папа, принеси, пожалуйста, рыбу, она уже готова. Я боюсь платье испачкать. Самуил Ильич направился в кухню.

– Вы не смущайтесь, – глянув на Бахтиёра, сказала Лиза, – женщины способны преобразаться.

– Вы сегодня совсем не такая, как обычно.

– Красивая? – у Лизы заискрились глаза. – Спасибо, я так не привыкла к комплиментам...

Самуил Ильич принес рыбу, запеченную до золотистой корочки, украшенную сочными кружочками лимона и зеленью, поставил к рыбе горчицу и тертый хрен в свекольном соке.

– Ну, кажется, все готово. Прошу к столу.

Самуил Ильич разлил по бокалам вино.

– И что ты хочешь нам пожелать? – обратился он к дочери.

– Нет, ты, как старший и глава семьи, должен говорить первым.

– Хорошо, я скажу: выпьем, друзья, за долгую и счастливую жизнь, когда на душе светло, радостно и труд не в тягость.

Пригубив вино, Лиза разложила по тарелкам рыбу.

– Бахтиёр, ты кушал фаршированную рыбу? – спросил Самуил Ильич.

– Нет, не приходилось.

– Я люблю с хреном. Попробуй.

Бахтиёр помазал рыбу хреном и отрезал кусочек.

– Мммм, – простонал он, распробовав, – очень вкусно! Как вы её приготовили? Косточек нет, и, кажется, здесь есть ещё что-то, кроме рыбы.

– Кушайте на здоровье, я дам вам рецепт, – сказала Лиза.

Отец повторно разлил по бокалам вино. Не привыкшая говорить тосты, Лиза просто сказала:

– Мы с папой много лет жили на съёмных квартирах. Разные встречались хозяева, соседи, и со многими мы были в дружеских отношениях, но с вами... – Она встала и в порыве чувств поцеловала Бахтиёра в щеку. – Простите мальчики. Мне пора, мы с подругой идём в театр. Пока!

Надев кофту, Лиза вышла. Стул, на котором она сидела, недопитое вино, казалось, ждали её возвращения.

Оставшись одни, друзья переглянулись. Какая-то недосказанность мешала обычному дружескому общению.

– Я, кажется, догадываюсь, почему сегодня радостно и не очень, – сказал Бахтиёр. – Сейчас все уезжают... Неужели и вы?

– Налей-ка полнее. Я хочу сегодня напиться.

Самуил Ильич отодвинул блюдо с остатками рыбы, графин с вином, бокалы, вытащил из-под скатерти конверт, вынул из него листочек и стал читать вслух. Это было письмо от его сестры, проживающей в Израиле, она писала, что устала жить одна, что очень скучает по Лизочке, по брату своему, что последние годы хочет прожить вместе со своими родными и умоляет переехать к ней.

– Ты думаешь, я хочу ехать? Я родился в этой стране, вырос, воевал за неё. У меня своя квартира, налаженная жизнь. Но Роза растила Лизоньку во время войны, она ей как дочь, и я у неё единственный родной человек.

– Без сомнения, вам надо ехать, – сказал Бахтиёр, успокаивая себя и друга. – Во время войны вырастить ребёнка было непросто, зачастую в ущерб своему здоровью. Она старалась и теперь не заслуживает одиночества, тут и долг, и элементарная благодарность.

– Спасибо тебе. Я надеялся, что ты всё поймешь.

Самуил Ильич снял со стены кирку.

– Это тебе на память. Нам предписано уезжать незаметно, так что...

Старик крепко обнял Бахтиёра.

– Ты мне как сын. Храни это письмо, здесь адрес и номер телефона, вдруг тебе случится быть в Иерусалиме.

...Соседи покинули страну поздней ночью в полном соответствии с предписанием.

Утром следующего дня Бахтиёр почувствовал, что за стеной-перегородкой пусто. Так же пусто, как и у него в душе.

Он повесил кирку на стену в своей комнате. Каждый раз, глядя на неё, Бахтиёр вспоминал Самуила Ильича, жуткую трагедию, пережитую им в молодости, его доброе сердце, не ожесточившееся при этом, и благодарил судьбу за встречу и недолгую, но верную дружбу.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ...

Рассказы



Сид ЯНЫШЕВ

ШПАНКА

Моя тетя Малика не поднимается с кровати уже месяц. У нее опухоль мозга в последней стадии: ни химия, ни АСД¹, ни подсолнечное масло с водой уже не помогают. Она почти не открывает глаза, не говорит, только еле слышным шепотом дает понять многочисленным родственникам, ежедневно приходящим ее провести, что все еще их слышит.

Прихожу и я, придвигаюсь на стуле к самому краю кровати, осторожно сжимаю своей левой рукой ее еще теплую правую руку и говорю:

– Как дела?

Больше ничего на ум не приходит. Да и что тут скажешь еще?.. Тетя Малика с усилием приподнимает веки и долго, не моргая, смотрит на меня. Как будто узнает. Я с трудом слышу:

– Хорошо, – и тут она вдруг, также шепотом, но почти скороговоркой: – Ты покушал? Там в холодильнике плов – разогрей, холодным не ешь. Потом посуду помой. Ты никогда не моешь за собой посуду. Ты уходишь, а я ночью встаю и мою. Там еще борщ есть. Я вчера сварила. Только он тоже холодный, ты его в печь поставь на три минуты, согрей...

Я говорю:

– Хорошо, поем, посуду помою... Спасибо, тетя Малика. Вы скоро поправитесь и с дядей Арсеном придете ко мне в гости. У меня в морозильнике вишня-шпанка, летняя, со своего дерева, вы ее так любите, вот вас она и дожидается. Только поправляйтесь поскорее...

Тетя Малика в знак согласия чуть заметно опускает подбородок на грудь и закрывает глаза. Я сижу еще несколько минут, осторожно поглаживая ее руку. Потом встаю и выхожу в зал.

¹ АСД фракция – препарат, созданный Дороговым А. В. путем возгонки тканей лягушек с конденсацией жидкости, обладающий антисептическими, стимулирующими, ранозаживляющими свойствами и названный в честь изобретателя АСД (антисептик-стимулятор Дорогова).

Сид ЯНЫШЕВ. Поэт, прозаик, журналист, композитор, кинорежиссер. Окончил факультет русской филологии УзГУМЯ, актерское отделение Института искусств им. М. Уйгура (ныне ГИИКУз).

...Там вокруг стола сидят мои пожилые дяди – муж тети Малики Арсен и брат моей мамы Джамшид. Мама сидит на диване, молчит, ее взгляд застыл на подарочном чайном сервизе, стоящем на шифоньере напротив нее. Больше в квартире никого нет.

Я сажусь рядом с мамой и накрываю своей левой рукой ее теплую правую руку. Она как будто пробуждается ото сна, поворачивает голову в мою сторону:

– Ты голоден? Там в холодильнике есть борщ, сам себе подогрей в микроволновке – у меня сил нет.

Я говорю, что пока не хочу, и начинаю прислушиваться к еле слышному разговору дядей.

– ...Тебе завтра же нужно сходить к председателю махалли¹ и договориться насчет скамеек и курпачей². Думаю, понадобится не менее пяти скамеек, ну и курпачи – сколько будет, – говорит дядя Джамшид.

– Да его еще надо поймать – не знаю, будет ли он на месте, – говорит дядя Арсен.

– Ну, должен быть... Не он, так кто другой, обычно в махалле по вечерам сидят аксакалы. Сегодня уже поздно, а завтра, часов с шести, наверное, будет кто-нибудь.

– А ты можешь со мной сходить? Я же не знаю, что у вас, мусульман, обычно в таких случаях требуется. Вдруг я что-то забуду...

– Да там знают, что надо, ты просто скажешь – на похороны, все дадут.

– Ну, так ведь это же все тащить надо! Вот я и говорю, пошли вместе.

– Ладно, ходим... У тебя есть телефон председателя махалли?

– Да, должен быть в записной книжке. Действительно, нужно сейчас позвонить, пока спать не лег, и договориться на завтра. Акмаль, сможешь завтра прийти помочь?

Я говорю, что да, конечно, приду.

– Еще надо завтра не забыть напечатать пригласительные на поминки, – продолжает дядя Арсен, листая телефонную книжку. – Я предварительно договорился здесь неподалеку.

– А почему там? И сколько хочешь напечатать? – деловито спрашивает дядя Джамшид.

Дядя Арсен, надев очки, старательно жмет на кнопки телефона:

– Да вроде недорого... Алло, алло, Нигмат Турсунович? Добрый вечер, как у вас дела?.. У нас – да все по-прежнему... Я завтра хотел зайти переговорить... Во сколько?.. В шесть?.. А, хорошо, будем, спокойной ночи. – Затем, отключая телефон и снимая очки: – Думаю, штук сто хватит.

– Почему?

– Ну, это зависит от бумаги и качества... Надо цветные напечатать. Но все равно, думаю, недорого выйдет.

– Да-да, обязательно цветные. Хотя и черно-белые, если бумага хорошая, неплохо будут смотреться...

В дверном проеме появляется сгорбленный силуэт тети Малики. Я вскакиваю, следом мама, затем, роняя стулья, – дяди.

– Малика! Ты – как?! – подбегая к своей младшей сестре, кричит мама.

¹ Махалля – орган местного самоуправления.

² Курпача – стёганое ватное одеяло.

Следом подбегают дяди.

– Ты с ума сошла! – дребезжащим голосом говорит дядя Арсен. – Разве так можно?!

– Ты как встала? – начальственным тоном вторит ему дядя Джамшид.

– Немедленно ложись! – беря за плечи жену, умоляет дядя Арсен. – Тебе нельзя вставать!

– Да, иду, – с закрытыми глазами шепчет тетя Малика и медленно поворачивается в сторону спальни. Ее муж, приобняв за плечи, осторожно ведет жену к кровати, где моя мама уже старательно взбивает подушки.

– А где вишня? – напоследок слышу я. Видимо, только я, потому что дядя Арсен лишь непрерывно повторяет:

– Тебе нельзя... Нельзя вставать, что же ты с собою делаешь?..

Через полчаса мы с мамой и дядей Джамшидом обуваемся в прихожей.

– Ну, значит, договорились, – прощаясь с хозяином дома, вполголоса говорит дядя Джамшид, – завтра в шесть мы у тебя...

КОТИК

Мой котик – странное существо, не похож на других. Ну ладно еще – прыгает каждое утро в восемь часов мне на грудь, делает лапами традиционный массаж, потом для приличия еще и вибромассаж, в общем, вроде все, как у людей и их котиков.

Другое дело, ходит за мной по пятам: только я есть соберусь, из холодильника еще ничего не достал, запаха нет, а он тут как тут. Или запланирую погулять: еще и штанов не надел, носков там, просто иду к сейфу за деньгами, именно иду, не подошел еще даже, а он уже у двери в подъезд сидит – ждет. В общем, мысли читает.

А выйду – во дворе все уже смеются:

– Ну у тебя и котопес – за тобой везде бегает, слыхано ль?

И вправду бегают – до большой дороги провожают. Возвращаюсь, бывает, поздно, а он, откуда ни возьмись, под ноги кидается – там же, у дороги, метрах в трехстах от дома. Весь день прождавши.

А началось все давненько, в его «детстве» – когда изодрал в клочья мою единственную кожаную куртку. Ну, я его тогда чуть не придушил – он весь день потом еле ходил. Тогда и поклялся себе: выживет – весь век ему служить буду.

Заболел он однажды чумкой – я его целую неделю в больницу в пакете таскал. Выжил. С тех пор и не пойму: то ли он за мною бегает, то ли я за ним.

Дожидаюсь сегодня его у большой дороги, он выходит из такси и мне сходу:

– Нагулялся? Жрать, поди, хочешь? Ну, пойдем, пойдем...

А перед сном гладит меня за ушками и приговаривает:

– Котик, ты мой котик, тепленький животик...

Ах, кто бы его-то приласкал...

ЛЮБОВЬ

Дочери Асаль

– А почему небо голубое?.. – задает мне один из своих бесчисленных вопросов пятилетняя дочь по пути из детского сада домой.

У нее сейчас такой возраст, когда детям присуще задавать сотни вопросов в день, и от них даже улица за окном моего дома перестает быть привычно знакомой, а в голову лезут абсурдные мысли типа: «А насколько она знакома, почему и как давно?» В данный же момент я крепко задумываюсь: а действительно, почему небо голубое?

Признаться, я не знаю почему. Вернее, не помню, поскольку когда-то в школе учителя наверняка объясняли причину его голубизны. Но мне неловко дочке признаться, что я чего-то не знаю или не помню, и я начинаю сочинять:

– Ну, потому что солнышко его освещает голубой краской, – говорю. – Нас с тобой оно освещает желтой краской, а небо – голубой.

– Папа, а почему на этом дереве листочки зеленые, а вон на том – желтые?

– Потому что скоро осень, а осенью все листья на деревьях желтеют. Но одни становятся желтыми быстрее, а некоторые – медленнее других.

– А почему листочки падают?

– Чтобы освободить места на веточках деревьев для новых листиков, которые появятся весной. А еще для того, чтобы мы этими желтыми листьями любовались. Смотри, как красиво они падают, правда?

– Красиво... А когда будет весна?

– Сначала наступит осень, потом вслед за нею – зима, а уже потом – весна.

– А что такое зима?

– Зима – это когда на улице холодно и идет снег.

– А что такое снег?

– А разве ты не помнишь с прошлого года?

– Нет...

– Ну, снег... он такой белый, холодный и пушистый. Он падает с неба на землю, на деревья, на людей. Из снега можно лепить круглые снежки.

– Как пирожки?

– Да, только снежки не едят, ими люди кидаются друг в друга.

– А зачем?

– Ну, это такая игра, очень веселая.

– А мы будем в нее играть?

– Конечно, и я тебя обязательно снежком намылю!

– Это как?

– Ну, намылю – от слова мыло, которым ты по вечерам умываешься.

– А из чего делают мыло?

– Мыло... Как тебе сказать?.. Ну, из такого специального мыльного вещества, оно постепенно заканчивается. Вот ты замечала, что сначала, когда я покупаю мыло, оно большое. Потом оно постепенно уменьшается. И однажды становится совсем маленьким...

– Как я?

– Да, почти. Только ты не уменьшаешься, а наоборот, увеличиваешься... Ну, то есть растешь... Вырастаешь... И когда-нибудь, через много лет, станешь совсем большой.

– Как ты?

– Да, и даже, может быть, больше. Как вон то дерево.

– Такое же зеленое?

- Нет, скорее, такого цвета, как твоя мама...
- А ты?
- Ну да, или как я...
- Не, лучше, как мама...
- Ну, пусть будет, как мама... А мы разве с нею не похожи?
- Нет, ты же больше ее... Ты как дерево... Елка! Такой же колючий.
- Если я как дерево, то и мама как дерево, потому что ты наш листочек.
- Я знаю: я ваша дочка! А вы – мои родители!
- Это тебе мама сказала?
- Да.
- А почему мы твои родители?
- Потому что вы меня родили.
- Ну и как это было?
- Не знаю... А как это было?
- Э-э... Ну, мы с твоей мамой любили друг друга, часто целовались... А потом вдруг появилась ты – вот такая крошечная. Потом ты стала расти и выросла большой...
- А как это – любили?
- Ну... это, знаешь... Как бы тебе сказать?.. Любить – это когда два человека не могут жить друг без друга, грустят, скучают, хотят постоянно быть вместе... Ну, вот ты в садике скучаешь по маме или по мне, то есть хочешь, чтобы мы тебя скорее забрали?
- Хочу.
- И когда я за тобой прихожу, ты всегда радуешься, бежишь ко мне, обнимаешь крепко-крепко за шею, правильно? Значит, ты меня любишь. Я вот тоже тебя часто обнимаю, целую – это потому, что и я тебя люблю...
- И маму.
- Ну, и маму... Мы все друг друга любим...
- А Тигрулю?
- И котика нашего рыжего мы тоже все любим.
- А он, между прочим, сказал мне вчера, что тоже нас любит.
- То есть он так мякнул?
- Нет, сказал.
- А разве коты говорят?
- Ну конечно!
- По-человечьи?.. Как люди?
- Ну да!
- И ты сама слышала, как он говорит?
- Слышала.
- Тем временем мы уже подходим к нашему дому, и дочка радостно кричит:
- Вон Тигруля!
- Я вижу, как из дворовых ворот к нам навстречу бежит наш кот. И вдруг отчетливо слышу, как он сходу бросает:
- Ну наконец-то! Где вас носит?..
- Дочка весело:
- А я же была в садике, и папа меня забрал!
- Вечно этот твой садик! Ты там играешь, тебе хорошо, а я тут голодный сижу!
- Сейчас мы тебя накормим! А знаешь, Тигруля, мы все тебя любим!
- Да знаю я, знаю, – семена впереди нас, ворчит кот. – Ох уж мне эта ваша любовь...



Руфина НАЗАРОВА

СТОИТ ЗАДУМАТЬСЯ

Притчи

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Ташит носильщик с базара тяжелый мешок, на судьбу ропшет: «Сколько ни работаю, сколько ни таскаю на себе тяжести, богаче не становлюсь». Тут нагоняет его улыбающийся незнакомец, здоровается, вежливо спрашивает, далеко ли нести груз, и предлагает помощь. Хозяин мешка насторожился – уж больно вид у незнакомца беспечный.

– А чему это ты радуешься?

– Просто чувствую себя счастливым, – и незнакомец, подхватив мешок за два других конца, облегчил его хозяину ношу. А тот завёлся, с чего быть счастливым, если – по одежде видно – больших денег и прочих благ у незнакомца не водится. В ответ же услышал:

– А для счастья много не надо. Я счастлив оттого, что мне дана жизнь, этот мир богаче любых кошельков по красоте и изобилию. Я свободен и всегда найду и лак, и воду, и сладкий фрукт. Голова и руки у меня есть, чтоб заработать.

– Так ведь бывают всякие трудности, болезни. Богатство всегда поможет.

– Богатство не всегда помогает. Невзгоды проходят, а счастье остаётся. Хочешь, и с тобой им поделюсь? – рассмеялся незнакомец и дунул на носильщика с ладони. – Никто теперь у тебя счастья не отнимет! Что бы ни было, помни, счастье всегда с тобой.

Завертел недоверчиво головой хозяин мешка:

– Плут ты!

– А ты просто поверь и обязательно убедишься.

Дошли почти дома, попутчик оглянулся:

– Опять гонятся за мной, кулаками машут, – и, поспешно попрощавшись, скрылся.

Через мгновение с носильщиком поравнялись молодые люди. Поинтересовались, где его спутник и кем ему доводится. В свою очередь и носильщик спросил, что у них стряслось.

– Да наглец этот парень. Идёт и горланит: «Ах, какой прекрасный день, какая красивая девушка стоит у ворот!»

Руфина НАЗАРОВА. Член Союза журналистов Узбекистана. Работала на радио, в редакциях газет. Живет в Ташкенте.

– Ну а если так, и девушка в самом деле красивая, что тут такого?
– Так то же моя невеста, а его сестра! – сердито воскликнул один из следователей. – Кажется, ты со своим дружкой заодно! – и отвесил ему тумак. Сидит мужик рядом со своим мешком, потирает синяк и приговаривает: «Ну да ладно. Плохое прошло. Цел я, жив, а это счастье. Счастье точно осталось со мной!»

ДРУЖИ НЕ С БОГАТСТВОМ, А С ЧЕЛОВЕКОМ

Двое путников торопились засветло добраться до кишлака. Снег под ногами скрипел, мороз усиливался. Они едва успели дотемна в селение и стали раздумывать, куда бы попроситься на ночлег.

– Вон большой и богатый дом слева от дороги, попросимся туда, – предложил тот, что помоложе.

Второй внимательно взгляделся в следы на снегу, ведущие к дому, и ничего, кроме шин автомобиля, не увидел.

– Вряд ли нас тут пустят, – заметил он.

И верно, им и дверь не открыли, только женский голос прокричал, чтобы всякие попрошайки проваливали поскорее, а то спустят злую собаку.

Пошли путники искать ночлег в другом месте.

– Свернём-ка здесь. Тут вся дорожка утоптана следами, – предложил путник постарше.

В конце дорожки стояла бедная глинобитная хижина, в которой светилось только одно окно. На стук хозяин распахнул дверь и, ахнув при виде промерзших незнакомцев, пригласил их войти. За дастарханом над теплым сандалом, попивая горячий чай, беседовали трое. Оказалось, соседи. Они тотчас засобирались домой:

– Всего хорошего. Может, завтра ещё заглянем, а лучше сами приходите к нам.

Хозяйка, ставя свежесваренный чай с серым хлебом перед новыми гостями, которым хозяин уже предложил согреть ноги под одеялом сандала, приговаривала:

– Уж не обессудьте! Мы люди бедные. От обеда и ужина ничего не осталось, можем предложить только хлеб. Богатый спасибо скажет и откажется, а тот, кто голоден, и сухарю рад.

И в самом деле, хлеб с чаем уставшим и продрогшим путникам показался необычайно вкусным. Хозяева сами предложили переночевать у них. Наутро прощались как родные.

Выйдя из дома, старший путник сказал, показывая на следы на снегу:

– К дому богатого и бессердечного нет следов, а к дому бедного вся дорожка утоптана. Дружат не с богатством, а с человеком.

ДОБРОТЫ ОКЕАН

Бывает такое: невзлюбили друг друга две соседки. Одна считает другую заносчивой, та считает первую завистливой. Говорили людям друг о друге такое, чего каждая о себе и знать не знала, и предупреждали при этом: «Не разговаривайте с ней! Не дружите с ней! Не общайтесь с ней!»

Но вот как-то проходили они мимо друг друга с гордо поднятыми головами, не глядя под ноги. И попала одна из них ногой в канавку, упала, расшибла в кровь руки, ногу. Подняться не может. Услышала вторая за спиной стон, оглянулась и видит: врагиня барахтается, подняться не может. Забыла женщина в это мгновение все свои обиды, бросилась на помощь упавшей,

подняла её, кровь своим платком утерла. А та плачет, опирается на её руку, благодарит. Вместе на свою улицу вернулись. Так вражда и кончилась.

И случился позже между этими женщинами разговор.

– И как же ты меня простила, бросилась вызволять из канавы?

– Так ведь в нас доброты океан, а злость мы сами выдумываем!

О МУДРОСТИ

Пришёл к учителю ученик:

– Хочу быть мудрым.

– О! Это очень просто. Видишь валун, пойдёшь и разбей его головой. Вот и придёт к тебе мудрость.

Ученик последовал совету, а вернулся с огромной шишкой на голове.

– Разве можно разбить камень головой? – возмутился он. – Вы ошибаетесь!

– Ты совершенно прав! – воскликнул учитель. – Мудрость заключается в том, чтобы не ошибаться.

ОТ НАЧАЛЬСТВА ДЕРЖИСЬ ПОДАЛЬШЕ

Заметил дед, что внук у него лишь мыслями о карьере живет, о получении доходного места, выслуживается, как лакей, перед начальством. Решил дед умирить рвение потомка и рассказал ему сказку.

Жил-был шах-падишах. Служил у него при дворе скромный человек по имени Вали. Очень ему хотелось стать заметной фигурой, при каждом удобном случае старался угодить шаху-падишаху. Заприметил его старания правитель, приблизил к себе, осыпал милостями и подарками. Стала семья Вали жить в благополучии в роскошном доме, богато и красиво одеваться, гостей принимать. Возвысился над другими Вали и... загордился. Как же, любимец самого правителя!

Но однажды рассердился шах-падишах на своего придворного за небольшую провинность и наказал его, да как! Лишил сразу всего имущества, а самого в зиндан бросил. «Хорошо, что голову не отрубил!» – насмеялись люди над гордецом.

Ласки и награды правителя сладки, недовольство же бывает страшнее укуса змеи.

ПРОЖИВИ СВОЮ ЖИЗНЬ

Не заладились у молодой женщины отношения с мужем. Пришла в гости к родителям, а тут подружки, увидев её, набежали. Стала она с подругами делиться горем.

– Я бы на твоём месте удавилась, если б мне такое выпало, – сказала одна.

– А я б мужу яд подсыпала каждый день в еду, – посоветовала другая.

– Найди себе дружка на стороне для утешения, – предложила третья.

– Брось его, уйди, – рассудила четвёртая.

– Терпи, сама себе такую судьбу выбрала, – заключила пятая.

Случайно разговор подслушал дед. Подозвал он внучку, когда подружки разошлись, и, отложив в сторону газету, сказал, вздохнув:

– Если тебе любовь дорога, поговори с мужем, может, он ещё услышит тебя. Если о детях печёшься – о себе забудь. Отравить, преступницей стать – самый большой грех. А если надо свою жизнь спасать, беги без оглядки, начни новую жизнь. Но самое главное – к себе прислушайся, в самой себе ответ ищи, чтобы не прожить чужую жизнь, пользуясь чужими советами.

ХОРОШЕГО МНОГО НЕ БЫВАЕТ

Как-то, сидя в гостях, оказались рядом удачливый бизнесмен и мудрец. Выпив и подзакусив, бизнесмен разоткровенничался, что, мол, в своём коллективе корпоративные вечеринки устраивает и на благотворительность денег не жалеет.

– Я когда-то сам бедным был и пообещал себе, что, если разбогатею, обязательно буду нуждающимся помогать. Вот теперь, если надо, всегда поддерживаю человека. Надо – деньгами, надо – врачей найду, лекарства достану, сына на работу устрою, свадьбу помогу сыграть. Много хорошего людям делаю, а они, чуть что, – сразу меня критиковать. Не ценят хорошего.

Старик усмехнулся:

– А вы чего хотели?! Все равно людям надо помогать, считая при этом, что мало сделал. Хорошего много не бывает.

НЕ ЗАБЫВАЙ ХОРОШЕЕ

Разгорелась ссора между старшими внуками. Расстроился дед. «Лучше вообще без родни, чем такого брата иметь», – жалуется ему внук, и ну перечислять обиды: и бил его старший брат, и дразнил, а когда вырос, вечно от него секретничал, насмехался, ругал, если что-то не так, как он хотел, делалось.

– Ну а что-нибудь он у тебя украл?

– Нет.

– Позволял, чтобы чужие тебя обижали?

– Нет.

– Твои секреты другим рассказывал?

– Нет, ещё бы это он делал!

– Обманивал?

– Ну, это же не главное, в конце концов. Он меня просто обижал.

Старик неодобрительно покачал головой.

– Тогда не только брата – всех родных и друзей растеряешь, раз такой злопамятный. Ты плохое все перечислил. А хорошее считать умеешь?

СДЕЛАЙ ЖЕНЩИНУ СЧАСТЛИВОЙ

Сидят в чайхане мужчины, чай попивают. Зашёл разговор о женщинах. Один взвился как ужаленный:

– Сколько мне еще жениться? Эти женщины только вначале козочками прикидываются. А потом или мегерой, или жадной, или ведьмой становятся. И ничем им не угодишь. И все им не так, и все им мало.

– Так ты больше не женись. Видно, не везёт тебе, – сделал вывод один.

– Но не могу же один я жить! Кто стирает, кто обед приготовит, кто с работы встретит? Жена нужна.

Сидевший в углу старик, прищулив один глаз и тихонько усмехнувшись, вставил:

– Тогда тебе нужно сделать жену счастливой. Без этого, видно, удаче не бывать. Горе-многоженец с любопытством вытянул шею:

– А как это?

– Да ничего особенного. Просто, пользуясь услугами жены, надо и о ее желаниях не забывать.

Мухаммад АЛИ

АМИР ТЕМУР ВЕЛИКИЙ

Роман-эпопея

Книга третья

МИРАНШАХ МИРЗА¹

Глава восемнадцатая

I

Тохтамышхан, невзирая на то что Амир Темур находится на Кавказе, захватил Дербенд, распуская слухи о моши и силе Золотой Орды. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Сахибкирана.

Разгневанный Амир Темур, едва сдерживая себя, собирался отправить очередного посла к Тохтамышхану, чтобы предотвратить войну с Золотой Ордой. Он долго раздумывал, кого послать, и, пригласив из Кеша Амира Сайфиддина-некуза, человека красноречивого, умного, бдительного, сдержанного, направил его в Сарай-Берке², авось названный сын наконец опомнится!

Тохтамышхан принял Амира Сайфиддина-некуза с большим почетом во внутреннем зале Ичкихана величественного дворца Давлат.

– Ваше величество хакан! – начал Амир Сайфиддин-некуз, приложив руки к груди. – Нас направил к вам как к любимому сыну ваш уважаемый отец. Я сам слышал своими грешными ушами, как Его величество Сахибкиран Амир Темур назвал вас «сыном» в Куксарае... Уважительные отношения между отцом и сыном благословлены Аллахом. Конечно, все зависит от желания людей, если они хотят родственных отношений – с Богом, если нет – так нет, это их воля... Но, когда известнейшие сильные мира сего предъявляют друг к другу претензии, я осмелюсь сказать, что это никому не делает чести, Ваше величество! Прошу прощения. На кону судьба мира, об этом нельзя забывать великим людям.

Повисла гробовая тишина, Тохтамышхан слушал, покачивая головой.

– Говорят, если в вашем доме спокойно, то и у соседа будет мир. Сахибкиран желает мира и не устает повторять это. Если бы между вами и Сахибкираном воцарился мир, это было бы для нас, подданных, великой милостью Аллаха. После смерти Джахангира Мирзы вы заменили его, и он всегда с гордостью говорил: «Замена моему сыну!» Я сам слышал это... Он все простил: ваше нападение на Туран, сражение у реки Кундузча... «Тот, кто осознал свою ошибку, и есть умный человек», – говорит Амир Темур. Все, довольно... Не забудьте наказ Божий: «Примирение – доброе дело». Нет войне! Примирение пусть будет примирением!

Закончив речь, посол передал письмо Амира Темура хакану. Приятные слова посла тронули душу Тохтамышхана и рассеяли его сомнения. Он начал спокойно

¹ Продолжение. Начало в № 4, № 5, № 6 2017 г.

² Сарай-Берке – столица Золотой Орды, воздвигнутая Барака-ханом у реки Идил.

читать письмо... Там были такие слова, которые показались приятнее тех, что произнес посол, и хакан как-то растрогался.

«Что я делаю? Я же должен ответить добром на добро! Довольно, я смирюсь, буду просить прощения у Сахибкирана, пусть будет примирение! Сейчас он даже готов был отказаться от борьбы за восстановление чести Золотой Орды, это потом он обязательно добьется своего! Все, что происходило, ему казалось сном, и до добра оставалось рукой подать...

Но, умный и бдительный, лысый Амир Идику все испортил, почуяв перемену в душевном состоянии хакана!

«Хан Золотой Орды не верит в свои силы, да и никогда не верил! Он колеблется, не решаясь поднять меч против Амира Темура... Если он поймет, что война бессмысленна, обмякнет и как "сын" бросится в объятия Амира Темура, Туран превратится в сильнейшее государство в мире! Нельзя этого допускать!...» – думал Амир Идику.

– Ваше величество хакан! Потерпите! Терпеливые люди всегда добиваются своего и достигают победы! Ведь жемчужина тоже славится своим терпением, ютятся в раковине! Терпите, мой хакан! Весь мир знает, что представляет из себя Золотая Орда, вы потомок Сахибкирана Чингизхана. И такой славный хакан будет поклоняться тому, кто родился в пустыне, на окраине далекого кишлака, и является просто амиром? Вы будете поклоняться ему? Тогда что же нам делать? Примирение с Амиром Темуром – это гибель нашего салтаната!

– Из потомков Чингизхана остались только вы, Ваше величество! – поддержал его Амир Кара Юсуф и бросил разгневанный взгляд на посла. – Что, теперь пойдем на поклон к хромому, родившемуся в пустыне? Носить-то такую голову будет тяжело! Он грубо, невзирая ни на что, захватил трон Чагатая! Мой хакан, его надо как следует проучить! И это вам под силу! Наши руки коротки. Вы наш единственный покровитель, мой хакан! Посол говорит о примирении, но это обман! Мы с вами! Надо ответить: «Нет!»

– Он убил моего отца – знаменитого амира Турана – и потом захватил трон, этот насильник! – брызгая слюной, крикнул Султан Махмуд ибн Кайхусрав. – Мой отец – кураган! Кураган! У меня есть причина, я требую отмщения за кровь отца! Я обязательно отомшу! Отомшу!

Рядом сидевшего Уктай-оглана от запаха, идущего от соседа, чуть не стошнило.

– Этот подлый человек никогда не делает добра! Он злой и беспощадный! – мутные глаза Камариддина загорелись. Он хоть и был стар, но злился на Амира Темура больше молодых. – Он сложил из человеческих голов минареты в Исфахане, в Сеистане! Я слышал, будто он даже проскакал по младенцам на коне, нечистый! Накажи его бог! Я в своей жизни шесть раз сражался и шесть раз обводил его вокруг пальца! Ему очень хотелось поймать меня, но всякий раз я убегал на своем быстром скакуне! С ним не могут сравниться ни Баязет Йилдирим, ни Султан Баркук! А вы – вы другое дело! Амир Кара Юсуф верно сказал, что только вы сможете проучить его, Ваше величество! Поэтому мы преклоняемся перед вами, наш миродержец!

Присутствующие поддержали его, бесцеремонно зазвучали оскорбительные слова об Амире Темуре. Амир Сайфиддин-некуз сидел как на иголках, но был вынужден молчать: он здесь не воин, а посол! Если он не сдержится, может случиться непоправимое. Надо терпеть...

Вдруг все замолчали. Тохтамышхан огляделся, словно только что проснулся.

«Вот Саид Махмуд ибн Кайхусрав, мы поручили ему управлять Могулистаном, а он все убегает и убегает от Амира Темура... – думал хакан. – Ноги у Амира Кары Юсуфа очень быстрые, в этом он первый, а Амир Камариддин... Еще бой не начался, а он уже бежит с поля боя! Уктай-оглан... Кунча-оглан... Казанчи-

бахадур... Сулайман-суфи... Элийгмиш-оглан... все искусные бегуны... Все только бегут, опережая друг друга, воинам Амира Темура их не догнать!..»

Тохтамышхан насмешливо улыбнулся, от гнева вытарашив глаза. Надо признаться, что и сам хакан не отличается от этих амиров.

В этот момент Амир Идику закричал:

– Сейчас если и есть в мире сила, которая сотрет с лица земли Амира Темурленга, это только Его величество Тохтамышхан! – он понял состояние хакана Золотой Орды и боялся упустить время. – Скажите, кто сильнее, кроме нашего великого хана? Кто в мире? Есть ли вообще?!

– Никто!!

– Никого! Никого!!

– Пусть наш хакан живет вечно! – зазвучали здравицы в узорчатой ичкихане.

Казанчи-бахадур уразумел, что упустил время, и его большая голова, не соответствующая туловищу, стала накаляться. Ему хотелось вознести хакана до небес и вернуть на путь истинный, но вдруг услышал:

– Не могу я стать другом Темурленга! Не могу-й!.. – вскричал Тохтамышхан, вскакивая с места. – Знайте, я буду биться до последней капли крови! Он мой враг, а врагу не откроются врата добра! Начинаем наступление на Ширван и Тебриз!..

В прищуренных глазах Амира Идику тайно заискрились слезы радости.

Амир Сайфиддин-некуз был разочарован, понимая, что, сколько бы ни тужились собравшиеся здесь, им не сравниться с Амиром Темуром. Хотя он и получил, как посол, узорчатый чапан, но возвращался ни с чем. Он с самого начала понимал, что эта затея бесполезна, но не посмел сказать об этом Сахибкирану.

Прошло три месяца.

Каждому времени свои сильные мира сего...

Многие падишахи ничего не оставляют после себя, кроме одного-двух зданий или нескольких развалин, будто всю жизнь они жили, воевали, не щадя себя, боролись изо всех сил, шумели, лишь для того чтобы заполучить несколько строк, может быть, страниц в сегодняшних энциклопедиях и книгах по истории.

Тохтамышхан тоже один из таких правителей. Он мог бы преспокойно править Золотой Ордой под сенью Сахибкирана. История – это судьба. Войны – судьба мира, нельзя их избежать.

После взятия Ширвана хан Золотой Орды, возвращаясь в столицу, остановился в Дербенде. Ему всегда нравилась эта крепость. Величественные высокие каменные минареты, дома, мечети, дворцы...

– Тармачук! Тарма!..

– Я здесь, мой хакан! – немного растолстевший, но подвижный амир появился на пороге.

– Приказывай слугам! Пусть зовут на машварат.

– Я давно всех собрал, мой хакан! Знать и амиры уже в нижнем дворце и ждут вашего повеления!

Амир Тармачук знает все. «Лишь бы не подвели моего хакана его сообщники... – думал он. – Можно ли им верить? Земли правителя Польши Ягайло далеко, он считает себя его другом, дал обет верности, но слержит ли свое слово? Султан Египта болен, Султан Ахмад-жалайир и Амир Кара Юсуф – надутые шары, гордо плавающие на воде, на них надеяться нельзя, они то тонут, то выныривают, хочешь поймать – не удастся. Османский повелитель Йилдирим Баязет как огромная гора: чем ты ближе к нему, тем он дальше от тебя.

Не ошибается ли мой хакан, веря их словам? А если они все же объединятся, смогут ли одолеть Темурбека?..»

Вся знать, амиры и бахадурь, собравшись во дворце, ждали начала машварата. Все молчали.

Хакан смотрел в сторону моря и думал о своем. В душе его будто два человека, два врага затеяли спор. Всякий раз, когда он размышлял, эти двое вступали в единоборство.

«Никогда тебе не быть равным Амиру Темуру! Это стало понятно после боя у реки Кундузча... – заявляет Первый. – И куда “приемному сыну” сравниться с благодетелем “отцом!”».

«Стану равным! Не отступлю! – волновался Второй. – Даже обгоню! Еще как обгоню!.. Воспользовавшись отсутствием Амира Темура в стране, отправил же на Туран со стороны Сырдарьи Камариддина, послал же из Хорезма Сулаймана Суфи, а сам напал на Тебриз, в один день разграбил все и с богатой добычей, многочисленными невольницами и рабами возвратился назад...»

«Все это похоже на уколы слона иглой...»

«Когда ты четырежды возвращался к нему после поражений, униженный, ничтожный, жалкий, он же всякий раз тебя милостиво принимал, жалел... Верно? Не надо забывать доброту...» – недовольно заметил Первый.

«Доброта?.. Кто это добрый? Скажите-ка мне? Что такое добро? Где живет? Увидеть бы его хоть один раз! Доброта, говоришь?.. – насмешливо ухмыльнулся Второй. – У кого есть доброта? Ну, скажи!»

«Я что-то не понял...»

«У благодетеля Амира Темура есть эта доброта? А?.. Если есть, то почему он напал на Хорасан и Иран, когда он не владеет Тураном? Разрушил Ирак, Мазандаран, Азербайджан, Гурджистан, почему? Почему хочет захватить трон Золотой Орды? Он завоевал Хорезм, а Хорезм был моей опорой, принадлежал Золотой Орде... Теперь я нападу на Азербайджан – это моя месть. Почему он захватил Тебриз, Дербенд! Это можно Амиру Темуру, а мне нельзя, что ли?..»

«Он хочет покорить мир...»

«Кто завоевал эти страны?.. Это же владения моего деда Сахибкирана Чингизхана! Я их хозяин!»

«Да, ты хозяин!..»

«Ты издеваешься надо мной?»

«Этот мир принадлежит храбрым, могущественным, сильным мира сего! Как ты не поймешь? Все время повторяешь: мой дед, мой дед!.. Разве сейчас может помочь тебе дед Чингизхан?»

«Поэтому я и ишу сообщников... Мои друзья – самые сильные в мире!..»

«Если твои друзья такие же лентяи, бездельники, как ты, тогда дела плохи...»

«Тебе ничего не втолкуешь... Мне этого ни разу не удалось...»

«Хоть бы постыдился поднять меч на “отца”-благодетеля, который оказал тебе столько милости и сочувствия...»

Всякий раз беседа сама собой прекращалась в этом месте, приходилось признать, что отвечать злом на добро во все времена считалось грехом. Эта горькая правда всегда злила Тохтамышхана, и от этого душа его каменела все больше и больше.

– «Наш досточтимый отец» прислал своего посла и предложил примирение... – сказал хакан. Стало ясно, зачем созван машварат и о чем пойдет речь. – Обратите внимание на слова посла! В мире нет, оказывается, государств, равных государству Амира Темура Курагана, никакая крепость не устоит перед ним, никакой город, никакое войско! Хо-хо-хо! – Когда-то светлые глаза Тохтамышхана сейчас покраснели от обиды и сузились. – «Наш отец» – наказание Божье! Да, наказание... о боже! Вот сила, мощь!.. Да-а!.. Мы должны признать это, конечно... ах!

Когда я прибыл в Куксарай в первый раз, он сидел на золотом троне и назвал меня сыном. Слышите, сыном! Хо-хо-хо! Я смотрел на Амира Темура и тогда уже думал, что когда-то этот узорчатый золотой трон будет моим! Знайте, я обязательно сделаю это! Я готов возродить славу и честь своего деда Чингизхана, великого Сахибкيرانа! Самарканд, Бухара, Туран должны быть моими! Должны!!! Земли между двух Дербендов¹ будут моими! Индия, Хорасан, Ирак, Египет тоже! Думал, что в бою у реки Кундузча я погибну и останки расклюют голодные коршуны и вороны в пустыне Дашти Кипчак! Нет! Не-е-е-ет...

Хакан замолк. Никто не решался сказать ни слова, боясь навлечь на себя беду.

– Знайте, только хитростью можно победить этого подлого врага! Я хочу, чтобы воины Темурленга сгнули в темных лесах Урусии, утонули в болотах, ведь они умеют передвигаться только в песках, среди камней. Наша цель – сделать вид, будто мы ведем бой, а на самом деле завести их за собой туда! Пусть они гибнут в незнакомых далеких местах, впадают в нищету! Чтобы их отвлечь, оставим огни зажженными и начнем отступать, чтобы довести до изнеможения Темурленга, уведем от родных мест, окружим и разобьем наголову врага! Как красиво звучит – разбить наголову!

Слова хакана очень понравились Султану Махмуду ибн Кайхусраву, они ублаживали его совесть.

Знать и бахадуры были против войны с Тураном. По их мнению, война была равносильна тому, как если бы холм начал тягаться с горой. Они обсуждали это между собой, но боялись сказать хакану. Они не хотели, чтобы войско Золотой Орды отправилось на Дербенд и захватило Ширванское государство, наоборот, желали идти на север – на Московию.

– Если у хакана что-то не заладится, все, чтобы спасти свою душу, бросят все и убегут поджав хвост. Нет друзей! – заметил Кунча-оглан. – Казанчи-бахаdur, надо брать бразды правления в свои руки и объяснить хакану, что он заблуждается! Вы доверенный человек хакана, он слушает только вас, надо искать выход!..

Казанчи-бахаdur, вспомнив разговор накануне, взбодрился и ждал, пока закончит речь Тохтамышхан. Он знает, что Тохтамышхан взглянет на него, ища поддержки: «Что скажешь?» Вот тогда он и скажет, его речь получится весомой.

Себя он считал дальнзорким и бдительным. Вот недавно сумел-таки перехитрить своего вероломного врага и удалить прочь из дворца. Хоть он не слыл красноречивым, но на сей раз искусно подал хакану информацию. Лет десять тому назад на окраинах Нагая подняли бунт, Тохтамышхан тогда убежал в город Кафа, а его приспешники убили туманбаши Мамака², и один из его сыновей, чтобы отстоять честь отца и отомстить, собрал людей и восстал против хакана, желая отделиться, но самое неприятное, что бунт со временем охватил земли во-круг... Когда грядет такая беда, как война с Тураном, бунт создает дополнительные затруднения для Золотой Орды, и уладить ситуацию может только умный и ловкий господин Амир Идику-мангит. Вот в этом и сумел он убедить хана.

Тохтамышхан кого-то искал взглядом. Все, затаив дыхание, ждали. Хакан обернулся на Казанчи-бахадура и хотел что-то сказать... Вдруг в это время... сообщили, что Амир Идику возвратился из Нагая! Вслед за тем сообщили, что прибыл гонец от султана Египта Баркука. Услышав это, хакан повеселел. Видно, что он с нетерпением ждал этих вестей.

– Я наказал бунтовщиков, мой хакан! – Амир Идику встал на колени и поцеловал край белого с короткими рукавами халата Тохтамышхана. – Схватил всех

¹ Два Дербенда – один находится в долине Кашкадарьи, второй – на Кавказе.

² Мамак – известный в русской истории как Мамай.

сыновей, родственников Мамака, выполнил все приказы Вашего величества: всех казнил – от младенцев до стариков! И белые нагаи, и черные нагаи – все изъявили желание подчиняться Вам! Я всех поставил на место! Эти нечистые хотели отделиться от Золотой Орды и присоединиться к Турану, создать Нагай Орду...

– Теперь присоединятся в судный день! – сказал вдруг Султан Мухаммад ибн Кайхусрав.

– Всемогиший! Надо выступить против Амира Темура! Это все его происки! В настоящее время этот злосчастный захватил крепость Мардин... Но слышал, что его войско разбилось кто куда... Одни – в Ширазе, другие – в Исфахане, третьи – в Самарканде, Ашпаре, Термезе... и простой народ колеблется! Да... тянуть время опасно! Не стоит забывать, как мы мучительно ждали этого момента, мой хакан! Все отдыхают, только вам не до отдыха, мой хакан! Как настигнет ваш молниеносный удар, он не успеет собрать своих воинов и будет удирать, как мышь, не случайно он родился в год мыши! Хе-хе-хе... – угодливо улыбнулся Амир Идику. – Все дрожат перед вашим могуществом! Завоюете Туран, откроется дорога в Индию, Хорасан, весь мир будет у ваших ног! Победа над султаном Турана равна завоеванию всего мира, хакан хаканов!

Вся знать и бахадеры после слов Амира Идику представили: весь мир уже в руках у хакана. Кровопролитная война неминуема, и даже если бы захотел остановить колесо судьбы сам Тохтамышхан, то был бы бессилён.

II

Связанный по рукам и ногам строительством Аксарая, Джаханшах ибн Жаку получил из Хумаюн урду высочайший фирман. Под превратившимися в государственный герб тремя кольцами в скрепленном царской печатью фирмане было ясно написано, что он назначен Амиром ул-умара¹ в предстоящей войне с ханом Золотой Орды Тохтамышханом, поэтому как можно скорее ему необходимо было прибыть в Карабаг.

Сначала он обрадовался: Сахибкиран оказал ему высокое доверие, да и со своей дочерью Согинч-бикой он сможет увидеться...

После исчезновения дочери прошла неделя, с угасающей, как свеча, надеждой усталый Джаханшах ибн Жаку встретил во дворе невольницу-красавицу Сарвиназ. Когда спросил у нее: «Ты знаешь, где Согинч-бика, да?..», она смешалась и смущенно ответила: «Не знаю, откуда мне знать, мой амир? Нет! Нет!...»

Через некоторое время Джаханшах ибн Жаку позвал к себе невольницу, чтоб еще раз расспросить о Согинч-бике.

– Знаешь, да? Скрыла, да?... – он многозначительно посмотрел на нее.

– Нет! Нет, мой амир! Не знаю, не знаю...

– Да-а-а?... Ну все, у меня кончилось терпение! – серьезно сказал Джаханшах ибн Жаку, притворяясь сильно разгневанным. – Если не скажешь... не скажешь... так и знай, за непристойный поступок прокляну Согинч-бику! Прокляну, все! Нет у меня дочки! Я отрекаюсь, все!

Глаза Сарвиназ расширились от ужаса, бедная бросилась в ноги хозяину:

– Нет! Нет! Не делайте этого! Она хорошая, умная девушка! Это грех!.. Согинч-бика полюбила шахзаде, думала только о нем, не могла иначе. Оплагала хотела открыть эту тайну моему хозяину, то есть вам, но не успела – умерла. Когда пришли сваты от семьи Шейха Нуриддина-бахадера, Согинч-бика, избегая их, переоделась в джигита и решила найти шахзаде Мухаммада Султана. Обещала

¹ Амир ул-умара – амир амиров, глава амиров.

скоро вернуться. Имя Согинч-бики – Аргуншах. Это имя храбрая девушка выбрала еще на военных занятиях... – закончила Сарвиназ, вытирая слезы.

Джаханшах ибн Жаку окаменел! Он ошеломленно уставился на всхлипывающую невольницу, сидевшую склонив голову...

– Почему же ты не сказала раньше, ведь ты утопила мое сердце в крови, дуреха этакая?

Он хотел как следует поругать ее, но раздумал. В чем вина невольницы? Это вина дочери – непослушной и своенравной! Значит, это все не случайно...

– Благодарю тебя за милость, Аллах мой! – прошептал бедный отец...

Он сразу послал доверенного наукера за Согинч-бикой и поручил, чтобы тот непременно возвратился с вестями. Наукер вернулся через двадцать один день и доложил, что в самом деле среди воинов принца есть смелый джигит по имени Аргуншах. Но из-за жарких сражений за Маранд он не имел возможности повидаться с ним.

Джаханшах ибн Жаку был на седьмом небе от радости, злился на дочь и гордился одновременно.

Глава девятнадцатая

I

Услышав, что царица Сараймулькханум едет в Султанию, Ханзада-ханум почувствовала себя на седьмом небе от радости. Теперь она наговорится с ней вдоволь, ответит душу. Не то что в посланиях из Султании в Самарканд, ожидая, когда же кукарчин¹ принесет желанное письмо.

Вчера она написала письмо, в котором оповешала о некоторых событиях в Султании, о своей с виду величественной, а на самом деле беспросветной жизни, об отношениях с амирзаде Мираншахом Мирзой, о свадьбе Мухаммада Султана, о том, что он (Ханзада-ханум до сих пор скрывает это от других)... не любит Хан Султан-оку... и о многом другом.

Неожиданно слуга сообщил, что прибыл Ахий Джаббар-бахадур из Гурджистана.

– Здравствуйте, моя повелительница! – поклонился он. – Примите приветы от славного Мираншаха Мирзы и шахзаде Мухаммада Султана!

– Добро пожаловать, бахадур! Как мой шахзаде? Хей, Ок!.. Глади, пришел твой бай²!

Оккиз-бегим стыдливо ждала этого, поклонилась бахадuru, склонив свою голову к самой земле, и поцеловала холодную кольчугу мужа. Ее глаза наполнились слезами.

– Хей, хей! Довольно, хватит, это грех! Пусть никто не видит... – поднял жену бахадур. – Слава богу, все спокойно...

Ханзада-ханум уважала Ахия Джаббара-бахадура, она знала его еще с Хорезма, редко встречаются такие преданные люди. После смерти Джахангира Мирзы по ее желанию он не ушел со службы.

Ханзада-ханум, увидев, что супруги испытывают неловкость, оставила их в одиночестве и отправилась в гостиную.

Ахий Джаббар-бахадур задумался. Как рассказать историю Мухаммада Султана? Любовь шахзаде оказалась царской, слишком сильной. Он превратился в Меджнуна! От природы сильный и здоровый, джигит не вынес испытаний... Табиб сказал, что надо исцелять его душу. Не помогут никакие лекарства и снадобья.

– Согинч-бика... Согинч-бика... – повторял Ахий Джаббар-бахадур. – Если в нее так влюбился шахзаде, превратившись в одержимого, значит, она единственная в мире!

В глазах Мухаммада Султана тогда заблестели искры надежды...

¹ Кукарчин – почтовый голубь.

² Бай – богатый. Здесь: хозяин.

Ахий Джаббар-бахадур хотел обо всем рассказать Ханзаде-ханум или хотя бы Оккиз-бегим. Но вовремя вспомнил слова шахзаде: «Не говорите обо мне никому, особенно благодетелю Сахибкирану, пусть это останется тайной!» – и решил молчать. Зачем беспокоить царевну?.. К тому же раскрывать чужие тайны – недостойно ахичев.

Ахий Джаббар-бахадур пробыл в Султании два дня и уехал в Дербенд.

Услышав от него, что в стране и в войске Сахибкирана все благополучно, Ханзада-ханум успокоилась. И слава богу!

Царевне в Султании не с кем поговорить. С женами и невольницами мужа не разговаривает потому, что они стесняются и даже опасаются ее. Мираншах Мирза, как стал правителем Хулагухана, взяв пример с Сахибкирана, всех своих жен и невольниц разместил по отдельности, подарив каждой красивый сад.

Ханзада-ханум встретила царицу в Чаманбаге, в великолепном дворце с двумя минаретами, которые издаലെка бросались в глаза. Через день устроила пышное угощение в честь махли улё.

Царица и царевна поглядывали друг на друга и ждали, когда же кончится это угощение и они смогут вдоволь побеседовать. Наконец-то собрание красивых женщин с ароматными волосами, окутанных разноцветными одеждами, оживленно беседующих друг с другом, завершилось, они стали готовиться к возвращению к себе.

Ханзада-ханум повела Ханумайим в цветную беседку, находящуюся в конце сада.

– Три года величественный Сахибкиран отсутствует в Самарканде, моя царевна... – начала Сараймульханум. – Самарканд будто опустел. Нет никого! И вас нет – вы здесь...

– Благодарю, Ваше величество Ханумайим! – благодарно поклонилась Ханзада-ханум. – Судьба у меня такая... Если бы это зависело от меня, я не расставалась бы с вами.

– Иногда сердце разрывается... О боже! Думы, бесконечные думы... Вы называли себя жемчужиной, которая, страдая, живет в ракушке... – Сараймульханум нежно смотрела на царевну, мило улыбаясь. – Но та, что живет в ракушке, не вы... а я. Вы написали обо мне...

– Вай, не говорите так, Ваше величество Ханумайим! – искренне воскликнула Ханзада-ханум. – Почему вы так говорите? Не про вас, нет! Почему о вас, почему вы так подумали?

Сараймульханум – единственный человек, которому доверяет свои душевные тайны Ханзада-ханум. Ей есть что сказать. И Сахибкирану тоже, она – любимая невестка, нет-нет, – дочка, а после смерти Джахангира Мирзы стала ему и «сыном».

Амир Темур бережет Ханзаду-ханум, думает о ней, заботится, как отец, переживает, что так сложилась ее судьба (царевна чувствует это по его взгляду), горюет, но не показывает этого. Она чувствует, что Сахибкиран любит ее даже больше своей дочери Султан Бахт-бегим. Но ей не хочется утомлять благодетеля Сахибкирана мелкими разговорами. Зачем его беспокоить? Царевна была под сенью государства семь лет как вдова, и сколько душевных страданий за семь лет вытерпел сам Сахибкиран – не честь, их на век хватит... Кто это все поймет?..

Всегда на коне, лицо, огрубевшее от походных ветров... На нем лежит тяжелая ноша – судьба всего мира, будущее державы, судьбы детей, внуков, всякие дразги между ними, строительство, которое ведется в разных местах мира, завоевание стран, наконец, судьба наследника, света очей царевны – храброго бахадур Мухаммада Султана, который будет править в будущем великим салтанатом...

– Жизнь великого Сахибкирана проходит в боях и походах... А у него только одна жизнь... Разве можно жить так? Думаю, и душа болит...

– Оно верно... – подтвердила Ханзада-ханум.

– Сахибкиран всегда ищет способ остановить войну, предлагает породниться. Если в какой-то стране начинаются беспорядки, знать этой страны часто сама просит помощи, посылает своих послов... Есть в Коране такой аят: «Инна жаалнока халифатан фил арз», то есть «Мы назначили вас халифом на Земле». «Я себя считаю халифом, если позволяют мои силы, если не смогу отстоять там справедливость, значит, я грешник», – говорит Хазрат. Он очень милостивый – четыре раза просил Тохтамышхана.

– Царевна моя! Амиру Сахибкирану нелегко. В его руках большая власть и величие... Недавно, когда я была в Карабаге, он сказал, что его большая цель – поход в Китай... Если это свершится, в мире не будет победы, величественнее этой. Надо ли еще раз сражаться с Тохтамышханом? Я старалась его отговорить, но Сахибкиран сказал: «Не могу, Бибиджан... Я боюсь Бога, нечистых людей надо наказывать...

Беседа затянулась. Из беседки были видны Тебриз, широкие поля, табун лошадей, пасшихся вдалеке. На востоке, у моря Кулзум, были едва заметны очертания невысоких гор. А небо чистое, лишь на горизонте виднелись разрозненные тучки.

В это время к беседке приблизилась Оккиз-бегим, чтобы известить о прибытии гонца Сахибкирана, но не посмела помешать задушевной беседе. Никто ее не заметил. Царевны даже о еде на хантахте забыли, настолько их затянула беседа, только изредка попивали розовый настой. Ханзада-ханум не заговаривала о своей боли, чтоб не подумали, что ропшет, ожидая, когда сама махди улё начнет разговор.

Ханзада-ханум начала всхлипывать.

– Ие... царевна моя! Что случилось?

– Я так... сама...

– Не плачьте, моя царевна! Мне жаль ваших слез!

До этого еле сдерживавшая себя Ханзада-ханум громко зарыдала!

– Вай!.. Вай!.. Царевна моя! Царевна моя!.. Не плачьте, грех плакать, царевна моя...

Оккиз-бегим хотела броситься утешать ее, но сдержалась. Ханзада-ханум простионала:

– Я плачу от радости, Ваше величество Ханумайим! От радости... если не мне, кому плакать... Почему у меня такая несчастная судьба?! Если не поделюсь, кому говорить мне, бедной?! В Хорезме все завидовали мне, считали самой счастливой девушкой, умной, красивой, единственной ханской дочерью!.. Лучше бы мне умереть, чем быть такой счастливой!.. Я не была высокомерной, не желала никому плохого. За какие же грехи меня наказал Аллах?! Я стала несчастнейшей из несчастных! Есть ли в мире справедливость? Ведь наказан должен быть только грешник. Почему безгрешного все время наказывают еще и еще?.. Бог забрал у меня любимого человека – Джахангира Мирзу!.. Теперь для амирзаде Мираншаха Мирзы я лишний груз... Он придирается ко всякой мелочи... Мне хочется собраться и уехать в Самарканд...

– Хей-хей! Не делайте этого, царевна моя! Вы хотите обидеть Амира Сахибкирана? – поспешно спросила Сараймулькханум, хватая за руку Ханзаду-ханум, будто та прямо сейчас собирается уехать.

– Я тоже боюсь этого, а то... Но у меня кончается терпение. Вай, боже! Моя служанка Оккиз более счастлива, чем я... Да, она счастлива, со своим любимым человеком живет! Меня называют Севин-бика (радость), нет я не Севин, а Алам-бика (горе)! Но я же тоже человек... Ваше величество Ханумайим? Была же?..

Ханзада-ханум продолжала всхлипывать. Вот уже двенадцать лет она супруга Мираншаха Мирзы, ей так хотелось излить душу Сараймулькханум и освободиться от горького груза... Ее смуглое лучезарное лицо, черная родинка на правой щеке были мокрыми от слез, пунцовые губы беспомощно дрожали. Царица подседа к Ханзаде-ханум, поглаживая ее голову и нежно обнимая:

– Моя милая! Милая моя царевна! Никогда не говорите, что вы несчастны! Я даже своим врагам не желаю несчастья! Не говорите так! Пусть люди не думают, что вы неблагодарны! У вас такие красивые сыновья! Мухаммад Султан, Халил Султан... Есть дочка. Детей Бог дает избранным, и он дал вам их... – Сараймулькханум замолчала, ей самой хотелось плакать.

Хорезмская царевна чувствовала неловкость, оттого что так расстроила Ханумайим.

– Простите меня, я не хотела заставить вас страдать, Ваше величество Ханумайим! У меня переполнена душа... – жалобно сказала Ханзада-ханум. – Слава богу, у меня есть сын Мухаммад Султан. Мой муж... сын. Что мне делать? Мой амирзаде всегда недоволен, обижается, что это Мухаммад Султан объявлен наследником, хотя тот – внук, а он, сын, не стал наследником. Он об этом не говорит откровенно, но по всему это чувствуется. А в чем вина Мухаммада Султана?..

Ханзада-ханум хотела рассказать и о непристойном поведении Мираншаха Мирзы, его постоянных увеселениях, кутежах, что не подобает амирзаде, но постыдилась Сарамулькханум и промолчала.

– Иногда так тяжело жить... Я живу, Ханумайим, ради своих сыновей, особенно, ради Мухаммада Султана, он наследник, моя вера, опора, сила. Прошу прощения...

Оккиз-бегим, слушая, как досточтимые женщины дворца, которых знает весь мир, жалуются на свою жизнь, с сожалением думала, что, если они так страдают, как быть простым женщинам?! Вдруг она вспомнила, что гонец спешит возвратиться и тихо кашлянула.

– Ок... Спокойно ли? Что случилось?

– Простите грешную служанку, царевна моя! Из Карабага прибыл гонец, – изынно поклонилась Оккиз-бегим, – есть очень важные вести для махди улё...

Сараймулькханум оживилась, поправляя завиток на правом виске, посмотрела на служанку.

– Амир Сахибкиран начал войну против Тохтамышхана... Для битвы выбрано подножье горы Эльбрус. Все амиры, амирзаде должны ехать туда со своими войнами. Шахрух Мирза, чтобы править страной, должен приехать из Западного Ирана в Самарканд. Царицы Сараймулькханум и Туман-ока с амирзаде тоже должны ехать туда. Великому визирю поручено всех проводить, обеспечить благополучное путешествие до столицы, – сообщила Оккиз.

II

– На смотр! Смотр! – слышалось у подножия Эльбруса.

– На смотр! Смотр! – звучало у реки Самур.

Неделю назад было дано высочайшее распоряжение готовиться к военному походу против хана Золотой Орды Тохтамышхана: «Пусть воины готовятся!» От Самарканда до Султанлии, Шираза и Исфахана, Балха, Термеза, Гургенча, Андижана в высших кругах, между полководцами, амирами и среди простых людей давно ходили слухи об этом походе. Значит, теперь ясно: свершится битва между султаном Турана и ханом Золотой Орды, равных которой еще не было в мире!

Все опасались этого.

Огромное войско пришло в движение, разгоряченное чувством мести. На зеленеющих от весеннего дыхания склонах гор, подобно грибам, которые появляются после дождя, выросли шатры и шалаши. А внизу амирзаде, беки, и военачальники проверяли готовность к бою своих войск.

Склоны горы стали похожи на место страшного суда. Горели священные огни. Под солнечными лучами блестели мечи, кончики пик. Увидевшие это сказали бы, что после Чингизхана мир еще не видел такого огромного и совершенного войска.

Человек, который дрессирует льва в цирке, перед тем как лев должен прыгнуть через огненное кольцо, дает ему сахар, поощряя и задабривая его, Амир Темур тоже перед сражением всегда выдавал деньги, награды, подарки, поощряя воинов.

Он повернулся к Миру Саййиду Бараке, который, как обычно, в белом халате сидел на чалом коне.

– Если разрешите, начнем смотр войск...

Пир, усевшись поудобнее, поднял руки для молитвы:

– Илахи, аминь, пусть победа будет за нами справа, а храбрость слева, пусть мир преклонится перед вами, а небо по справедливости вознаградит вас! Хвала Аллаху – Господу миров!

– Оружие войска – будущее державы! – поддержал Мухаммад Чурага-даллах. – Да вознаградит нас Господь!

– Мы вознесены до небес вашим вниманием, Амир Сахибкиран! – сказал Амир ул-умара Джаханшах ибн Жаку. – Аминь!

На смотре войска расположились так, будто идут на бой.

Центр войска возглавлял наследник шахзаде Мухаммад Султан.

После того как он едва оправился в Тифлисе, шахзаде начал уделять много внимания военной подготовке: работал мечом, пикой, проверял боевой дух своего войска. За это время по милости Божьей, к счастью, никто и не тревожил его из Хумаюн урду! То, что он болел, осталось тайной. И тут пришла весть о начале войны с Тохтамышханом.

Когда до Сахибкирана оставалось пятьдесят шагов, шахзаде спешился и подошел к Сахибкирану, поклонившись, сказал:

– О Великий человек, благословенный самим Создателем, досточтимый дед мой, благодетель Сахибкиран! Покуда существуют Небо и Земля, пусть весь мир будет в вашей власти!

– Пусть весь мир будет в вашей власти! – воскликнул сзади Ахий Джаббар-бахадур.

Окружавшее их нетерпеливое войско с колышущимися флагами, готовое с минуты на минуту броситься в бой, взревело: «Сахибкиран! Сахибкиран!» – и этот рев достиг небес.

Мухаммад Султан поцеловал стремя Сахибкирана. Амир Темур тоже соскучился по своему внуку, он погладил его узорчатый шлем, похвалил наследника и начал молитву:

– Всегда будь счастлив, будь навек далек от зла и недобрых дел!..

Джаханшаха ибн Жаку почему-то охватило чувство гордости... Когда он встретился впервые с шахзаде, то увидел, что наследник чрезвычайно волнуется, но ни о чем не спросил его. Разве можно что-то спросить?.. Эх, Джаханшах ибн Жаку гордился бы перед врагами и друзьями, будучи тестем Его высочества шахзаде!.. Он тайно порасспрашивал об Аргуншахе и узнал, что тот вернулся в Самарканд. Значит, его своевольная дочь в Самарканде...

Через некоторое время гонец доставил ему короткое письмо:

«Нашему многоуважаемому амиру, господину, благодетелю нашему Джаханшаху ибн Жаку пишет невольница Ваша Сарвиназ... Тороплюсь сообщить Вам радостную весть: слава Аллаху, наша непослушная дочь Согинч-бика вернулась домой жива и здорова!.. Она сожалеет обо всем, сожалеет... Мы обе просим у Вас прощения...»

Сердце Джаханшаха ибн Жаку затрепетало, он не находил себе места...

– За Аллаха, Родину и палишаха отдадим жизнь! Мы ваши преданные дети, благодетель Сахибкиран! – кричали воины Мухаммада Султана. Голоса двенадцати тысяч наукеров, будто соревнуясь с Эльбрусом, достигли небес. Им вторили звуки труб.

Сахибкиран стал расспрашивать одного наукера:

– У тебя есть шатер? Дали улуфу? Есть ли стрелы в колчане? А кольчуга? Дубуга... Меч... Пила... Кинжал?..

Получив утвердительные ответы, он повернулся к шахзаде:

– Каждый наукер в войске пусть возьмет с собой еды на год и оружие: лук, обязательно футляр для лука, шит, по тридцать стрел в колчане, меч, булаву, нож и кинжал. Один конь на два человека, для десяти – один шатер, две лопатки, один омач¹, один серп, одна пила, один топор, одна теша², одна кирка, одно шило, сто иголок, шкура, один казан и аркан. У вас достаточно коней? Потому что, если конь воина погибнет, его надо сразу поменять.

– Благодетель Сахибкиран! Все приготовлено, как вы сказали!

У Дербенда Мираншах Мирза неожиданно упал с коня и сильно повредил руку. Сахибкиран пожалел сына и повелел, чтобы он был с угруком и отправлялся обратно в Азербайджан, в город Шеки.

Смотр продолжался. На джавангаре – левой стороне войска – красовались воины Амира Сайфиддина-некуза с луками, мечами, говсипарами³. Впереди стоял сам Амир Сайфиддин-некуз. Вернувшись после безуспешных переговоров с Тохтамышханом, он понял, что девять долей государственных дел из десяти, которые решались через совет, уже исчерпаны, и осталась только одна доля – меч. Война неизбежна!

На барангаре – правом крыле – стоят войска Амира Шахмалика и Шейха Нуриддина. Все знали, что два знатных амира хотят показаться близкими друзьями, не разлучаются друг с другом, но тайно соперничают, борются за достойное место в салтанате, но никто это не обсуждал.

У воинов Амира Аллахдада, прибывших из Ташкента и стоящих на хировуле⁴, было отличное настроение. Один наукер проверяет свой меч, вынимая из ножен и взмахивая им в воздухе, другой старательно оттачивает каждую стрелу, считая и отправляя в колчан, третий поглаживает гриву коня, а четвертый лежит, положив руки под голову, и глядит в небо, тихо напевая старую песню о любви.

Войска амирзаде Пира Мухаммада Джахангира и Рустама ибн Умаршейха составляли переднюю линию, на левом крыле расположились наукеры Амира Сулайманшаха, а на правом – Худайдада Хусайни.

Смотр продолжался четыре дня. Когда Сахибкиран приближался к каждому войску, звучали литавры и трубы, карнай и сурнай, и их величественные голоса как бы подчеркивали, что в мире нет войска сильнее.

Амир Темур обращался к молниеносным наукерам с воодушевляющими, поднимающими дух, речами, в ответ слышалось: «За Аллаха, Родину и падишаха!» Возгласы перекачивались по горным склонам.

В эти же дни на севере, на левом берегу реки Сунжа, на красивой поляне, выбранной самим Тохтамышханом, начался смотр войск Золотой Орды. Тохтамышхан чувствовал дыхание врага и был недоволен малочисленностью своего войска.

Глава двадцатая

I

Наследник шахзаде Мухаммад Султан представлял картины будущей войны с Тохтамышханом и был уверен, что на этот раз они победят хана Золотой Орды и возьмут его в плен. По его мнению, вся вина, несомненно, лежит на Тохтамышхане.

¹ Омач – соха с чугунным наконечником.

² Теша – ручной инструмент типа топорика.

³ Говсипара – шит высотой с человека, изготовленный из шкуры вола.

⁴ Хировул – одна из передних частей.

А цель благодетеля Сахибкирана совсем в ином, Его величество давно думает о походе на Китай. Дедушка его сказал на собрании в Дербенде, что следует как можно скорее вернуться в Самарканд и начать поход на Восток. Неблагодарность негодяя-«сына» многих разочаровала и разгневала. Неожиданно он вспомнил о своем дяде Мираншахе Мирзе, который совершает поступки, недостойные благородного амирзаде, проявляет высокомерие, избалованность, легкомыслие. Слухи о нем ходят по стране, может быть, и до деда дошли. Не покидали думы о Согинч-бике. Он ждал хороших вестей от Аргуншаха и почему-то верил, что скоро судьба смилостивится над ним и принесет благую весть о любимой.

И действительно, свершилось чудо, Бог пожалел шахзаде и сделал ему необыкновенный подарок: когда войско отправилось в путь, гонец от Аргуншаха доставил письмо! Да, именно так: «Я принес письмо от Аргуншаха», – сказал гонец. Влюбленный наследник еще не знал, что в этом письме было все: бесконечная радость, раскрытая тайна, странность этого мира, удивление, сожаление, обида...

Шахзаде боялся открывать письмо; чтобы прочесть его, надо остановить движение, а это невозможно. Он утешал себя, что прочтет его в удобном месте и в удобное время. Но прошло пять дней – письмо все еще за пазухой. Уже сердце не выдерживает, а до привала еще далеко... О чем пишет Аргуншах? Сам не явился, но послал письмо, да... Нашел он исцеление? Видел ли его любимую Согинч-бику? Если видел, где она?..

Конь шахзаде свободно шагал, пофыркивая. Шахзаде открыл письмо, свернутое в трубочку, как свирель:

«Здравствуйте, господин шахзаде, Ваше высочество! – так начиналось письмо. – Не велите казнить, велите слово молвить. Я очень много думала... наконец, решила обо всем написать Вам. У меня нет другого выхода. Слава Аллаху!

Есть тайна, из-за которой я совершила великий грех, Ваше высочество шахзаде. ...Аргуншах, умный джигит, храбрый воин... но на самом деле он не Аргуншах, а Ваша любимая... могу ли я назвать себя так, простите меня... Я – бедная, несчастная, печальная горемыка Согинч-бика...»

Письмо чуть не выпало из рук ошеломленного шахзаде! О боже! О боже! Он не знал, верить ли происходящему, и только повторял: «О нет!.. О нет!..». Он не в состоянии был воспринять эту неожиданную новость. И вдруг бессильно произнес: «О Аллах! Слава Тебе!» – и нетерпеливо продолжил чтение:

«...Да, это та, кого вы видели у моста Жуйи Зар. Рядом с нами была царица Сараймулькханум, и я, Согинч-бика, очень стеснялась... Это я, кто представил себя славной Гурдофарид, воспетой в “Шахнаме”. В древние времена она сражалась именно в крепости Сафид, и я тоже посмела воевать здесь – в крепости Сафид, слабая и жалкая... Я грешна и перед Богом, и перед Вами: лгала и скрывала правду. Примите тысячи моих извинений.

...Помните двух иволг, которые летали друг за другом среди пожелтевших деревьев? Самец бело-желтого цвета с черными крыльями и хвостом, а самка, зелено-серая, так нежно взмахивала крыльями, и в каждом движении чувствовалось изящество, кокетство... Она не давала себя поймать, нарочно улетала, напевая “биев”, “биев”, и заставляла страдать самца, а когда самец догонял ее, они радостно обнимались, и потом опять она, озорная и кокетливая, перелетала на другую ветку... То была не иволга, а я, Ваша любимая, рядом с вами, я, которая тайно глядела на Вас и не могла наглядеться, счастливая...»

...Это была я, несчастная, когда от вас отправили сватов в Самарканд. Я, узнав об этом, страдала и корила себя: почему я не осталась в Самарканде?.. Я старалась не выдать себя, сколько могла; сама себя мучила; моей единственной целью было – умереть

на Ваших глазах, если придется, а если жить, то с Вами; любите ли Вы меня, только это хотела я знать! Слава Аллаху, я узнала, узнала! Ведь Вы сказали, что готовы за нее (т. е. за меня!) отдать свою жизнь! Когда услышала я эти слова, хотела броситься к Вашим ногам, но побоялась открыть свою тайну, я убедилась, что душа у Вас чистейшая и любящая, господин шахзаде!.. Примите мои признания бесконечные...»

Читая письмо, Мухаммад Султан даже дышать перестал, задумавшись! «Люблю!» «Люблю!» – сказал он внезапно и оглянулся. Войско шло за ним в пятнадцати шагах. Значит, Аргуншах... – это по-мужски одетая Согинч-бика... О нет!.. Неужели? Неужели я не понял? Почему мне не пришло это в голову? Боже, какой я наивный влюбленный ротозей, не знал, что счастье было совсем рядом...

«...Ваше высочество шахзаде! Мои слова не роптания на судьбу, не упрек. Значит, судьба... У Вас состоялась свадьба с Хан Султан-окой... Я поздравляю Вас... У меня единственная надежда, что Вы – любимец Амира Сахибкирана, наследник салтаната, султан моей души – будете всегда живы, здоровы и благополучны. Пусть Бог хранит Вас, простите меня, еще раз прошу простить...»

Ваша покорная рабыня... Согинч-бика».

В это время гонец из Хумаюн урду принес новые вести, и думы шахзаде прервались.

Высшее повеление: наследнику шахзаде Мухаммаду Султану срочно прибыть к перевалу Манглай! Созывается машварат!..

Войско Тохтамышхана, как всегда, отступало и через реку Терек перебрасовалось в безопасное место, оставив после себя разрушенные мосты и переправы. Только один брод был цел, его охраняли, укрепили большими ветками, деревьями, матицами. Амир Темур хотел переправу занять раньше, но не успел, опоздал...

Машварат был напряженным, по завершении его Амир Темур сказал:

– Мои высшие амиры, бахадур, подобные орлам! По сведениям моих осведомителей, на том берегу реки Терек находится бесчисленное войско Тохтамышхана. Их больше, чем нас, говорят... А у нашего войска осталось мало съестных припасов, возникла опасность голода. Пусть Амир Шахмалик-тархан со своим войском пойдет по кишлакам, на охоту, запасется продовольствием!

– К вашим услугам, Амир Сахибкиран! – сказал Амир Шахмалик.

– Каждый наукер, кроме своего, пусть возьмет еще одного коня, – повелел Амир Темур. – Пройдя один раз, когда стемнеет, пусть вернется назад так, чтобы никто не заметил, а днем еще раз пройдет, навлекая страх на врага... Пусть оденутся в воинов все: женщины, ханумы, невольницы, рабыни, рабы – дайте им тоже оружие, пусть гордо шагают с конями по берегу, как воины. Это умножит численность войска в глазах врага! Ночью пусть возвращаются, а днем вновь проходят! Пусть громко звучат литавры, трубы, карнаи, сурнаи! Чтобы, наблюдая в течение трех дней несметное войско, враг удостоверился в его величии и могуществе, испытал чувство ужаса и страха! Чувство ужаса и страха в душе врага сильнее силы тысячи воинов...

II

Два самых величественных войска в мире три дня и три ночи двигались вверх по реке на виду друг у друга. Если смотреть с высоты, можно было подумать, что они ищут выход к берегам моря Кулзум. Иногда на солнце поблескивали мечи нетерпеливых воинов с обеих сторон. Это было трудное, вызывающее чувство гнетущей тоски, состояние для воинов, которые готовы были к битве. На третий день Амир Темур, оставив врага в неведении, ночью вернулся с войском обратно, преодолев трехдневный путь за один день, дошел до брода и перешел на берег врага!

Тохтамышхан, бросив взгляд на бесконечное войско Турана, пришел в ужас. С утра до вечера шли тысячи и тысячи вражеских наукеров, их не сосчитать: идут, идут, нет

конца... По сведениям осведомителей хакана, в смотре у подножья Эльбруса участвовало всего двадцать семь войск. А тут прошли уже около пятидесяти! Кому верить?

Подсознательно он чувствовал, что скоро начнется бой... Его пробирала дрожь от страха, перемешанного с наслаждением.

– Тарма!

– Я к вашим услугам, хазрат хакан Ваше величество! – встал на колени Амир Тармачук, он всегда был тут как тут.

– Есть вести от мангита Идику?

– Нет... хазрат хакан!

– Казанчи-бахадур отправился в поход, чтоб остановить врага, он вернулся?

– Вернулся, хазрат хакан!

– Где он?

– Он стесняется входить, ждет...

– Позови!

Войдя, Казанчи-бахадур бросился в ноги хакана:

– Простите меня, хазрат хакан! Простите меня!

Видя жалкое состояние одного из преданных и доверенных людей, душа Тохтамышхана дрогнула.

– Вставай!

– Не знаю, как сказать вам... – с трудом произнес Казанчи-бахадур, не поднимаясь с пола. – На нас набросилось такое количество воинов, что я испугался и подумал: это конец, ...

– Лучше бы умереть тебе там, чем слышать мне такое! – зло прервал Тохтамышхан.

Хакан задумался. «Странно, нет в мире более лукавого негодяя, чем человек! Обещает, но не держит слова, – думал он. – Я верил султану Египта, он обещал послать наукеров, но Амир Темур хитростью преградил ему путь... Король Польши Ягайло дал слово отправить войско. Но и от него нет пока вестей. Амир Кара Юсуф много говорил с пеной у рта, а где его войско? Где он сам?.. А Султан Ахмад-жалайир? Сам не пришел, а послал горстку своих наукеров. Смотрите на султана Сиваса Кази Бурханиддина! Он испортил все, как курица громко кудахчет, прежде чем снести яйцо, так и он кричал во весь голос, отправлял во все стороны письма, призывал всех идти против “презренного Темура”, обещал отправить войско... Но где его войско? Эх, Тохтамышхан! Доверяя таким ненадежным людям, выступив против Амира Темура, против государства Туран, поверив, уничтожив Занжирсарай, ты вступил в опасную игру с тигром Турана!

Да... ты сам навлек на себя несчастья и беды! Да, только ты можешь противостоять Амиру Темуру!.. Ты великий из великих, поверь в себя и Бога, Тохтамышхан! Поверь в себя, в себя!..»

Хан Золотой Орды решительно распорядился:

– Казанчи! Тарма! Быстро строить войско! Играть в кошки-мышки – забава детей! Это не пристало тиграм! До каких пор мы будем возиться со своим «отцом»? Нет времени! Не-е-ет!.. Я так задам им: будут жалеть, что родились на этот свет!

Тонкий голос Тохтамышхана разносился на всю округу.

– Будут, мой хакан! Будут жалеть! – поддержал Казанчи-бахадур, придя в себя. – Мы им покажем, они будут убегать, как мыши!

– Мой хакан! Мой хакан! Амир Темур перешел через переправу и с многочисленным войском по берегу преследует нас... – сообщил вошедший слуга.

– Что-что?! Кто бросил брод?! – закричал хакан. – Кто? Кто, спрашиваю?! Тарма! Всех казнить!..

За день до начала войны Амир Темур приказал наукерам выкопать глубокие окопы и закрыть их ветвями и деревьями.

Во второй половине лунной ночи, под утро, большое войско Тохтамышхана внезапно напало на врага, надеясь застать врасплох войско Турана. Гремели барабаны, карнаи, сурнаи, трубы. Наукеры стремительно шли вперед, не зная, что их ждут окопы. Они удивились, что с вражеской стороны нет никакой реакции, воины стоят не двигаясь... Наступающие начали падать в окопы! «Окопы! Окопы! Беги!» – слышались голоса. Испуганное неожиданной бедой, войско сразу отступило.

«Значит, копали не окопы, а могилы для врага...» – подумал шахзаде, еще раз убедившись, что его дед всегда обдуманно принимает решения.

Сахибкиран еще раз обозрел войска и решил центром войска управлять сам, а важный центр другого подразделения поручил наследнику шахзаде Мухаммаду Султану. Тот последнее время стал очень задумчивым...

Письмо Согинч-бики осветило душу шахзаде. Он хранил его у сердца. Ах, столько тайн, но некому рассказать. Хорошо, что у шахзаде есть тетрадь памяти... Шахзаде всегда описывал в ней все, что творилось у него в душе: и радости, и страдания – ему становилось легче.

Шахзаде начал что-то писать, в записях были и сожаление, и радость, и тоска – строки получались пестрыми.

«...Если бы была возможность, я тотчас бы уехал в Самарканд... нет, нет, сначала поеду к матушке Ханзаде-ханум, брошусь в ноги, ничего не говоря, отдам письмо, этого будет достаточно... Нет-нет, как я скажу матери? Лучше сначала навешу Ханумайим, она недавно вернулась в Самарканд... Это она сказала в Жуйи Заре: "Эту девушку, что ли, сватать за шахзаде?!" Но не могу поехать, нет времени. Скоро начнется большая битва...»

До утра шахзаде и мигающая свеча не спали.

Ранним утром прогремевшее эхо «Аллаху акба-а-а-ар!» «Аллаху акба-а-а-ар!...» рассеяло его думы. Вслед послышалось: «Во имя Аллаха, Родины и падишаха!» Шахзаде захотелось сразу ринуться в бой! Но Амир Темур приказал ему не двигаться с места, пока не получит его фирман. Он стал наблюдать за полем боя, постепенно окутывающимся густой тучей пыли.

...Шум беспощадной битвы нарастал. Никто не хотел уступать. Вскоре стройные войска Турана и Золотой Орды рухнули, подобно громадным зданиям во время сильного землетрясения, все смешалось. Воины Золотой Орды старались взять в тиски войско Турана и тем самым решить исход войны.

Тохтамышхан с небольшого холма наблюдал за битвой. Он был доволен: воинов предостаточно, собрались наукеры со всех вилайетов и еще придут на помощь. Победа обязательно будет за ним, потому что он на своей родной земле, а Амир Темур далеко от своей родины, очень далеко... Хакан специально так устроил. Даже Терек, сумевший обуздать вешние воды, но не сумевший утихомирить свои молодые несдержанные волны, тоже поможет хакану.

Перед глазами Амира Темура, как на ладони, огромное поле сражения. Сахибкиран заметил, что на левом фланге дела плохи, там слышатся чужие радостные победные голоса, и от этого ему стало не по себе. Похоже, что хорошим это не кончится...

Воины сражались как львы.

По фирману Хумаюн урду на подмогу Амиру Сайфиддину-некузу подоспел Амир ул-умара Джаханшах ибн Жаку с десяти тысячным войском и напал на противника, подобно урагану, Амир Сайфиддин-некуз ожил и воспрял духом! Два сильных амира, взявшись за луки и копья, с львиным ревом бросились на врага!

А войско врага, видно, надломилось, разрозненное левое крыло ослабло. Йаглиби-бахрин, увидев это, оставил Ахия Джаббара-бахадур, с которым сражался, и бросился вперед! С левой стороны вышли лицом к лицу разъяренные воины Худайдада Хусайни. Начался беспощадный бой.

Тохтамышхан метался из стороны в сторону, останавливаясь, долго смотрел на поле боя. На правом фланге бой слабый, Уктай-оглан не вступает в битву, чего-то ждет, чувствуется его нерешительность. Хакану даже показалось, что он хочет обратиться в бегство...

Обеспокоенный, Тохтамышхан сам вышел на поле боя. Натягивая поводья, он остановил коня и крикнул Уктаю-оглану:

– Чего ждешь, недотепа? Вступай в бой... В бой!..

– Мой хакан! Я хочу отомстить Кунче-оглану! Он убил моего любимого племянника! Отдайте мне Кунчу-оглана! Я отомшу, убью его! Потом буду громить врагов! Иначе я не буду сражаться! – дерзко сказал Уктай-оглан. Его войско неподвижно ждало, чем все кончится.

– Во время битвы думать о мести – дело неумного человека! – разнервничался хакан. – После боя я отдам тебе его, отомстишь!

– Нет! – резко сказал Уктай-оглан. – Я и раньше просил об этом миродержца, но моя просьба была отклонена... Если Кунча-оглан погибнет в бою, то как я отомшу, в судный день, что ли? Если сейчас я не сделаю этого, то отказываюсь повиноваться!

Тохтамышхан сказал раздраженно:

– На нас нагрянула страшная беда! Не будь слепым, ждущим помощи от пропасти! Знай, долг человека никогда не остается не оплаченным в этом мире. Давай сначала осилим этого беспощадного врага, потом совершишь задуманное! Потерпи, Уктай-оглан!

– Эй, воины! – крикнул упрямый Уктай-оглан. – Видите, не было исполнено наше требование! Уходим! Пое-ха-ли!..

Войско двинулось. Пользуясь случаем, за Уктай-огланом последовали и другие недовольные: трусы, предатели, вероотступники, которые только и ждали такого момента. Один фланг войска Золотой Орды рухнул.

– Тарма! Скажи Казанчи, пусть берет из запаса войско, чтобы помочь правому крылу! А левым пусть займется сам Довуд Суфи!

Вдруг со всех сторон послышались громкие голоса:

– Сам Сахибкиран в бою!

– Сахибкиран на поле боя!!

За ними последовали:

– За Аллаха, Родину и падишаха!..

Окончательно решившая судьбу Золотой Орды битва подходила к концу...

Поле сражения превратилось в ад. На этом базаре по имени «Война» самой дешевой вещью оказалась жизнь человека. Кровь текла рекой... побелевшая, соленая, жаждавшая влаги пустыня покраснела. Никто не считал убитых, всюду валялись трупы, головы, отрубленные руки, всюду бросались в глаза вонзившиеся в землю пики, сломанные мечи, булавы, палицы. Никто не обращал внимания на жалобно ржущих коней, потерявших своих хозяев и в недоумении разбегающихся в разные стороны.

Хан Золотой Орды чувствовал, что его мечты растоптаны, держава тихо выскальзывала из рук. Ничего не оставалось, как бежать вместе с шахзаде Джучи. Теперь победные крики туранского войска дойдут и до Сарай-Берке. Это буквально убивало его.

Глава двадцать первая

I

Шахзаде, возвращаясь с войском из Московии, тожественно повернул коня к столице Золотой Орды Сарай-Берке. Когда они были еще в Хаджитархане, Сахибкиран поручил ему:

– Ваша задача схватить несчастного Тохтамышхана живым, взять из библиотеки хана в Сарай-Берке благословенный и ясный, великий и почитаемый, предупреждающий и пророчащий священный Коран Усмана, узнать о сундуке «Цветник сокровиш», а потом сжечь город! Мы помним, как Тохтамышхан сжег наш величественный и любимый Занжирсарай. Ал-каосу минал хак!¹

«Не смог выполнить одно ваше распоряжение... – подумал шахзаде. – Тохтамышхан опять сбежал...»

Когда шахзаде вошел в город, ему сообщили, что Амир Темур находится в ханском дворце. Шахзаде поклонился деду, находившемуся в ханской библиотеке, и смущенно сказал:

– Мы преследовали врага до Московии... но не смогли догнать, не удалось схватить его. Он убежал в сторону государства Летува.

– Да... Тохтамышхан – хороший бегун...

Сахибкиран больше ничего не сказал.

Амир Темур приказал слугам внимательно осмотреть нижний этаж библиотеки, сообщить, когда найдут священный Коран Халифа Усмана, собрать и сложить все книги для отправления в Самарканд.

Вдруг шахзаде обратил внимание на внушительный книжный шкаф коричневого цвета, где стоял черный красивый сундук. Сделан он был из эбенового дерева, украшен серебром и слоновой костью, изумительно блестел – глаз не оторвать... Шахзаде медленно открыл его, и сердце его радостно забилося. В сундуке была книга, которую не нашли в Басре, – написанный на оленьей шкуре в темно-красном атласном переплете Мусхаф, Коран Халифа Усмана!

– Дедушка! Дедушка! – воскликнул он. – Благословенный Мусхаф! Благословенный Мусхаф! Коран Халифа Усмана!..

Он взял в руки увесистую книгу и с почтением поцеловал три раза.

Сахибкиран, прохаживающийся по библиотеке, тут же подошел к шахзаде.

– Наконец-то, наконец-то! Слава Аллаху!..

– Теперь эта великая книга будет жемчужиной библиотеки в Куксарае! – гордился Сахибкиран.

– Поздравляем! – сказал духовный наставник. – Это правда... Сие есть истина... Она станет символом вашего могущества!

– Мой шахзаде! Рядом поставим Коран, который вы переписываете для нас!

– Благодарю... благодетель Сахибкиран! – поклонился шахзаде, испытывая неловкость от столь высокой чести. – Пусть это станет нашим уделом, аминь!

– Господин некуз! Велите, чтобы продолжали искать таинственный сундук «Цветник сокровиш», пока, к сожалению, не найденный... – распорядился Амир Темур.

– К вашим услугам!

– Разложите все книги по сундукам, пусть увозят на арбах, верблюдах! – приказал слугам шахзаде.

Войску, которое стояло за чертой города, было разрешено три дня грабить город. Собрали очень много богатств: вещей, рабов, рабынь, драгоценностей для казны.

«Сжечь город!» – прозвучал высочайший приказ. Горели дома, дворцы, казалось, огонь, как бы желая очистить небо своим языком, облизывал все уголки города, поднимаясь до небес. Это был не огонь, а месть, осветившая обиженные души...

По городам и странам, в числе которых были Самарканд, Хорезм, Азербайджан, Персия, Ирак, Хорасан, Забулистан, Сеистан, Мазандаран, Табаристан,

¹ Ал-каосу минал хак! – К месту – месть!

были отправлены гонцы с фатхнаме¹ о завоевании Золотой Орды победоносным войском Турана, о Мухаммаде Султани, наследнике шахзаде, который преследовал Тохтамышхана до Московии, и о том, что сожжены города Сарай-Берке и Хаджитархан...

Полученные вести об окончании войны очень обрадовали женщин гарема. Все заметнее становились признаки осени. Туман-ока до полудня запаслась разными подарками и отправилась в Боги Чинар. Старшая царица сидела на цветном сури перед дворцом.

– Поздравляем вас с праздником Рамазан, Ваше величество Ханумайим!

– Слава Богу... Тебя тоже поздравляю, Туман...

– Есть ли вести от Амира Сахибкирана?.. – опустив глаза и испытывая неловкость, спросила Туман-ока, присев на сури. Потом молвила многозначительно: – Я видела их во сне...

– Это оттого, что много думаешь о нем... Поздравляю! Тебе удалось увидеть его хоть во сне. Ханзада-ханум послала письмо из Султани с поздравлением. Она переживает, что между шахзаде Мухаммадом Султаном и его супругой нет теплоты. Хан Султан-ока, оказывается, беременна. Поэтому шахзаде не взял ее с собой. После рождения ребенка, может быть, станут ближе друг другу, надеется она.

Женщины умолкли, задумавшись.

– Шахзаде... еще одну девушку... сильно любил... да?

– Да... Любил... и сейчас любит! Согинч-бика была очень-очень достойной шахзаде девушкой.

– Она пропала без вести... Знаешь, мне очень жаль моего внука-шахзаде. Он был очень влюблен. Каково ему сейчас?.. Нам, женщинам, легко полюбить и привыкнуть, нам достаточно, если нас горячо любят, обращаются с ласковым словом, лелеют, нежат, почитают... и мы влюбляемся, Туман!.. А настоящая любовь бывает не у женщин, а у мужчин!

– Ханумайим! Я тоже слышала об их любви. Все знают. Я осведомлена, что послали сватов, что странные события произошли с этой девушкой... И у меня радостная весть, готовыте сунчи... я... я... эту девушку сегодня видела своими глазами...

Сараймулькханум окаменела на месте!

– Что-что? Видела, говоришь?.. Где видела? Неужели! Неужели!.. Дарю тебе подарков сколько хочешь!

– Видела, видела... Я была на свадьбе в нашей махалле Боги Бехишт, – начала рассказывать Туман-ока. – Среди дочерей Давлатшаха-бахши, Амира Шахмалика, Шейха Нуридина была одна девушка, похожая на огонь! Ей шестнадцать или семнадцать лет... Я спросила, кто она, откуда, почему я раньше ее не видела? И узнала, что она дочка Амира Джаханшаха ибн Жаку! Недавно приехала...

Со стороны ворот послышались женские голоса. Сафарберган сообщил, что прибыли женщины из гарема. К сури с подарками подошли царевны Чулпан Мулк-ока, Бахт Султан-ока, невольницы Рухпарвар-ока, Парвиз Жахан Бахт-ока, Нигор-ока, невестки – жены Мираншаха Мирзы Давлет Келди-ока, Урун Султанхоника, жены Шохруха Мирзы Гавхаршад-бегим и Тути Хотун с невольницами.

Женщины поздоровались, прочитали молитву, помянув покойных. В это время вошел гонец, принесший старшей царице весть о том, что войско Турана покорило Золотую Орду!

– Пусть ко всем придет добро и счастье! Пусть Амир Сахибкиран живет долго-долго на наше счастье! – сказала Сараймулькханум. Царевны поклонились.

– Поздравляю вас всех с хайитом! – продолжала старшая царица. – Это последний хайит супруги Амира Джаханшаха ибн Жаку... сейчас поедет в Оханин

¹ Фатхнаме – весть о победе.

(махалля, квартал), потом на улицу Арк, к дому Кутлуг Туркан-оки, будем молиться в память уважаемого покойного Амира Довуда-дуглата... А потом, с благословения Аллаха, угощение в Боги Чинаре.

Согинч-бика вернулась в Самарканд, с трудом преодолевая себя, по предложению невольницы Сарвиназ решила написать письма шахзаде и отцу. И шахзаде, и отец ее на войне в Золотой Орде. У нее нет надежды получить ответы на свои письма, однако она все же чего-то ждет... Ей хотелось навестить Сараймулькханум, но она не решилась, не хотела, чтобы ее поступок приняли как намерения на что-то, расчет на некую снисходительность...

Во время беседы с подругами, навестившими ее на хайит, стало известно, что едет царица с женщинами гарема, и они присоединились к женщинам махалли, которые собрались во дворе, чтобы приветствовать высоких гостей.

Когда старшая царица с женщинами вошли во двор, все издали поклонились. Царица и царевны присели на колени на большой сури, читая Коран. Туман-ока вспомнила, каким прекрасным был двор, когда была жива Оппагайим.

Старшая царица сошла с сури, обняла Согинч-бику, приветствующую ее, прижав руки к груди. Долго они простояли молча, не замечая никого. Душа Сараймулькханум смягчилась, а Согинч-бика, которая всегда считала себя волевой, сильной, положив голову на грудь царицы, горько плакала:

– Ханумайим! Ханумайим!.. Вы для меня как мать, вместо матери!..

– Довольно! Довольно!

Согинч-бика плакала не оттого, что первая женщина в салтанате сама спрашивает и утешает, ее разволновало, что царица не потеряла, наоборот, бережно сохранила незримую нить, связывающую их, не забыла ее... Это было благородно.

Сараймулькханум внимательно посмотрела на Согинч-бику. Перед ней стояло создание необыкновенное, сотворенное любовью Аллаха, единственная в своем роде жемчужина. Чистое белое лицо, заплаканные покрасневшие глаза, ставшие еще красивее, бесподобный стройный стан... Она была на пороге зрелости...

– Приходите на ифторлик!¹ – пригласила Сараймулькханум Согинч-бику и Сарвиназ, надеясь вечером спокойно поговорить с ними.

Действительно, вечером, когда проводили гостей, между царицей и невольницей Сарвиназ произошел разговор.

Сказочная история девушки заворожала царицу. Ей было жаль бедную Согинч-бику. Нет, любовь женщины ничуть не меньше мужской! Согинч-бика это доказала!

Возвратившись в Боги Чинар, Сараймулькханум долго бродила по саду, предаваясь раздумьям. Потом решилась, вошла в свою комнату и принялась писать письмо Ханзаде-ханум.

«Здравствуйте, моя единственная царевна, о которой я всегда тоскую и думаю! Я очень обрадовалась, что наша невестка Хан Султан-ока беременна. И поторопилась передать эту новость Амиру Сахибкирану. Ведь это отпрыск шахзаде! О боже! Только вчера он сам был дитем! А сегодня его имя отмечено в фатхнаме, посвященной победе над Золотой Ордой, это очень большое вознаграждение, почет. Вас я тоже поздравляю с этой новостью!

Моя милая отзывчивая царевна! У нас тоже есть светлая новость для Вас, услышав – удивитесь. Я тоже была удивлена. Это сладкая сказка с горькой примесью.

Помните, мы отправляли сватов из Мазандарана в Самарканд к Согинч-бике, но неудачно: узнали, что дочь господина Джаханшаха ибн Жаку исчезла. Слава богу, она жива! Жива! У нее такая странная история, что трудно поверить! Эта

¹ Ифторлик – разговенье.

предприимчивая девушка назвала себя Аргуншахом, надела кольчугу, шлем... и решила вступить в войско шахзаде, стать воином... Видите, не побоялась! Цель ее была – узнать, любит ли ее шахзаде. А дальше еще интереснее. Шахзаде с ней встречался, даже рассказал, что у него есть любимая, но он потерял ее и очень страдает. Хитрая Согинч-бика не открылась ему и... попросила разрешения у шахзаде уехать в Самарканд на поиски его возлюбленной... я полностью расскажу вам эту историю, когда мы увидимся, если соизволит Аллах...»

...Дворец был действительно самым красивым в Султании: минареты, покрытые разноцветными изразцами, у каждого установлено по одной катапульте, издали блестят узорчатые каменные стены. Здесь и прошла прекрасная свадьба Мухаммада Султана и Согинч-бика на волне радости и счастья молодых и гордости за великую победу над Золотой Ордой.

Амир Темур сидел в окружении знатных людей в дворцовом саду у прохладного пруда на узорчатом сури.

– Это очень хорошая примета, Амир Сахибкиран, когда добро влечет за собой добро в мире! Это все от Бога, все от Бога! – сказал духовный наставник, складывая руки для молитвы. – Сам Бог наказал подлого «сына». Коран Халифа Усмана – дар Бога для нас. Победа, прогремевшая на весь мир, и свадьба наследника создают общую гармонию мира: нет войны, есть благо жизни, радость и счастье! Пусть появление невестки в нашем доме принесет счастье и добро! Илахи!

– Благодарю, Пир мой, благодарю! – искренне радуясь, сказал Амир Темур.

Прежде чем позвать на угощение уважаемых беков, Сахибкиран позвал к себе Мухаммада Чурагу-дадхаха и Амира Шахмалика:

– Все военные трофеи, богатство, захваченное в Сарай-Берке, раздать туманбеги, мингбеги, юзбеги, унбеги и наукерам! Начни с раненых! Никого не упустить из виду! Дайте коня, богатство, денег – у кого нет... До последнего дирхема!

– Хвала и честь вам! Хвала и честь вам! – сказал духовный наставник.

Не только из Султании, но со всех уголков державы приехали на свадьбу гости. Придворная знать, амиры, бахадурь, военачальники, есаулы, наукедь, осведомители, бедные люди – все сидели вокруг дастархана, среди них была и старушка суфи, закутанная в синий платок, подобно плетеной корзине, с четками в руках и многие незнакомые осведомители Мубашшира-бахадурь.

Джаханшах ибн Жаку был на седьмом небе от счастья: он разбогател – теперь у него есть и дочь, и сын. Сараймулькханум была посаженной матерью, выдающей замуж дочь, а рядом с ней сидели Туман-ока и невольницы... Со стороны жениха из дворца привезли плов в десяти больших чугунных казанах. На айване во дворе накрыли дастарханы. Собрались гости и издали, и близкие, и родные, все угошались, были счастливы и радостны, не желая уходить, бродили по саду. А некоторые с восхищением обсуждали свадьбу, историю любви шахзаде и невесты.

Звуки свадебной песни ер-ер, не умолкая, разносились во дворце и в городе...

Сахибкиран смотрел на жениха и невесту, идущих по ковровой дорожке, постеленной на пороге величественного дворца, глаза его наполнились слезами, и он тихо шепнул Сараймулькханум, стоящей рядом:

– Я дарю им богатство, а счастье пусть подарит Аллах!

Счастливая Сараймулькханум утвердительно кивнула головой.

Амир Темур поцеловал в лоб жениха и невесту, пожелал счастья, вынул из кармана пригоршню золота и осыпал их. Потом пришла очередь жемчужин и ароматных снадобий. Все устремились к жениху и невесте, торопясь прочитать молитву, что-то сказать, пожелать добра, поздравить.

Сахибкиран погладил голову Ханзады-ханум.

– С невесткой, матушка-дочь моя!

Ханзаде-ханум очень нравилось это «матушка-дочь моя». Она поклонилась, поцеловала край халата Сахибкирана. Амир Темур поздравил Сараймулькханум, Туман-оку, Чулпан Мулк, Султан Бахт-бегим.

Церемония продолжалась. Сараймулькханум ласково обняла Ханзаду-ханум и прошептала:

– Шахзаде нашел свое счастье, царевна моя! Пусть живет долго-долго! Пусть будет у них много детей-бахадугов! И мы будем их растить!

Оставшись наедине, молодые не могли оторвать глаз друг от друга, будто так и собирались ждать рассвета... Они молчали, да и не было никакой потребности говорить... В глазах жениха и невесты горячая любовь, благоговение, сладкие упреки, немного недовольства, смешанного с сожалением и радостью – все-все здесь...

Наконец Мухаммад Султан тихо прошептал:

– Я на седьмом небе от радости, моя царевна, потому что теперь могу вдоволь смотреть на ваше лицо, подняв покров... можно не бояться...

Сердце Согинч-бики билось, как птица в клетке. Ничего не сказав, она тихо улыбнулась и наклонила голову.

Через два месяца из раеподобного Самарканда прибыл гонец и передал высший фирман Мухаммаду Султану о том, что опять бунтуют недруги в Хурмузе, четвертый год не платят налог – триста тысяч динаров в год – словом, он должен ехать воевать в Хурмуз.

II

Сараймулькханум стала как бы «матерью» для невестки и сделала все, соблюдала все обычаи: навешала жениха и невесту, следила за трапезой, готовила и присылала разные вкусные кушанья...

На двадцать первый день после свадьбы Амир Темур начал готовиться в поход. Так было всегда: не успев вернуться в столицу из похода, он уже думал о другом походе... Знал, что в Самарканде ненадолго останется. Для него город тесен, видимо, не хватает воздуха для исполина. Ему нужны приводящие в восторг просторы, широкие поля, бесконечные горизонты... Это, может быть, неизвестно всем, но хорошо знает старшая царица.

Через три дня Сараймулькханум и Султан Бахт-бегим с подарками пожаловали во дворец, где жила царевна Хорезма.

– Ассаламу алайкум! – сказала Сараймулькханум, входя в узорчатую дверь.

– Ва алайкум ассалам! – с поклоном встретила Ханзада-ханум.

– С невесткой вас, царевна моя!

– И вас тоже, Ваше величество Ханумаим!

Присутствовавшая Султан Бахт-бегим ничего не знала о Согинч-бике. Последние два года она жила в Иране, в маленьком городке Абаркух, где ее супруг Амир Сулайманшах был правителем. Она почти никуда не выезжала.

– Кстати, наша невестка на вас похожа, бегим! Наездница, искусная фехтовальщица, смелая, храбрая!.. – обратилась Сараймулькханум к Султан Бахт-бегим. – Я узнала: ее отец Джаханшах ибн Жаку много рассказывал о вас, о том, что ваша мать была хорошей наездницей и, когда возвращались из Хорезма, бесстрашно бросилась в Джейхун за Сахибкираном.

– О нашей матери Улжай Туркан-оке узнали? Кто-то помнит ее? – с удивлением спросила бегим. Она поняла, что порой кажется, будто сделанное когда-то забудется, а оказывается, это может стать для кого-то примером.

– Наша невестка Согинч-бика сильно влюбилась в шахзаде, именно эта любовь воодушевила ее на смелые поступки... Я преклоняюсь перед ней! Она боролась за свою любовь! – волнуясь, сказала Ханзада-ханум.

Царевна Хорезма склонила голову. Наступила тишина.

– Я давно не видела Сахибкиран таким радостным и гордым, – прервала тишину Сараймулькханум. – Особенно после свадьбы шахзаде! Знаете, Сахибкирану очень нравятся свадьбы! Но он опять заговаривает о походе в Китай... Осведомители передали, что там угнетают мусульман. Кяфиры снесли головы ста тысячам мусульман. Кровь рекой текла...

– Да, – сказала Ханзада-ханум. – Когда Сахибкиран слышит, что мусульмане мучаются, он не может терпеть! Опять начинается война...

– Если благодетель Сахибкиран принимает решение, его не остановить! – прибавила Султан Бахт-бегим, сверкнув карими глазами. Она была сторонницей войн. – Войны способствуют процветанию мира. К державе присоединяются новые земли, пополняется казна...

– Оставьте, бегим! Пусть напроочь исчезнет слово «война»! – застонала Ханзада-ханум, будто войны зависели от Султан Бахт-бегим.

– Много раз я пыталась удержать досточтимого хазрата от войн, но напрасно... – с болью произнесла старшая царица. – Успокоилась Жета, с Ираном война продолжалась три года, затем пять лет воевали с Золотой Ордой. Хазрат сжег Сарай-Берке и Хаджитархан. Торговые пути теперь стали спокойнее, а Сахибкиран собирается идти на Китай. Да-да, он так и сказал! Даже приказал готовиться к войне, повсеместно призывать воинов, готовить войскам трехгодичный улуфа. По возвращению из похода собирается созвать курултай...

– Позовите нашу невестку, хочется повидать ее, душечку! – предложила Султан Бахт-бегим Ханзаде-ханум. – Пусть посидит с нами немножко!

Ханзада-ханум три раза хлопнула, послышался какой-то шум, и спешно вошла Оккиз-бегим, она попросила прощения и сказала Ханзаде-ханум:

– Многоуважаемая царевна! Господин Мираншах Мирза вернулись из Боги Эрама очень пьяным... с ними великий визирь Мухаммад Жалд, сановники и слуга – тоже пьяные. Пир был устроен по поводу разрушения трех минаретов в городе. Теперь пал и четвертый. Разорена также городская казна.

Услышав об этом, Ханзада-ханум чуть не упала. «Амир Сахибкиран уехал из Султании... Теперь нет человека, которого можно было опасаться... – подумала она. – О Боже! Усвести амирзаде! Я никому не рассказывала о его недобрых делах, о своих страданиях... Все скрывала. Только бы не опозориться сейчас перед Ханумайим и Султан Бахт-бегим...»

Слова хорезмской царевны «о своих страданиях...» были сказаны не без основания. Действительно, она настрадалась и скрывала из всех сил, что творится в Султании.

Мираншах Мирза – ее супруг, его грех – ее грех. Поэтому она старалась все скрыть. Но теперь... что произошло при всех... как она скроет? Ханзада-ханум знает, что все в воле Аллаха. Все от Аллаха. Он не спрашивает у раба Божьего, все находится за чертой человеческих возможностей.

Амирзаде Мираншах Мирза любил охоту. Три месяца назад охотились в широком поле между городами Тебриз и Хай, рядом с кладбищем Нахчирбан.

В отменном настроении, наслаждаясь простором, думая о будущей добыче, он гнал своего белого коня, покрикивая на полководцев и наукеров, распоряжаясь, давая указания, но в шуме и топоте коней никто ничего не слышал. Кольцо охотников постепенно ширилось.

Перед Мираншахом Мирзой внезапно выскочила изящная молодая газель! Глаза амирзаде засверкали:

– Вот и свершилось желаемое! Не уби-ва-ать! Хочу живой взя-а-ать!

«Не стрелять!», «Живой брать!».

Красивая газель с удивлением и страхом взглянула на наездника на белом коне, будто хотела сказать: «Смотрите, какая я красивая!» Амирзаде никогда не видел такое прекрасное животное. Она была изумительна, словно статуя. «Я люблю газелей, люблю ласкать их!..» – подумал он.

Он любил «газелей» с длинными волосами. Последнее время Мираншах Мирза, кроме своих жен и служанок, не пропускал ни одной красивой чьей-нибудь дочери, невесты, чужой жены...

В погоне за газелью конь уже догонял ее, но, чувствуя это, она резко повернула направо и исчезла в густом лесу! Конь тоже круто свернул и сбросил Мираншах Мирзу с седла!

У упавшего амирзаде сильно закружилась голова и потемнело в глазах... Когда подоспели Ахий Джаббар-бахадур и другие, он лежал без сознания. Так закончилась охота, совсем не понравившаяся бекам и амирам, которые надеялись после охоты собраться вокруг дастархана и устроить великолепный пир.

Мираншах Мирза лежал три дня и три ночи, не приходя в себя, хотя табибы делали все, что могли. У его изголовья стояли жены, невольницы – Ханзада-ханум, Давлат Келди-бика и другие. Дочь Суюргатмишхана, резкая Урун Султанхоника, сказала тихо: «Если бы он умер, всем было бы лучше...» – глядя на бесчувственного амирзаде. Ее слова слышали все, но никто ничего не сказал.

Через месяц амирзаде поправился, но стал еще более грубым и резким. Неприятностей прибавилось. Объяснили, что его не очень удачно лечили, вследствие чего он впадал то в меланхолию, то в истерию.

Действительно, раньше он был человеком храбрым, смелым, а в последнее время стал злым, мнительным, мстительным. Причина была, конечно, в том, что он не стал наследником! По его мнению, после смерти Умаршейха Мирзы унаследовать трон должен был он, но наследником стал внук! Разве можно стерпеть такую несправедливость? Он не смеет открыто спросить Сахибкирана, почему он так поступил, и, мстя Хумаюн урду, наказывает того, кто рядом. И к своему гарему относится странно: бросает одну жену, женится на другой, клеветает, скандалит. Со своими четырьмя музыкантами-компаньонами бесконечно устраивает пиры, кутит, проводит в наслаждениях вечера, а государственные дела совсем забросил...

Думая обо всем этом, Ханзада-ханум чувствовала, что терпение ее на исходе.

Наверное, амирзаде приказал музыкантам играть, потому что в шуме, царившем во дворе, послышались звуки свирели и арфы.

– Давайте узнаем, что за шум поднял амирзаде... – предложила Сараймулькханум. – Видимо, эта суматоха не кончится... – встревоженно смотрела она на Ханзаду-ханум, слыша шум во дворе.

– Они разрушили три минарета из четырех в Султании, думая, что под ними находятся сокровища... – сказала Оккиз-бегим. – И четвертый под руководством амирзаде тоже сегодня разрушен...

Это сообщение не понравилось Ханзаде-ханум, хмуро посмотревшей на Оккиз-бегим, будто говоря: «Какое тебе дело? Кто тебя спрашивает?..» Ей не хотелось, чтобы плохо говорили о супруге, особенно перед Сараймулькханум и сестрой Султан Бахт-бегим. Служанка прикусила язык.

Если честно, у царевны есть что сказать... Например, о характере амирзаде, его непостоянстве, его разрушительных действиях... «Чтобы стать знаменитым, Сахибкиран строит медресе, мечети, сады, дворцы. А чем прославлюсь я? Придется разрушать величественные здания, которые строили элханы¹, не исключено, что там скрыты их сокровища... И разбогатеет государство, а я прославлюсь. Ведь, когда

¹ Элханы – монгольские правители.

будут вспоминать строителей, вспомнят и разрушителей, скажут: Мيرانшах Мирза разрушил, не так ли?...» Много зданий было разрушено и в Султании, и в Тебризе...

– Нет, нет! Не выходите! Сейчас они угомонятся и зайдут в комнаты, успокоятся. Привычка такая... – будто извинялась Ханзада-ханум.

Благо, шум кончился: пьяный амирзаде уже сидел в гостиной у пышного дашархана со своими компаньонами, чтобы продолжить пиршество. Вскоре послышался звук чудесной свирели, приятно настраивая душу.

Но беседа царицы и царевен была испорчена.

Глава двадцать вторая

I

Весна 1398 года была очень теплой.

Осенью, год назад, Сахибкиран решил посетить гробницу Шейха Ахмада Ясави и взял с собой шахзаде Мухаммада Султана, Халила Султана и других амирзаде. Их сопровождали знатные люди государства – визири, амиры, бахадуры, казначеи, бакаулы, хранители печати, писцы и особое войско.

Перед небольшим мавзолеем Шейха Амир Темур опустился на колени и поцеловал священную землю:

– Здесь благородная личность – один из сыновей Мухаммада Ханифы¹, шейх из шейхов Туркестана, великий Пир, – помолившись, сказал Амир Темур. – Мы величаем его как Туркестан-ота, мой шахзаде, и всегда чувствуем его духовную поддержку... Шесть лет назад, когда я отправлялся в поход на Тохтамышхана, я задумал построить здесь мавзолей, но наши тревоги и мирские дела не дали нам возможности сделать это. Я видел во сне, как Пир мой, самый щедрый из щедрых, молча похлопал меня по плечу. Я тут же проснулся... Хвала и честь вечному Творцу!.. Довольно, пусть на кладбище назначают вакуф и возводят подобающее здание! Пусть на могиле будет белый камень, а купол будет величественным, до свода небесного! Пусть стены будут украшены разноцветными изразцами и узорами.

Тавачи² и писец все быстро записывали в свои тетради. Шахзаде наблюдал за действиями дедушки и понял, что Сахибкиран хочет показать, как надо почитать Пира, пусть это будет уроком для наследника. Когда он сядет на трон, должен почитать святые места и людей.

– Это не Ясси, мы назовем его Туркестаном! – сказал вдруг Амир Темур. – Туркестан... Это будет святое место, которому тюрки будут поклоняться, соединяя свои гордые головы... Здесь будет возвеличиваться честь людей, которые служили отечеству и нации. Когда начнут исчезать уважение, любовь и милость между людьми и великими беками, люди будут приходить сюда, чтоб обрести себя заново, за поддержкой, в поисках удачи. Кто забыл цену жизни, подаренной самим Аллахом, будут приходить, чтобы обрести ее смысл! Недобрые люди, которые дробят нашу нацию, непременно придут сюда, чтобы раскаяться. Эх, тюрки не всегда сплоченные! Жаль, это их трагедия... А то весь мир был бы в их руках! Я направил все силы своего ума для этой цели. С Востока до границы с Китаем, с Запада до границы с Румом, с севера до Московии я объединил земли силой меча в государство Туран. Но еще не всё свершилось. Не забывайте эту великую цель, мой шахзаде!

Мухаммад Султан встал и поклонился:

– Я к вашим услугам, Амир Сахибкиран!

Вокруг не было никого. Шахзаде гордился тем, что Сахибкиран признался

¹ Мухаммад Ханифа – Абу Ханифа Номон ибн Сабит (699–767) – основатель течения ханафия в исламе.

² Тавачи – одна из должностей в диване.

только ему перед Аллахом, перед Туркестаном-отой в своей великой мечте, о которой не обязательно было знать каждому.

После возвращения из Хурмуза молодожены стали жить в Боги Накш-жахане. Когда они со своими слугами пришли в гости в Боги Чинар, Сараймулькханум очень обрадовалась.

Согинч-бика стала еще краше и счастливее, чувствовала себя на седьмом небе. Царице хотелось узнать, не беременна ли... Лицо было чистое, без пятен, которые бывают обычно у беременных женщин.

– Я еще не видела Хурмуза... И Амир Сахибкиран тоже не бывал там... – сказала Сараймулькханум.

Мухаммад Султан смотрел на свою жену, будто просил: «Пожалуйста, расскажите», но она стеснялась начать первой и только после очередного намека со стороны мужа начала говорить, нежно улыбаясь:

– Из Султании до Хурмуза расстояние в шестидесятидневную дорогу, Ваше величество Ханумайим. Там безгранично много воды, море. Очень душно, воздух сырой, холодный, если служанки постирают вещи, сохнут они очень долго. Там есть большой базар жемчужин! Такой удивительный! Особенно дорогой жемчуг из Ямана. Я для вас привезла, Ваше величество Ханумайим! И для нашей матушки Ханзады-ханум тоже одну... – встала с места Согинч-бика, обеими руками передавая царице четыре большие жемчужины. – Примите от души...

– Благодарю за щедрость! Жемчужина на вашей шее тоже откуда? – спросила Сараймулькханум, любясь украшением молодой царевны.

– Да... да... Нам оказали милость великий шахзаде мира... – поклонилась Согинч-бика, положив правую руку на грудь.

– Очень древний город... – продолжал беседу шахзаде Мухаммад Султан. – Тысячу лет назад построили его Сасаниды. Много кораблей из Индии, с Магриба¹ везут вещи в Хорасан, Мазандаран, Иран, Туран. Я и раньше слышал, что кони Хурмуза бесценны, теперь сам убедился в этом. Они известны всему миру! Их покупают в других странах... Для благодетеля Сахибкирана я привёз в подарок сто таких коней чистой породы! А также сто мулов, сто тысяч динаров и драгоценную одежду, украшенную жемчугом и другими камнями...

Сараймулькханум слушала его и думала, что он заметно вырос, стал красивым, сильным джигитом. Да, любовь превращает жизнь джигита в цветник.

Сараймулькханум задумалась о том, как встречала Сахибкирана по возвращении из похода на Золотую Орду... Весть о том, что хазрат остановился в Балхе, царица услышала в Боги Чинаре. Несмотря на то что они встречались последний раз четыре месяца назад, она разволновалась, будто не виделась с хазратом долгое время. Она верила, что предстоящая изумительная встреча с ним озарит ее душу, и чувствовала, что очень любит Сахибкирана! Нельзя оценить эту любовь. Любовь к Богу, а потом к Сахибкирану... Нет-нет, это не две любви, на самом деле – это одна любовь, поэтому у нее нет границ!

Всем царицам и царевнам сообщили, чтобы они тоже встречали государя. Началось радостное оживление.

Цветы гарема будто впервые вышли встречать господина, стараясь показать эффектнее, красивее, умнее. Каждый цветок – это целый мир, мечтающий в глубине души, чтобы солнце мира тоже одарило их своими лучами.

Благополучно встретив Сахибкирана в Хузаре, женщины с большим караваном отправились в Кеш, где Хазрат с утра навестил мавзолей Пира Шейха Шамсиддина

¹ Магриб – запад.

Кулала, потом могилы отца и матери, Джахангира Мирзы и Умаршейха Мирзы. Начали раздавать трофеи, подарки бедным людям, благодаря Бога за то, что вернулись живыми и здоровыми из такого долгого похода. Сахибкиран повелел не только в Самарканде, но и в других местах собрать нищих, дервишей, нуждающихся и бездомных, обеспечить их провизией на год, выдать им чапаны, летнюю одежду, сапоги, галоши, пояса и чалмы. Ведь Бог в первую очередь слышит их молитвы!

II

Мираншах Мирза купил у одного из богатых людей города райский сад, очень понравившийся ему, и назвал его «Боги Эрам» (Райский Сад). Амирзаде любит устраивать здесь угощения, пирушки, посиделки.

Располневший в последнее время амирзаде лежал на мягких подушках, рядом сидел приехавший с ревизией в Султанцию великий визирь Мухаммад Жалд, с наслаждением слушая музыку и покачивая в такт головой. Разница в возрасте (десять лет) ничуть не влияла на их отношения: они были как ровесники, близкие друзья.

Руководитель музыкантов Ходжа Мараги, приятный смуглый человек лет около сорока пяти, с редкими бровями, долго настраивал свой дутар.

Мираншах Мирза мечтал, чтобы знаменитый музыкант, композитор Ходжа Мараги, долгие годы служивший у Султана Ахмада-жалайира, а последние пять лет – во дворце Куксарая, был с ним рядом.

– Много слышали о нем... В Самарканде, говорят, его высоко ценят...

– Да, амирзаде мой... – подтвердил великий визирь.

Он прекрасный рассказчик, знает очень много легенд о Пророке, Хизре, Искандаре Зулкарнайне, Исфандияре Руйинтане, Абамуслиме. Его считают главным музыкантом, он написал книгу об особенностях арфы, чанга, рубаба, ету-гана, кабуза, о почти сорока пяти музыкальных инструментах, сорока пяти! И на всех может чудесно играть! У него четыре грани таланта: сам делает рубабы, сам сочиняет музыку, сам исполняет! Его музыка способна растопить даже каменную душу. Победу Сахибкирана он воспел в знаменитой мелодии «Фотихи зарб» (Удар завоевателя)... Когда он поет, душа радуется, без него не проходит ни одно собрание покровительницы музыкантов Зухра¹. Он отличный имитатор, слушатели разобрать не могут где кто... Он также искусный повар, такие кушанья готовит, что вкус их долго не забывается...

Мираншах Мирза от изумления схватился за воротник:

– Это же целое сокровище! – воскликнул он.

– Всею я сам свидетель, мой амирзаде! – сказал Абдулмумин Гуянда. – Сами убедитесь!

Амирзаде три месяца назад с помощью Мухаммада Жалда привез его в Султанцию. Честно говоря, сам музыкант тоже хотел быть поближе к своему родному городу Марага недалеко отсюда.

Так Ходжа Мараги стал жить в Султаннии, амирзаде сделал его главным в своей компании.

Правитель Хулагухана Мираншах Мирза не был приглашен участвовать в индийском походе, что породило множество слухов. Одни говорили: «В стране тревожно, на западных границах беспокойно: ярые враги – хаким Ирака Султан Ахмад-жалайир, Амир Кара Юсуф – неустанно посещают султана Египта и императора Рума, настраивая их на войну с Тураном...»; другие утверждали: «Амирзаде упал с коня, его здоровье, наверное, пошатнулось, поэтому он не способен

¹ Зухра – Венера.

участвовать в боях, и Амир Темур пожалел его». Слухи доходили до амирзаде, от злости он начинал пить, ища в вине спасение.

Он влюбился в семнадцатилетнюю изящную невесту одного из благородных людей Тебриза и изнасиловал ее. Уже месяц это слабое существо – цветок утешения амирзаде. Сейчас по велению правителя она, прикрыв лицо тонкой вуалью, обслушивает присутствующих как виночерпий.

Амирзаде любил публично демонстрировать свои странные привычки и наслаждался производимым эффектом. Ему было безразлично, завидуют ли ему или ненавидят.

– Вина! – приказал амирзаде и передал касу девушке, от одного движения которой его охватывала дрожь. Он очень любил, когда возлюбленной любовались и другие.

– Я к вашим услугам, мой амирзаде!

Она с поклоном налила вина, Мираншах Мирза посмотрел на ее прекрасное лицо, страстное желание овладело им. Опынев, не осознавая, что делает, он встал с места и, схватив девушку за руку, потащил ее во дворец... Мелодия кончилась, ситуация была пикантная, все умолкло.

– По мнению мудрецов, любой шаг, высказанное слово, действие, поступок правителя прощительны и не подлежат обсуждению! – сдержанно сказал Ходжа Мараги, чтобы вывести всех из замешательства.

– На нашего повелителя сильно повлияло падение с коня на охоте за газелями... – тихо сказал Ардашер Чанги, зубами срывая с палочки кусок шашлыка.

– Очень сильно упал... – тонким голосом заметил Хабиб Уди. – Его разум покинул...

– Скажи, что голова вышла из строя...

– Чувствует себя непревзойденным, единственным в мире...

– Да... он ни о ком, кроме себя, не думает, – заключил Ахий Джаббар-бахадур. Вдруг в дверях появился Мираншах Мирза. Все насторожились.

– Вот и мы пришли к желаемому!.. Танцовщицу сюда! Давайте музыку!

Заиграла веселая музыка, вышла красивая танцовщица и начала танцевать (на самом деле мужчина-бачи, одетый как женщина, с искусственными длинными волосами, его трудно было отличить от женщины).

– Сарвиназ! – приказал Мираншах Мирза, приближаясь к сури. – Танцевать!

Поднялся хохот и крики.

Вместо девушки, которая больше не вышла из комнаты, кравчим стал бачи. Амирзаде сразу выпил две касы крепкого вина и приказал Кутбиддину Найи:

– Озорник! Играй Чули Ирак... игра-а-а-ай Чули Ирак (мелодия «Иракская степь»). Пусть душа радуется! Пусть слышат все!

Когда знаменитый музыкант, играющий на нае, Кутбиддин Найи заставлял камыш творить чудеса, люди безмерно хвалили его, а когда он играл на уде, то величайшие мастера-музыканты, видя, что им тут нечего делать, паковали свои инструменты, превращаясь в слушателей.

– Устал Кутбиддин играл на свирели не дыханием, а душой, поэтому тот, кто слушал, освобождался от душевных страданий, – признал Ходжа Мараги. – Когда начинает звучать най, изгибая свой красивый стан, чанг угодливо подчиняется ему, вторя ему, гиджак выкладывает свою душу, уд, вытягивая шею, слушает, а бубен бежит следом...

Слушая музыку, каждый вспоминал свое прошлое.

Мираншах Мирза осушил очередную касу вина, фыркая, ладонью вытер свои губы и сказал:

– Да... да... знаем... знаем...

Его голос звучал подавленно, может быть, под влиянием мелодии и вина.

Чувствовалось, что амирзаде с утра хочет сказать что-то важное, но не решается.

– Да... а... – он глубоко вздохнул. – Мы тоже люди, не с гор спустились. Тоже кое-что понимаем. Хо-хо-хо...

Все стали серьезными, они знали, что хозяин Хулагухана был непредсказуем, и в любую минуту можно чего угодно ждать от него.

– Знаем, знаем... – Мираншах Мирза вдруг пьяными глазами поискал Ходжу Мараги.

– Слушаю, мой государь!

– В Жуи Заре, когда Амир Сахибкиран заболел, позвали всех, но нас не позвали, не посчитали нас людьми... По причине, что Мираншах Мирза вывихнул руку, не пустили в бой против Тохтамышхана, оставили в угруке, в Ширване... Правильно?..

– Правильно! Сказали, что рука вывихнута, мой государь!.. И оставили в Ширване. Я сам там был... – подтвердил Ходжа Мараги.

– Да, был... был... Мы охраняли женщин. Только что не по-женски одевались. Хе-хе-хе-хе.... Покойный мой брат Умаршейх Мирза упустил Тохтамышхана у реки Кундузча и сам хотел схватить его и привезти в оковах Сахибкирану, но этому не суждено было сбыться. Я тоже хотел это сделать. Я был молодым и ни один раз обидел брата, желавшего искупить свою вину. Хотел убить Тохтамышхана и посвятить свою победу памяти брата... Но моя стрела осталась со мной... Правильно?

– Правильно, мой амирзаде! – подтвердил Ахий Джаббар-бахадур, подсознательно чувствуя, что амирзаде все время пристально смотрит на него.

– Не дали мне возможности... А если бы дали, то имя Мираншаха Мирзы прогремело бы до небес, остальные остались бы в его тени... Хумаюн урду определил и указал, что в фатхнаме о покорении Золотой Орды следует вписать имя наследника шахзаде Мухаммада Султана! И опять было оскорблено наше достоинство...

– Это унижение! – вскричал вдруг Кутбилдин Найи, и вокруг робко послышалось: «Унижение! Унижение!»

Мираншах Мирза будто не говорил, а стонал:

– Понимаем, почему не позвал нас Амир Сахибкиран, когда женился на дочери хана Могулистана Хизра Ходжахана Тукал-ханум... Начался поход в Индию. Все почтенные мужья государства отправились в Индию. А мы нет... Правильно? – Мираншах Мирза посмотрел теперь на Хабиба Уди.

– Правильно, мой государь! Вы не поехали... – подтвердил тонким голосом Хабиб Уди.

– Можно ли так унижать человека, так топтать... – в словах Мираншаха Мирзы явно звучали нотки обиды. – А мы ради нашего отца, за его честь столько перенесли!.. Самая большая территория в государстве – это Хулагу, но нас не позвали в поход... Что, мы не умеем сражаться? Неужели он не знает, что у меня есть такие бахадур, перед которыми мир дрожит?! У меня такие воины, такие бесстрашные всадники, это всем известно!.. Разве можно так унижать нас? Довольно, видели, что лучи солнца не всем одинаково светят. Никто не был так унижен, как я! Ну... Я тоже сын Амира Темура, моя мать не нашла меня где-то на улице! Правильно?!

Речи Мираншаха Мирзы были разумные, обдуманные, никак не были похожи на слова человека, упавшего с коня.

– Очень правильно, великий государь! – поддакнул Абдулмумин Гуянда. – Вы сын Амира Сахибкирана, самый любимый и старший!

– Скажите, это справедливо? Значит, сила не в справедливости, а справедливость в силе, да?.. – обиженно сказал Мираншах Мирза. – А считать нас наследником он даже не думает...

Амирзаде попросил еще вина, выпил и не стал закусывать. Все замолкли в раздумье.

Через некоторое время произошло неожиданное, никто не предполагал, что такое может случиться!

Мираншах Мирза три раза хлопнул и приказал слуге позвать писца.

Расторопный слуга с криком: «Писец! Господин писец!» – побежал в сторону двorca. Вскоре появился писец с редкой бородкой и зоркими глазами, лет шестидесяти, немного сутулый. Когда-то еще его предки были писцами при дворе Эльханидов.

– Мы сочли нужным написать Амиру Сахибкирану послание... – спокойно сказал Мираншах Мирза, будто разговор шел о чем-то маловажном, незначительном. – Господин писец, прочтите!

Писец достал из-за пазухи письмо, написанное на самой ценной султанской бумаге, и усталым голосом начал читать. Все были чрезвычайно удивлены. В начале письма были выражения пожелания здоровья и процветания Амиру Темуру Курагану, падишаху семи частей света, но вслед за этим неожиданно последовали странные слова, обращенные к Сахибкирану:

«...Этот мир не вечен, Ваша жизнь клонится к закату, Вы физически стали более слабым, немощным, заниматься политикой и управлять государством Вам становится все тяжелее и тяжелее. Заниматься делами державы, воевать против врагов, беспокоиться обо всем в стране, совершать походы, тревожиться обо всем, что происходит в мире, Вам в тягость в старческом возрасте. Теперь Вам не к лицу хвататься за луку седла, скакать на коне от одной границы к другой. Умные люди мира сего поступают иначе: они предпочитают сидеть в мечетях и от души молиться Создателю, а не сидеть на троне, наслаждаясь властью, они отходят от мирских дел и думают о потустороннем мире. Даже если бы Вы приобрели государство Шедлаа¹ и стали намного выше высокого положения Фараона, Вашему богатству завидовал бы даже богатейший Корун², за которым носили тысячи тысяч ключей от его сокровищниц, если бы поклонился Вам Навуходоносор, который покорил Египет, захватил Иерусалим и сжег его, императоры Рума, падишахи Ямана, Китая, Ирана, Индии ходили бы за Вами следом, и Вы стали бы для них столпом мира... этот столп... знаете ли, однажды может рухнуть!.. Вы не понимаете, что давно достигли зрелости, а концом ее является гибель? Неужели не понимаете, что конец всякой цветущей жизни – смерть, и все кончается могилой? Ведь каждому человеку достаточно одной хлопковой одежды, одной капли воды, горстки еды. Но для человека, который уходит в мир иной, и это лишнее, не понимаете, что ли?

Увы, где Нух³, где Хизр⁴, где Лукман⁵? Где Давуд⁶, к которому, когда он молился Богу, присоединялись горы и птицы, а Сулайман⁷, царь джиннов, мира птиц и животных, ведь они были пророками, где они? А Искандар Зулкарнайн, который завоевал весь мир?.. А Чингизхан, проскакавший на коне с Востока на Запад? Довольно, глядите и удивляйтесь достойному поведению Мухаммада Мустафы, который, когда еще Одам-Ота⁸ стоял между водой и землей, был избран достойным пророком! По милости Аллаха ему достались и Восток, и Запад, открылись все сокровища, все, что было под землей и над землей, стало явным. Его войска состояли из ангелов, которые молились за него, и джинны, животные, муравьи дрожали при его имени, как и упрямые цари и кесари, где бы они не находились. Бог для него создал этот мир, и благодаря его красоте весь мир стал светлым. До сих пор не было существа славнее и почетнее, чем он...

¹ Шедлаа – мифический царь.

² Корун – символ богатства на Востоке.

³ Нух (Ной в Евангелии) – пророк.

⁴ Хизр – один из вечно живущих мусульманских пророков.

⁵ Лукман – мудрец, о котором упоминается в Коране, проживший тысячу лет.

⁶ Давуд – царь Давид.

⁷ Сулайман – царь Соломон.

⁸ Одам-Ота – Адам.

Довольно, посмотрите на них – пророков и святых! Посмотрите на Пророка Мухаммада, самого почитаемого и славного человека в мире, разве он относился к миру, созданному для него, корыстно? Любил ли? Отдался ли? Смотрел ли?.. Нет! Нет! Смотрел только равнодушно и назидательно!

Вот и пришли к желаемому! Вы стали самым сильным государем, боролись за справедливость, пекулись о народе, охраняли его богатства – с огнем и мечом в руках построили величественные дворцы, здания в городах, разбили сады, растребули об этом повсюду, но как долго они продержатся?.. Вы ищите сундук “Цветник сокровищ”, допустим, нашли, но какая польза от этого? Знаете ли, если убрать всего две буквы в слове “хазойин”¹ – “й”, “и”, то останется “хазон”²?

Вы помните город Ирам Зот ал-Имод, который построил Шеддад? Не внимая словам пророка Худа, Шеддад недалеко от города Адаа построил раеподобный город из золота, серебра и драгоценных камней. Сильно любил он его, возгордился, стал высокомерным, и Бог наказал его: город поглотили пески во время урагана! Кто его помнит сейчас?

Всегда помните истории пророков, слуг Аллаха и мусульман, чтобы не примкнуть к тем, кто претендует на власть, сеет зло, интриги, смуту. За высокомерие выгнали из рая Дьявола, не забудьте! Пристрастие к мирскому, высокомерие – дело рискованное... Это никогда не приносило добра. Особенно в преклонном возрасте, когда дрожат уже бессильные руки, и Вы, благородный человек, вступающий в беспросветную пустыню старости, должны понять: чем дальше будете Вы от этой опасности, тем больше будет пользы для Вас.

Вы на троне Турана почти тридцать лет. Покорили более двадцати стран. Это свидетельствует о том, что Вы предались мужским страстям, высокомерно возлюбили этот мир. Пророк наш был далек от этих страстей! Его сподвижники, хотя и сами нуждались, но когда видели, что нуждаются другие, помогали им!..

Половина веры – терпение, а другая половина – благодарение Богу, вы должны уразуметь это и быть благодарным: Ваши дети давным-давно стали взрослыми настолько, что могут сами править и государством, и народом, и победоносным войском, они выросли на глазах, как чинары... Довольно, будьте милостивым, пожалуйте им трон Турана. Это было бы примером справедливого и бесстрастного отношения к миру, образцом спокойного и назидательного отношения.

Что считается достойным шагом для Пророка, не служит ли примером для всех мусульман?

И во владениях Хулагухана имеется такое же сильное войско, беспощадное к врагам, перед которым все дрожат, есть бесстрашные бахадурсы со смертоносными мечами, острыми штыками и кинжалами, конями-птицами... Хоть и тяжело поднимать оружие против отца, но это не такой большой грех, как сильная страсть к брэнному миру, и это успокаивает нашу душу...

Боже, не дай наступить таким дням, не пошли такой беды...»

Вся компания, с замиранием сердца слушавшая письмо, была ошарашена! Многие были возмущены. Мираншах Мирза был совершенно трезв и нисколько не стыдился своего неуважения к отцу. Он, как магнит, притягивал взоры всех, желая знать, как отнеслись к письму, будто спрашивая: «Угодно вам это?», «Угодно ли?..» – и получил поддержку. Все молчали, утвердительно качая головами.

– Господин бахадур!

– К вашим услугам! – сразу скрестил руки Ахий Джаббар-бахадур.

– Берите своих наукеров и отправляйтесь в Индию! А... это письмо передайте Его величеству Амиру Сахибкирану!

¹ Хазойин – сокровище.

² Хазон – гибель, увядание.

Почему-то в этот момент смолкло и пение птиц в саду, только где-то за стенами сада слышался рев осла.

Глава двадцать третья

I

Ханзада-ханум каждый день молится Аллаху, чтобы ее благодетель Амир Тему́р вернулся из индийского похода целым и невредимым.

Уже неделю служанка Оккиз-бегим болеет. Похудела, лицо увяло, ни слова не молвит, только смотрит вниз и вздыхает. У царевны нет ближе людей, чем Сахибкиран, старшая царица, ее дети – Мухаммад Султан и Халил Султан и служанка Оккиз-бегим. Ее отец Ок Суфи и мать Шакар-бика покинули этот мир и переселились в рай.

– С каких это пор ты скрываешь от меня свои тайны, Ок?.. – Оккиз-бегим, склонив голову, молчала. – Ничего не говоришь! Если так будет продолжаться, ты лопнешь! Посмотри на себя, похудела как... Что случилось? – обратилась к Оккиз Ханзада-ханум.

Служанка вдруг положила голову на пышную грудь Ханзады-ханум и зарыдала.

– Хей-хей! Последние две недели ты как-то странно себя ведешь... В тот раз тоже отделалась плачем и ничего не сказала. Будь ты неладна... Что с тобой?.. – царевна мягко погладила волосы своей подруги и начала утешать. – Твой муж уехал на войну, поэтому ты горюешь, да? Так быстро соскучилась?.. Бессовестная...

Царевна и служанка, несмотря на то что им уже под сорок, до сих пор оставались близкими подругами, как в юности.

– Нет, да нет... не говорите так... зачем мне скучать... – всхлипывая, ответила сконфуженная Оккиз-бегим. – Мой муж... Муж... моя царевна...

– Ну... Что случилось с твоим мужем? Говори уже... Он вернется. Ох, как ты любишь своего мужа! Что... или ты больна?

– Нет, я не больна, моя царевна, славу богу, не больна... Только мой муж... мой муж... – она мучилась, не в силах сказать что-то, и вытирала слезы. – Моя царевна...

Ханзада-ханум внимательно смотрела на служанку. Оккиз-бегим стало неловко, и она сказала:

– Мой муж... не поехал на войну... Он уехал, чтобы передать письмо Мираншаха Мирзы Сахибкирану, и только...

– Когда султану государства передают подарки, обязательно сопровождают их письмом, таков обычай... Ну, что из этого?

– Вся беда, моя царевна... – вытирая слезы и глядя в землю, сказала Оккиз-бегим, – в этом письме... Ах моя царевна, вы такая простодушная, не видите, что происходит на ваших глазах...

– Что ты говоришь? Чего я не вижу?.. Будь ты неладна, умница! Замучила же ты меня! А ну-ка говори точнее!..

– Простите меня, да, я вас замучила... – Оккиз-бегим, вздохнув, начала свой рассказ. – ...Пятнадцать дней назад Ахий Джаббар-бахадур вернулся с сорока наукерами из Боги Эрама без настроения...

«Куда вы, мой господин?» – нетерпеливо спросила жена.

«Я еду в Индию, на войну...»

«Бог оказал вам милость и честь. Вы мечтали служить благодетелю Сахибкирану. И мечта исполнилась...».

«Так... так... Сказать или нет... не знаю...»

Служанка никогда не видела своего мужа в таком состоянии.

«Вы что-то от меня скрываете...»

Ахий Джаббар-бахадур призадумался.

«Не скрываю, не скрываю!.. Поверь, я чувствую себя идиотом! Я сейчас такой несчастный, сам не желая, взял на свои плечи тяжелый груз, не могу его сбросить, и донести его до цели невозможно... Я, как мелкая хворостинка на ветру, – не могу ни устоять, ни против ветра восстать!..»

«О, боюсь!» – задрожал голос Оккиз-бегим.

«Не плачь! На каждую голову только одна смерть. Двум смертям не бывать. Слушай, я не горюю, что еду воевать, но судьба указывает иной путь... Амирзаде Мираншах Мирза... приказал одно письмо передать Сахибкирану...»

«Письмо? Но письма всегда отправляли с кукарчином...»

«Нет, если бы голубь узнал, что понесёт, он никогда бы согласился! Эх, письмо... оно жжет мою грудь... там очень много плохих, неприятных, недобрых слов, он пишет отцу, что тот уже стар, ему пора молиться и отдать трон своим детям...»

– Шестой день, как уехал мой муж... С того дня я и не могу спать... – чуть не плача сказала Оккиз-бегим. – Я думала, как мне смотреть вам в глаза. Когда вы позвали, я даже идти не решалась... Простите!..

У Ханзады-ханум просто язык отнялся от поступка ее недостойного мужа. Стыдно было перед Сахибкираном, вдруг он подумает, что о письме знала и она, знала и молчала, не остановила его, не могла дать какой-нибудь путный совет.

Ханзада-ханум вдруг упала, потеряв сознание.

– Царевна моя! Царевна моя!.. – завертелась вокруг нее бедная служанка...

II

Ханзада-ханум весь день не приходила в себя. А Оккиз-бегим день и ночь молилась Богу, утром, увидев, что глаза царевны мало-помалу проясняются, служанка обрадовалась. Царевна, приоткрыв глаза, тихо спросила:

– Я... где?

– В спальне, моя царевна! – еле сдерживаясь от рыданий, сказала Оккиз-бегим и положила голову на её ноги. – В спальне! Из гостиной вас перенесли сюда... Ох как вы напугали нас!.. Не надо было мне говорить вам о письме...

– Мой амирзаде... справлялся обо мне?

– Нет, царевна моя... Никто не спрашивал...

Красивые глаза Ханзады-ханум широко открылись, нежные алые губы задрожали... «Не спрашивал... – думала она с горечью. – Я терпела его нечеловеческие поступки, закрывала глаза на все, не хотела огорчать Сахибкирана, стыдилась... Но теперь не буду терпеть! Не могу! Я-то – ладно, но его поступок по отношению к Амиру Сахибкирану терпеть нельзя! Это же какая неблагодарность! Об этом должен знать Амир Сахибкиран, ему надо сказать! Если не скажу, я буду виновата...

Возмущенная хорезмская царевна страдала, подобно волоску, попавшему в огонь, и была полна решимости встретиться с Мираншахом Мирзой, призвать его к совести и справедливости. Может быть, эту ошибку можно исправить, тогда не будет необходимости говорить об этом Сахибкирану...

От Чаманбага до дворца три версты пути. Ханзада-ханум, Оккиз-бегим и еще три служанки в трех паланкинах в сопровождении особой охраны отправились в путь.

На площади перед дворцом было многолюдно, у всех на устах: «Индия», «Индия»...

– Посто-о-ро-о-ни-и-тесь!.. Ее высочество великая царевна Ханзада-ханум едет! – крикнул кто-то из караульных.

Все повернулись на приближающиеся паланкины синего цвета, которые были уже в пятидесяти шагах от дворца. Люди поспешно сторонились. Царевна с помощью служанок спустилась с паланкина и гордо направилась во дворец...

Придворный сообщил Мираншаху Мирзе, что изволили пожаловать великая царевна. Амирзаде тешился с красавицей возлюбленной. Ему не по душе пришлось сообщение, недовольно спустившись с трона, он нервно заходил по гостиной. А молодая возлюбленная не знала куда деваться от смущения.

Амирзаде не хотел разговаривать с царевной, что от нее можно услышать? Только горькие слова и упреки!.. Уже шестой месяц он не посещает спальню великой царевны... Не только она, другие женщины гарема тоже в немилости. Обычно у него, как и у Амира Темура, каждой царевне был отведен свой день, день Ханзады-ханум – четверг. Но у амирзаде нет времени нюхать сухой увядший райхон, когда перед ним открывают свою красоту свежие и ароматные цветочки...

Мираншах Мирза направился вон из дворца и, открыв дверь, столкнулся с Ханзадой-ханум, смело шедшей ему навстречу, и невольно попятился назад,

– И!.. и!... Добро пожаловать... Добро пожаловать, моя царевна! И!.. Какими ветрами?

Ханзада-ханум молча вошла, молодая возлюбленная стояла в замешательстве. Царевна посмотрела на нее так строго, что она, как раненая газель, метнулась вон из покоев.

– Я поздравляю вас с великой победой нашего салтаната, господин амирзаде... Абулмансур Абулмузаффар Амир Темур Кураган завоевали Индию! – четко произнесла Ханзада-ханум.

– Да, да... завоевали... завоевали...

– Слышали мы, что вы отправили письмо Амиру Сахибкирану... слышали... – сказала она прямо. – Надо ли было отправлять такое письмо именно сейчас, когда хазрат занят столь важными делами, идет война?!

– Да, отправили... – глаза амирзаде зло сузились. – Ну и что? Разве небо на землю упало из-за этого?

– Ах-ха! Надо, чтоб небо на землю упало! – возмутилась царевна. – Как вы посмели? Какое право имеете? Разве это благоразумно?

– Я его родной сын! И наша смелость тоже от Сахибкирана... Имеем право, имеем... – постарался спокойно возразить амирзаде. – И у нас есть и обиды, и упреки...

– Настоящие дети так не поступают. Особенно от вас это неуместно, это рискованно, вы не должны поступать так, потому что вы – старший сын...

– Говорите, говорите! Вы же для меня не супруга, а мать... и возраст ваш позволяет это... Мы так соскучились по вашим назиданиям... – с иронией заметил амирзаде.

– Причем тут возраст?... О боже, всё время вы говорите об этом... Всю жизнь... Чувствовалось, что терпению Мираншаха Мирзы приходит конец.

– Правильно сказано. Мы старший сын... старший сын... – насмешливо улыбнулся он. Поэтому в державе мы у отца на последнем месте.

– И-и! Не говорите так, это недостойно сына Сахибкирана!

– Вот мы и пришли к желаемому! Я должен говорить только хвалебные слова, да? – лоб у него сморщился, глаза выкатились из орбит. – Сказать?... Старший сын, значит! Всё время был такой порядок, и никакой хакан, хан, падишах его не пытался изменить! Наследником падишаха всегда был старший сын. Это правило только в Туране нарушено. Еще не умер старший сын, а наследником назначен внук...

– Фирман падишаха всегда должен исполняться беспрекословно. Это воля Великого Амира... Никто не смеет прекословить ему.

– Не смеем... Нет в этом нужды! Но как сын его не может возражать, когда его унижают!

Ханзада-ханум саркастически улыбнулась:

– Да, вы недовольны, это знают все: в поисках сокровищ вы разрушили все

древние и ценные здания в Султании, Тебризе, Казвине, Зинжане, но не нашли ни одного дирхама. И осталось только: «Мираншах Мирза ничего не построил, а разрушил самые лучшие памятники зодчества в мире!» Вы разорили могилу визирия Газанхана, историка Рашидиддина в Тебризе, и его останки перезахоронили на жухуде¹... Разве умно разрушать могилы? Я говорила вам об этом в своё время...

– Несомненно, вы всегда говорите, а другие должны выполнять! Да будет вам известно, я боролся с кяфирами, объявил газават; наказать их, убрать и живых, и мертвых – высокая честь для газа²! И у меня есть похвальные дела, они более ценны, чем сокровища!

– Налог «Ду данга», взимаемый у народа в пользу государства Амира Сахибкирана, вместо того чтобы отправить в Самарканд, истратили впустую... Я боялся, что во время ревизии великого визирия все вскроется...

– Эх-хе... Я успокоился, когда отделился от столичной ревизии, а выяснилось, что у нас ревизор есть свой под боком! Значит, вы следите, наблюдаете за мной? Прекратите это делать!

– Нет! – резко возразила Ханзада-ханум. – Когда придет наш сын Халил Султан, показавший в Индии чудеса храбрости, усмиривший слона и получивший вознаграждение от Сахибкирана, я ему все расскажу! Если мои слова не имеют для вас значения, может быть, вы услышите нашего сына...

– Слушайте вы, а не я! Халил Султан не мой сын!

– Хей! И-и!... Что вы говорите? Что вы говорите, спрашиваю вас?.. Отвечайте! Если он не ваш сын, тогда чей?.. О боже, что я слышу!.. – вышла из себя царевна.

– Халил Султан... появился от жемчужины, которую вы сохранили в себе, вырос, окруженный любовью Ханумайим... Разве сын, которого воспитала царица, может быть моим сыном? В Султании ни одного дня не жил... Увидимся в год один раз, а то и не увидимся... – Мираншах Мирза стонал. – И-и!.. И-и-им!.. Унижение, и еще унижение... Наша мать умерла в молодости, мы росли сиротой, не знали материнской любви. А любви Ханумайим не удостоились. А другим амирзаде и внукам дали всё: и воспитание, и любовь, и щедрость, и это продолжается до сих пор... Всех она опекает, но только для нас не хватает места, для сироты-птеника...

Мираншах Мирза почувствовал сильную боль в суставах. Он гордо подошел к узорчатому шкафу слева, открыл дверцу, налил большую чашу вина из фарфорового кувшина и тожественно осушил ее.

– Вот и в Дели тоже хутбы читались с именами падишаха великого Амира Темура Курагана и наследника Мухаммада Султана. Я ничуть не удивлюсь, если в фатхнаме о завоевании Индии будет записано имя моего сына Халила Султана! Это точно: возвеличить сына над отцом – это ли не унижение? Сравниют с землей отца, не иначе!

– О боже! – удивилась царевна.

– Да, моя царевна... Амир Сахибкиран очень ценит вас... Отвечайте: вы, моя супруга, благодетелю Сахибкирану сказали когда-нибудь, намекнули, что надо ценить меня, а не унижать, сказали или нет?

– В чем вас унижают? Не поняла...

– Не поняли? Знайте! ...Дети служанок не могут быть наследниками. И мой брат Умаршейх Мирза не удостоился этого и молча ушел в мир иной. Но обратимся к истории! Вы мудрая царевна, знаете, что Ходжар – мать сына Ибрагима Халидуллаха Исмаила, алайхиссалам, – была служанкой. Мать Халифа ал-Мансура Салома была рабыней. Мать Хоруна ар-Рашида халифа из халифов Ал-Хайзурана тоже была служанкой, этого недостаточно? А Халиф ал-Маъмун

¹ Жухуд – еврейское кладбище.

² Газы – борец за веру.

родился от служанки Мараджил? И Султан Джалалиддин тоже родился от служанки Ойчечак! Когда я родился, мою мать называли «умм валад»¹... Увы, мне не только трон не достался, но и наследником стать не суждено!

– Не будьте неблагодарным! Постыдитесь говорить всякую чепуху! Побойтесь Бога! Вас сделали повелителем Хулагухана! Этого мало?..

Мираншах Мирза, по-идиотски хохоча, ходил взад-вперед.

– Трон Хулагухана!.. Трон Хулагухана!.. Так много говорят о нем, что он бедный, наверное, уже перевернулся в могиле!.. Да, дали, дали... А дали для того, чтобы отдалить от Турана Мираншаха Мирзу – старшего сына, наследника. Отправили его правителем в далекий Азербайджан... И протрубили на весь мир: «Мы дали ему Хулагухан!..» Уже пять-шесть лет я правлю здесь, хлопочу о благополучии страны, а фирман получил только три года назад. Что, не верили в меня? Мне уже тридцать три года! Искандар Зулкарнайн сел на трон, когда ему было двадцать, а в моем возрасте завоевал весь мир!! Когда же кончатся мои унижения, когда?!

– Вы же любимый и надежный сын Сахибкирана, поэтому вам вверили западные границы державы. Кому же вверить, если не вам? А вы толкуете об унижениях... Я не понимаю, чем и как вас унижают? К тому же вы кураган!..

– Что-что?! Мне не нужно звание кураган! – отрезал Мираншах Мирза. – У меня не было охоты становиться кураганом! Наслушались благородной тетки Кутлуг Туркан-оки, посоветовались с царицей, посоветовались... Не знали, куда приткнуть свою невестку, которая сиднем отсидела семь лет, заморочили мне голову, обманули, женили на вас... И всё! Кураганом стал, говорите? Если ты не наследник, зачем тебе звание кураган? Не надо! Амир Сахибкиран из самолюбия повелел чеканить на своем перстне и монетах «Кураган». А я ни на своем кольце, ни на монетах не буду этого делать! Не буду! Чтоб вы знали!

Ханзада-ханум совсем растерялась от бесстыдства и наглости мужа, ей нечего было возразить, и она громко заплакала, не в силах остановиться.

– Хватит плакать! Никому не нужны ваши слезы!

«Как же можно так унижать меня?! – горько думала царевна, зло вытирая свои слезы. – Если “сиднем сидела”, то по своей ли вине? Или я была для кого-то обузой? Или я совершила какие-то проступки, недостойные чести Амира Темура, его великого дома и державы? Или надо мной довлеет какое-то проклятье?.. О боже, какая обида, какая клевета!..»

– Несмотря на такое унижение, я не жалею о своей судьбе! – сказала Ханзада-ханум, гордо подняв голову и вытерев слезы. – Я царевна Хорезма! Я внучка Султана Мухаммада Узбекхана, невестка Амира Темура Курагана. Что бы я ни сделала, все это только для Его величества Амира Сахибкирана, самого дорогого и великого человека во всем мире для меня! Если унижалась, то только ради него! Вот уже пятнадцать лет, как я заточила себя в темный зиндан, чтобы облегчить страдания Великого Амира, потерявшего любимого сына. После смерти наследника шахзаде Сахибкиран подумал о судьбе любимой невестки, не хотел отпускать её из своих объятий, страдал, но не показывал виду. И я, зная это, ради него сама себя наказала! Я стала вашей женой, скрывая свою нелюбовь, стараясь не потерять уважения к вам! Я же всегда почитала вас, не так ли? А вы, значит, долгие годы хранили в глубине души своей яд злобы, свою обиду, да? Разве можно так унижать меня?!

Ханзада-ханум замолчала и, гордо подняв голову, направилась к двери. Теперь, если она расскажет обо всем в Самарканде, Амир Сахибкиран не обидится на неё...

Конец третьей книги

¹ Умм валад – мать ребенка.



Рустам ШАГАЕВ

АВТОГРАФЫ ТВОРЦОВ

ВСТРЕЧИ С ПОЭТОМ

Это был потрясающий человек! Никогда не кичился своими званиями и регалиями, был одинаково ровен со всеми: с начальством, друзьями, подчиненными. Вспоминаю немногие встречи с Героем Узбекистана, Народным поэтом Абдуллой Ариповым.

В апреле 2007 года мы с моим давним приятелем Камильжаном Амировым, видным мелиоратором Кашкадарьи, приехали на дачу Арипова в Дурмень. Дело в том, что они сваты: Абдулла-ака выдал замуж дочь за сына Амирова.

Поэт встретил тепло. Пригласил в юрту, которая красовалась посреди дачи. Они оба – степняки, и в древнем жилище предков им было уютнее, чем в двухэтажном комфортабельном доме рядом с шатром.

От веселого убранства юрты на душе сразу стало тепло. По круглому периметру стен – дюжина ковриков с портретами. Я с интересом разглядывал эту коллекцию, в которой ни один вытканый лик не повторялся.

Так принято в Узбекистане – на юбилей обязательно дарить ковер. Но в разных уголках нашей страны любимого поэта представляют по-разному.

Славно было в этой обители: под войлочным кровом и на мягкой кошке в жару – прохладно, а зимой – тепло. Тогда я понял, что именно в этом дедовском жилище поэта посещали музы. Закрывал глаза – и ему грезилось, что за порогом юрты раскинулся родной Некуз...

Как-то я снял Абдуллу-аку в европейском костюме и лужковской кепке. Напротив здания Союза писателей росли тогда тополя. И эта аллея позади поэта, по моему замыслу, открывала его духовный мир. Мне самому понравился этот снимок, я распечатал его достаточно крупно, оформил в паспорту



Рустам ШАГАЕВ. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Работал фотокорреспондентом УзТАГ. Участник фотовыставок, автор публикаций в республиканской периодической печати.

и багет и преподнес поэту. Увидев портрет, Абдулла-ака вытащил портмоне. Но я отказался от вознаграждения. У меня так заведено – у поэтов и художников деньги не брать, а вот у торгашей и воротил – по полной программе.

– Скажи, что тебе надо? – не унимался Арипов.

– Ничего.

Он засмеялся:

– Я знаю, ты богатый!

Конечно, богатый! Нет, не золотой мешок, но дай хоть миллион долларов, такой портрет не повторишь!

А снимок действительно потом был опубликован в журналах и альбомах, экспонировался на выставках. Одним словом, остался в истории нашей страны.

Когда мы уже прощались с радушным хозяином, случилось неожиданное. Абдулла-ака облачил меня в золотошвейный бухарский халат. Он помнил тот снимок у тополиной аллеи. Вот только жаль, что золотую саблю не преподнёс. А как бы она подошла к этому халату! После такого подарка поэта в глазах Амирова и других гостей я сразу вырос на целую голову.

Напоследок я еще раз полюбовался юртой и подумал о том, как гениально все продумали предки: в разобранном виде она легко помещалась на повозке. И если древние римляне говорили: «Все мое – на мне!», то воины Темура воевать шли со своими походными домами. В душу закралась белая зависть: захотелось такую же обитель. Но вот только куда я её поставлю в Ташкенте, не на крышу же своего дома!

А Абдулле Арипову – Герою Узбекистана, Народному поэту, автору гимна страны и блестящему переводчику «Божественной комедии» Данте – юрта просто положена по рангу. Если пятьсот лет назад во дворце Байкаро творил Алишер Навои, то в наши дни в своем дачном шатре – Абдулла Арипов!

В середине 90-х годов прошлого века с Ариповым меня познакомил драматург и поэт Машраб Бабаев. Миллионы узбекистанцев помнят, как в ту пору каждый субботний вечер все с нетерпением ждали показа очередного фильма телевизионной ленты «Кунгил кучалари», состоящей из 51 серии. Автором сценария этого прогремевшего сериала был Машраб-ака.

Однажды Бабаев пригласил на съемку и меня. Тогда я снялся в одном из эпизодов, сыграв самого себя, и после премьеры серии в своей Казы-махалле я стал «национальным» героем: молочница первым делом стала стучаться в мою калитку, а мясник к порции купленного мной мяса добавлял от себя еще кусок с добрый кулак. Тогда-то мне стало понятно, почему все так рвутся на эстрадные подиумы и съемочные площадки.

Ах как сладко купаться в лучах славы!

Бабаев и Арипов были очень близки, с молодости дружили семьями. Однажды Машраб-ака попросил меня сделать несколько снимков Ханифы-опы – жены Арипова. Он написал очерк не о поэте, а о верной спутнице стихотворца. Ханифа-опа подарила ему пять дочек и сына, которого назвали Ильхом, что означает «вдохновение». Абдулла-ака обожал дочек, но сын стал кенжатоим – любимцем.

В святой семейной жизни поэт был тончайшим ювелиром!

Хорошо помню, как в 2001 году во дворце Туркистон на торжественном вечере, посвященном его 60-летию, на сцене справа от поэта сидела Ханифа-опа. И это было абсолютно логично! Ведь народ должен знать верную спутницу своего кумира, пережившую с ним муки творчества и пору бездушного пренебрежения к его таланту. Хотя сам он очень бережно относился к талантам.

Именно в 2004 году, когда он возглавлял Союз писателей Узбекистана, высокого звания Народного поэта был удостоен Александр Аркадьевич Файнберг, русскоязычный поэт стал Народным!

В недавно выпущенной издательско-полиграфическим творческим домом имени Гафура Гуляма книге воспоминаний об Александре Файнберге «Лист с неровными краями, сохрани мои стихи...» есть и эссе А. Арипова, в котором он пишет: «...Когда речь идет о творчестве Александра Файнберга, на мой взгляд, все высокие слова не отразят и сотой доли действительности. Ибо он на самом деле был уникальным поэтом и переводчиком. Писателем мирового уровня.

Его сборники стихотворений вошли в сокровищницу не только русской поэзии Узбекистана, но и всемирной поэзии нашего времени».

Вновь перебираю свой архив. И вдруг нахожу автограф поэта.

«Суратга ёзув
Абдуланинг
Шудир бори,
Буни чизди
Рўзи Чори».

Я не переводчик, но по-русски это звучит примерно так:

«Всё, что есть от Абдуллы,
Нарисовал Рузы Чары»

А история этого веселого и ироничного двустушия такова. В 1975 году после демобилизации из армии я вновь пришел в мастерскую художника Рузы Чарыева. На видном месте на книжной полке была вертикально приколотая удлиненная картонка. На ней красной шариковой ручкой был нарисован поразительно точный портрет Арипова, а под ним той же ручкой, но уже рукой поэта, начертаны эти строки.

Однажды я спросил Абдуллу-аку, помнит ли он их. И он тут же написал эти строки на листке перекидного календаря и подарил мне. Это было 19 октября 2006 года.

Я не был свидетелем встречи двух талантливых людей, но сейчас будто слышу неуправляемые взрывы хохота, звучавшие в тот день в мастерской Чарыева. Оптимизм был свойствен обоим. Даже в трудную пору безысходности поэт не отчаивался, весело шутил над собой. Он верил, что его талант обязательно пробьет дорогу!

ОН РАБОТАЛ ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ...

Садык стоял в тюбетейке и чапане, туго перетянутом поясным платком. Мужчине не пристало плакать, но непослушные слезы все катились из глаз.

Так безмерна потеря!

...13 марта 1995 года ушел из жизни Чингиз Ахмаров. В Выставочном зале Союза художников Узбекистана звучала траурная мелодия. Слезы были в глазах поэтессы Зулфии, усто Махмуда Усманова, художника Абдулхака Абдуллаева и многих почитателей его искусства.

Ушел удивительный человек: щедрый, мудрый.

Лучше всех об Ахмарове сказала академик Галина Пугаченкова:

«Его главная заслуга в том, что он возродил школу восточной миниатюры! Он первым сказал, что художники Узбекистана должны отойти от традиций европейского изобразительного искусства и вернуться к своим истокам».

Он работал до последнего дыхания, не останавливаясь, стремясь по-новому

раскрыть тему. И сейчас в его мастерской на мольберте стоит картина, которую он начал за несколько дней до кончины, но так и не успел завершить...

«Если во времена Навои творил Бехзод, то в нашу эпоху – Ахмаров», – говорили о нем искусствоведы.

Чингиз-ака оставил прекрасный след на этой земле.

Родители дали ему имя – Чингиз, он сам рассказывал, что, как принято у мусульман, у него было и второе имя – Мухаммад. Но известен Чингиз Ахмаров.

Его отец – ходжи Габдурахман – уважаемый человек, совершил паломничество в Мекку, имел право носить зеленую чалму, знал несколько языков, любил читать, дружил с прогрессивными деятелями Исмаилом Гаспринским и Махмуд-хужи Бехбуди, примыкал к джадидам, боровшимся за новое светское общество.

Его гены передались и Чингизу Ахмарову. Природа щедро одарила его талантом художника. Он был великим тружеником, любил свою работу, мастерскую и учеников.

Из своих 83 лет шестьдесят пять он отдал искусству, хотя на самом деле первый раз взял в руки кисть в пять лет.

Ровно через три десятилетия – в 1947 году – за росписи в фойе Государственного академического большого театра имени Алишера Навои он был удостоен Государственной премии 1-ой степени.

Тогда не было награды выше этой!

Он создал огромное число монументальных росписей, живописных картин и рисунков, иллюстраций и произведений прикладного искусства. Ташкентцы знают его фрески на станции метро «Алишер Навои», росписи в Калянном зале Музея прикладного искусства Узбекистана, в Институтах искусствознания и востоковедения.

Есть его мозаики и в московском метро – на станции «Киевская», в Кисловодске – в санатории «Узбекистан», в Самарканде – в банкетном зале ресторана «Юлдуз», в бухарском дворце культуры имени Абу Али Ибн Сино.

Его картины неповторимы и не повторяются. Садык вспоминает, как перед поездкой в Казань Чингиз-ака сказал, что там у него много друзей и каждому надо сделать подарок. Он попросил натянуть холсты на десять одинаковых подрамников. Садык сделал всю подготовительную работу, с кальки перенес на холсты наброски его знаменитых красавиц.

И тогда Ахмаров взялся за кисти. Хотя сюжет картин был один, но в каждое новое творение он вносил что-то неповторимое. У его красавиц всегда были разные лица, разные украшения: тиары и диадемы, серьги и браслеты.

Каждая его работа становилась шедевром!

Его дарование было многогранно: будучи живописцем, он прекрасно знал философию, историю, архитектуру, литературу, музыку, тонко чувствовал танец и пластику, наизусть знал стихи многих восточных поэтов.

Кинорежиссер Латиф Файзиев, снимавший художественную киноленту об Улугбеке, пригласил Чингиза-аку консультантом фильма.

Он дружил со многими деятелями культуры, создал незабываемые портреты Зульфии, Шукура Бурханова, Муккарам Тургунбаевой, Майи Плисецкой и многих других своих современников.

Чингиз-ака любил пить чай из пиалы, на которой были начертаны слова великого Навои: «В этом саду нет вечных цветов, но велико счастье человека, если останется его имя в добрых делах».

Чингиз-ака любил путешествовать. Так, он отправился в 1991 году в Японию в возрасте семидесяти девяти лет(!) открывать персональную выставку. Газеты восторженно писали: «Тысячи жителей Страны восходящего солнца сквозь призму произведений художника господина Ахмарова увидели прекрасные традиции узбекского народа, живущего в самом центре Великого шелкового пути».

– В знаменитых церквях Флоренции утомительно было подолгу смотреть росписи под куполом, – вспоминал он после поездки в Италию, – служитель давал подушку, и я ложился на пол (так поступали многие туристы) и часами разглядывал творения Мазаччо, Гирландайо, Микеланджело.

...У Чингиза Ахмарова было множество учеников, но самым близким ему был Садык Рахмонов. Они стали больше, чем «устоз» и «шогирд», – как отец и сын. Жили в одном доме, более четверти века работали в одной мастерской. Ахмаров говорил про Садыка: «Он – мой преемник».

– В студенческие годы, в день стипендии, мы ходили в лагманную на Буржаре, – вспоминает Садык, – и приглашали устоза. Он не отказывался – любил это место, молодую компанию. Когда все скидывались по трёшке, Чингиз-ака вынимал неизменную десятку.

– Не надо, – говорили мы.

– Как не надо! Вы студенты, а я – профессор, народный художник. Если не возьмете – больше не приду...

Двери его мастерской были открыты для всех. Однажды к нему пришел самостоятельный художник и долго хвалился тем, что по репродукциям работ Ахмарова расписал в глубинке Ферганской долины не одну чайхану, много клубов и частных домов. Вначале Чингизу-аке был приятен его рассказ: человек пришел с добрым намерением, поблагодарить.

Но в конце концов хвастун ему надоел и, решив избавиться от него, он в полушутя намекнул: «Простите, любезный, вы столько заработали на мне, а где мой гонорар?».

Плаггиатор быстро ретировался.

Ахмаров был внимателен к людям. Если шел отдохнуть домой, то на двери мастерской всегда оставлял записку: «Я дома, наверху, звоните долго».

Он, как и я, был туговат на ухо, но как только речь заходила о нем или о деньгах – тугоухость как рукой снимало. Такое часто случается и со мной.

Однажды его доверчивостью воспользовались воры – залезли в квартиру и взяли по мелочам: шапку, пальто...

Вскоре их поймали, вещи вернули хозяину. Чингиз-ака пошел в отделение милиции к следователю и попросил отпустить их, искренне сокрушаясь:

– Вот если бы украли хоть одну картину!..

В 1949 году он познакомился с молодой художницей Шамсирой Хасановой. А через год они поженились.

Это было самое счастливое время в его жизни!

Шамсирой была замечательным художником и прекрасной женой, но рано, в 39 лет, ушла из жизни. После ее кончины, он больше не женился. А всю нестраченную любовь вложил в своих живописных красавиц и учеников...

ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП В ПОЭТИКЕ «НОВОЙ ДРАМЫ»



Александра ЕКАБСОН

К вопросу о соблюдении закона единства времени и места в драматургии неоднократно обращались и драматурги, и литературоведы, по-разному трактуя его. Так, А. С. Пушкин в наброске 1825 г. «Изю всех родов сочинений самые неправдоподобные сочинения драматические...» отвергает обязательность двух классических единств – времени и места. Классические единства времени и места препятствовали правдоподобию драматического действия. Сосредоточение всех событий в определенном месте и в ограниченном временном пространстве сковывало драматургов. Часто единство места становилось либо определенной географической координатой, либо «местом бытования» героев. Эпоха романтизма с ее новым содержанием искусства требовала обновленной формы (разомкнутость времени и пространства, смешение жанров и литературных родов). Романтики разрушали классические «единства», сковывающие творческое воображение художника. Все это в немалой степени способствовало формированию и развитию классического реализма XIX века. В произведениях драматургов-реалистов действие не ограничивалось одними сутками: в пьесах Л. Толстого, Н. Островского, А. Чехова события могли длиться месяц и даже год.

Новаторская драматургия Чехова, Горького, Брехта во многом предопределила эволюцию времени и пространства в современной драматургии. Фрагментарность действия, эпическое начало, голос автора стерли границы времени и пространства в драме. Современная драматическая эстетика является антиподом классической, демонстрировавшей лишь внешнее правдоподобие жизни (единство времени и места). Новая, неаристотелевская, эпическая драма рассматривает «все в потоке», подчеркивает «документальный характер» способа отображения действительности. Внешняя правдоподобность уступает место внутренней заданности, прямому обращению к реципиенту, наблюдается «смерть» сюжета, поскольку дискурс пьесы становится объектом самовыражения автора. О. В. Журчева отмечает, что в «новой драме» через образы времени и пространства «происходит активизация авторского сознания на разных уровнях текста: в паратексте, в драматургическом конфликте, в мифопоэтике, в системе персонажей и др.»

Александра ЕКАБСОН. Родилась на Украине в г. Радомишль. Преподаватель кафедры языков Чирчикского государственного педагогического института Ташкентской области. Окончила аспирантуру при НУУз. Автор 14 научных статей.

По справедливому замечанию В. Е. Хализева, «литературные произведения пронизаны временами и пространствами, представленными бесконечно многообразными и глубоко значимыми»¹. По мнению М. М. Бахтина, ведущая роль в теории хронотопа принадлежит времени.² Одновременно с концепцией М. Бахтина сложилась иная трактовка данной проблемы в исследованиях Ю. М. Лотмана. Ее отличие состоит в понимании художественного пространства как универсального, «первичного и основного». «Даже временное моделирование, – отмечает исследователь, – часто представляет собой вторичную надстройку над пространственным языком».³

«Новая драма», написанная с различной эстетической ориентированностью, свидетельствует о неоднородности развития направлений в русской драматургии рубежа XX–XXI веков. Постмодернистская ориентированность текстов И. Вырыпаева (поиск смысла жизни, преодоление хаоса бытия) и модернистская ориентированность текстов В. Сигарева (неприятие современного мира, уход в мир нереальный) отличаются оригинальностью художественного мышления и художественной формы.

Центром драматического действия в произведениях указанных авторов становится внутренний конфликт, борьба с самим собой в условиях враждебного окружения. Конфликт не может быть решен в пьесах из-за внешних, подчиняющих героя, обстоятельств. Герои «Пластилина» В. Сигарева и «Бытия № 2» И. Вырыпаева, не находя опоры в настоящем, ищут нравственные ориентиры в неопределенном светлом будущем.

Таким светлым будущим в «Пластине» является нереальный мир, представленный призраком погибшего друга, а в «Бытии № 2» – полет в Космос, в бытие № 1.

Объединяющим началом в этих произведениях является хронотоп дороги. Так, герой Сигарева Максим проходит свой нелегкий путь, насыщенный испытаниями: потеря близкого друга, разочарование в любви, предательство, унижение, потеря единственного близкого человека. Каждый эпизод-испытание приближает героя к неминуемой гибели. Путь героев «Бытия № 2» И. Вырыпаева от сцены к сцене – это путь от периферии к центру, путь очищения и спасения души.

В «Пластине» В. Сигарева на уровне пересечения перцептуального времени и пространства появляется хронотоп неизвестного провинциального городка. День не похож на день, смена временных промежутков отмечается в основном «вечером» или «темнотой». Хронотоп «провинциального городка» Сигарева включает в себя разнообразные хронотопы, переплетающиеся друг с другом. К примеру, хронотоп «комнаты», хронотоп «дороги», хронотоп «лестницы», хронотоп «порога», или, точнее сказать, калитки, двери. У Сигарева хронотоп «комнаты» и смежные с ним хронотопы лестницы, двери (или порога), улицы являются главными местами действия в произведении. «На улице» герой встречает ЕЕ, в «комнате» он подвергается насилию, «в кабинете директора» герой узнает об отчислении из школы, в «подъезде» Максима оскорбляет сосед и т. д.⁴

Реальность в «Бытии № 2» осмысливается драматургом через призму его собственного, субъективного, восприятия. Модель мира представлена Вырыпаевым в мифопоэтическом хронотопе. Пространственно-временной

¹ Хализев В. Е. Теория литературы. – М., 1999. С. 138.

² Бахтин М. М. Литературно-критические статьи // Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. М., 1986. С. 275.

³ Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251–292.

⁴ Сигарев В. Пластин. // Новая драма: пьесы и статьи / вступ. ст. Е. Ковальской. – СПб., 2008.

континуум неразрывно связан с вещественным наполнением – в трагедии это Бог, Жена Лота. Сакральным центром в произведении является «белый квадрат» («Сцена представляет собой белый квадрат 3 x 3 м»). В христианской культуре белый квадрат символизирует Космос, четыре неподвластных смерти элемента. Стоит указать на особую роль квадрата и соответствующих построений в ритуале сакральных объектов (например, квадратная форма алтаря). В масонской символике квадрат олицетворяет трансформацию грубой материи в материю, организованную посредством собственных усилий человека или подвластных ему природных сил. «Белый квадрат» становится центром «сакрального поля», определяющего структуру пространственных отношений. Являясь «сакральным центром», высвечивает пространство «Низа» – «двухметровую глубину» и «Верха» – «Солнце».¹

Ведушей категорией в пространственно-временном континууме «Пластилина» является время. Смена «темноты» и «света» определяется девятью сутками. Событийное время направлено на отображение изменения характеров главного героя и героев второстепенных, биографическое время дано драматургом в ущемленном виде: мальчик воспитывается бабушкой, единственной защитницей подростка и хранительницей семейных традиций. В «Бытии № 2» время становится неотъемлемой частью пространства, его «четвертым измерением». Драматургическое пространство, пространственные образы и характеристики доминируют над образом времени.

Специфика конфликта в произведениях современной драматургии сформировала новый пространственно-временной континуум, отличающийся «двуслойностью и двунаправленностью». События произведений «происходят в настоящем, но проецируются на всю человеческую жизнь». Пространство расширяется до пределов вечности, Космоса, «поскольку персонажи здесь являются персонификацией различных способов отношения к миру, а противостоит им фатум»².

Таким образом, специфика драматического хронотопа как сюжетообразующего элемента «новой драмы» позволяет сделать следующие выводы об устойчивых стратегиях современной драматургии.

1. Расширение границ времени и пространства привело к формированию дискретной, разорванной, композиции в произведениях.
2. Быт в произведениях присутствует, но он отодвинут на второй план.
3. При множестве различных финалов в конце стоит многоточие.
4. Наряду с ослаблением единства времени и пространства наблюдается усиление единства действия. Список действующих лиц краток, зачастую в драме может быть только один герой (рассказчик в монодраме). События в произведении подобны фрагментам жизни, вырванным из бесконечной череды событий.
5. Дискурс является объектом самовыражения автора («смерть автора» О. П. Журчева).
6. Интенция драмы отражает не просто «тоску о лучшей жизни», не «крик души» героев, она направлена непосредственно на перцептуальное восприятие реципиента. Герои произведения «кричат» о моральных аспектах современной жизни.

¹ Вырыпаев И. Бытие № 2. // Новая драма: пьесы и статьи / вступ. ст. Е. Ковальской. – СПб., 2008.

² Журчева О. В. Формы выражения авторского сознания в русской драме XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Самара, 2009. С. 5.

Ирина БОГОСЛОВСКАЯ
Наталья МОЗОХИНА

ИЗВЕСТНЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

**(К 160-летию художника
Стефана Бакаловича)**

Ташкентцам художник Стефан Ладиславович Бакалович (1857–1947) известен по двум картинам, представленным в залах Государственного музея искусств Узбекистана, – «Суд в Древнем Риме» (1889) и «Римлянин в библиотеке» (1890). Биография уроженца Царства Польского, выпускника Петербургской Академии Художеств, а в дальнейшем академика исторической живописи долгие годы не была до конца изучена. Несмотря на то что живописные и графические работы Бакаловича хранятся в крупнейших музеях мира, еще 13 лет назад художник входил в «список забытых имен».

К сожалению, не все работы художника, оставшиеся в России после революции, сохранились. Местонахождение многих из них, еще при жизни мастера попавших в частные собрания, неизвестно. Поэтому нет полного списка его творческого наследия, пополнить его помогают почтовые карточки, выпущенные в первой четверти XX столетия российскими и зарубежными издательствами.

В самом начале своей творческой карьеры, в 1874 году, Бакалович успешно закончил пять классов Варшавской 3-й мужской гимназии (рисовальный класс). В этом же году, после безвременной кончины матери, известной драматической актрисы Викторины Шимановской (1835–1874), он начал посещать Варшавскую частную рисовальную школу профессора искусств Войцеха Герсона (1831–1901), где брал уроки в рисовальном классе у профессора А. Каминского (1823–1886), у которого занимался на протяжении двух лет до 1876 года. В августе того же года Бакалович написал прошение о намерении поступить в петербургскую Академию художеств по живописи и после сдачи необходимых экзаменов стал ее воспитанником.

Основным педагогом Бакаловича в классе исторической живописи был В. П. Верещагин (1835–1909), отличавшийся консервативностью взглядов, нацеленный на то, чтобы выработать у своих учеников высокое исполнительское мастерство, выверенное построение композиции и отменный рисунок.

Ирина БОГОСЛОВСКАЯ. Кандидат искусствоведения, член Союза художников Узбекистана, автор 100 публикаций об изобразительном, декоративно-прикладном искусстве Узбекистана, опубликованных в местных и зарубежных изданиях.

Наталья МОЗОХИНА. Кандидат искусствоведения, заведующий сектором учета музейных предметов Государственного Русского музея. Автор 5 книг и 150 статей по истории дореволюционной открытки.

Дополнительно юный художник брал уроки у талантливого живописца и педагога П. П. Чистякова (1832–1919), который говорил: «Рисунок, если можно так поставить вопрос, – это мужская часть, мужчина; живопись – женщина. Все мужественное, твердое, устойчивое, благородное в искусстве выражается рисунком. Все нежное, ласкающее глаз, нервы, все, на первое впечатление сильно нравящееся, выражает живопись. Падение искусства – делает живопись, рисунок – подъем»¹.

Ученические работы Бакаловича выделялись гибким рисунком, чувством цвета, «театрализованностью» композиции, непревзойденной техникой письма. Работы эти неоднократно отмечены высокими наградами.

В конце пятого года обучения в Академии (в 1881 году) за работу «Святой Сергей благословляет Дмитрия Донского на битву и отпускает с ним двух иноков» Бакалович был награжден большой золотой медалью, получил звание классного художника первой степени и право на пенсионерскую поездку за границу. После этого художник покинул стены любимой alma mater и пределы России; он посетил Париж (1882–1883), Алжир (1883) и Египет (1903). А с 1883 года поселился в Италии. В 1886 году в 29 лет Стефан женился на итальянке Джузеппине Аллоизи – дочери генуэзского судовладельца и музыкантше.

Бакалович, одаренный живописец и график, обладал богатейшими знаниями в области истории, археологии, архитектуры, говорил и писал на нескольких языках: польском, французском, немецком и английском. Во время своих поездок по Ближнему Востоку он освоил испанский и арабский. В Италии общался на итальянском языке и великолепно владел греческим.

Бакалович оказался за границей в тот момент, когда в западноевропейской культуре возродился культ античности, после того как итальянский археолог Джузеппе Фиорелли в 1863–1875 годах поставил на строго научную основу археологические раскопки Помпеи, открытой еще в XVIII веке. Художникам предоставлялись новые возможности общения с историческими подлинниками. С этого времени отдельную страницу в развитии академизма составляло творчество художников, «оживлявших» на своих полотнах историю Древней Греции и Рима. На этой тематике в России была сосредоточена вся элита академической живописи. Среди них – Г. Семирадский, Ф. Бронников, В. Смирнов, братья А. и П. Сведомские и С. Бакалович. Зародился новый вариант постклассического искусства – стиль «неогрек».

Бакаловича все чаще стали называть «русский Альма-Тадема». Художник использовал классическую манеру письма с фактурными и в большинстве своем мелкими мазочками, применял лессировку с обязательным подготовительным и очень тщательным рисунком. Живописные работы он писал на полотняных холстах, очень плотных по фактуре, качественными готовыми масляными красками, а также использовал так называемые лефранковские дощечки.

Творчество Бакаловича было хорошо известно в России, так как художник регулярно экспонировал свои работы на выставках в Санкт-Петербурге и Москве. Тем не менее у него не оказалось последователей, в чьем творчестве прослеживалось бы сочетание всех тех составляющих, которые делают произведения художника неповторимыми: библейская, античная тематика; рабочий материал – масло на дереве; технические приемы – фактурные мелкие мазки с использованием лессировки и тончайшая колористическая разработка. Не касаясь тем современности и окружающей действительности (за исключением нескольких работ), Бакалович предпочитал воплощать на своих полотнах мир древних греков, римлян, египтян, нубийцев, представлять и домысливать детали их жизни, воссоздавая далекое прошлое.

Работы Бакаловича находились в собраниях крупнейших российских музеев

¹Чистяков П. П. и Савинский В. Е. Переписка 1883–1888 гг. Воспоминания. – Л.-М., 1939. – С. 119.

и частных коллекций: Русского музея императора Александра III, Румянцевского музея, Московской городской галереи Павла и Сергея Третьяковых, в императорских и великокняжеских коллекциях.

Популярность Бакаловича не могла не обратить на него внимания издателей цветных и черно-белых открыток, но проживание в Италии затрудняло публикацию его работ на открытках. Круг репродуцировавшихся на открытках работ Бакаловича ограничивался немногочисленными произведениями, находившимися в российских музеях, экспонировавшимися на временных выставках или воспроизведенными ранее в периодике и каталогах.

Иногда музеи сами выступали в качестве издателей открыток. Инициатором выпуска музейных открытых писем был известный художник, хранитель художественного отдела П. И. Нерадовский¹. В то время на открытках воспроизводились только те работы, которые находились на экспозиции: «Моление Хонсу» (1904, авторское повторение – 1905 г.) и «Вопрос и ответ» (1894, авторское повторение 1900 года).

На первой из них на открытой площадке при лунном свете группа египтян в светлых одеждах совершает обряд поклонения богу Луны – Хонсу (Хонсу). Среди персонажей выделяется музыкантша, играющая на арфе, образ которой вырезан и на самой раме картины.

Вторая живописная работа Бакаловича служит своего рода иллюстрацией к роману Г. Сенкевича «Quo Vadis» («Камо грядеши»). Девушка в римском дворике у фонтана рисует рыбу на песке (в раннем христианстве – тайный знак, символ Христа), давая тем самым понять возлюбленному, что их пути должны разойтись. Ведь она христианка, а он язычник.

Дальнейшая «издательская» история этих двух картин весьма примечательна. Музей, к которому перешли все авторские права на данные полотна, противился публикации открыток другими издателями, боясь потерять те небольшие деньги, которые он мог выручить от продажи открыток собственного издания. Поэтому предприимчивые частные издатели прибегали к двум хитростям: заказывали знакомому художнику копию с картины, которую он писал в музее, или копию с черно-белой или цветной репродукции. Это объясняет искаженную цветопередачу оригинальных картин на открытках: художник делал копию с плохой репродукции или писал цвета по памяти.

Таким «нечестным» образом были получены копии с картин Бакаловича из собрания Русского музея императора Александра III, выпущенные в рамках серии «Копии с картин русских художников» с незначительным изменением деталей и в искаженной цветовой гамме.

В собрании Московской городской галереи Павла и Сергея Третьяковых до революции находилась одна работа Бакаловича – «Римский поэт Катулл читает друзьям свои произведения», приобретенная П. М. Третьяковым в 1885 году. На ней поэт изображен сидящим на мраморной скамье в осеннем лесу в окружении своих слушателей. Возможно, что стихи Катулла, воспевающего безграничную любовь к очаровательной возлюбленной Лесбии, были созвучны в то время с чувствами самого Бакаловича к Джозепине Алоизи, с которой он свяжет свою судьбу на долгие годы в следующем, 1886-ом, году.

В галерее, в отличие от Русского музея... не было строгих запретов на производство фотографических съемок, поэтому эта работа Бакаловича неоднократно переиздавалась на выполненных фотоспособом черно-белых открытках неизвестными предпринимателями.

В то время в музее сделать цветной снимок технически под силу было только

¹ См. подробнее: Мозохина Н. А. Издательство открытых писем Русского музея императора Александра III. // Филокартия. – 2010. – № 4 (19). – С. 25–28.

немногим фотографам, специализировавшимся на цветной фотографии. Это было довольно дорого и нерентабельно для издания открыток, да и хорошие цветные репродукции с картин тогда практически еще не делали. Единственный человек, соединивший в одном лице фотографа, занимавшегося цветной съемкой, и издателя – С. М. Прокудин-Горский – находился в Петербурге. Он делал снимки для роскошных изданий, демонстрационных показов и издаваемых им цветных слайдов и практически никогда не снимал в музеях. Сделать хорошую цветную репродукцию – процесс трудоемкий, затратный и долгий.

В 1924 году в Государственную Третьяковскую галерею из собрания расформированной художественной части Румянцевского музея поступила еще одна работа Бакаловича – «В приемной Мещената» (1887). Спустя четыре года она впервые увидела свет на открытках собственного издания галереи. Имя Мещената сделалось нарицательным (поклонник изящных искусств и покровитель поэтов). На картине группа римлян в одном из залов дворца ожидает приема к Гаю Шильнию Мещенату. Вероятнее всего, именно так и выглядела обстановка роскошного дворца на Эсквилинском холме, окруженного садами, где провел свои последние годы Мещенат.

В 1900–1910-х годах в собрании Румянцевского музея находились три картины Бакаловича – упоминавшаяся выше «В приемной Мещената», а также «Весна» и «Вечер», дальнейшая судьба которых остается неизвестной, а представление о них мы можем получить только благодаря дореволюционным открыткам. Интересно, что «Вечерний разговор» («Вечер») получил высокие оценки современников: «Г. Бакалович доказывает, какое сильное влияние имеет на восприимчивые таланты художественная атмосфера Италии, где на каждом шагу находишь источники художественного вдохновения, где воспитываешь художественный вкус и совершенствуешь свою технику... Он сумел изобразить себе материал из такой эпохи, когда сама натура была живописна, и потому его картины проникнуты натуральностью»¹.

Одно из самых поэтичных и, к сожалению, несохранившихся произведений Бакаловича «Весна» было создано в 1884 году. В центре композиции – влюбленная пара, стоящая на вершине холма: римлянка в нежно-розовой stole (лат. *stola*) рядом с молодой юношей в коричневой тунике. Взгляд обоих опущен на цветущую веточку дерева в руках молодой девушки. Слева от них – фасад белокаменного храма, в низине справа – городские строения. Казалось бы, сюжет достаточно простой и незамысловатый, но, присмотревшись к различным деталям картины, глубже вникаешь в ее суть. Вполне очевидны параллели между пробуждением весенней природы и зарождающимися чистыми отношениями влюбленных. Растение у ног персонажей (в правой нижней части картины) носит название эрагrostис и происходит от греческих слов «эрос» (любовь) и «агrostис» (название рода злаков полевицы). Открытка с воспроизведением этой картины издавалась не только фотоспособом, но и типографским способом в технике фототипии.

В Омском музее изобразительных искусств имени М. А. Врубеля хранится редкий пример триптиха работы художника, состоявшего из картин «Дискобол», «С голубями» и «Ода» (1889). Он был создан по мотивам написанных в 1888 году великим князем Константином Константиновичем (поэтом К. Р.) гекзаметром стихотворений «Любо глядеть на тебя...», «Счастье ж твоим голубям!..» и «Завтра вот эти стихи...». Великий князь приобрел эти работы с Академической выставки в Академии художеств 1890 года, и они хранились в его Стрельнинском дворце. После революции триптих оказался в Государственном Ленинградском музейном фонде, откуда в 1927 году он был передан в Омск.

Три открытки с трех частей триптиха были выпущены Н. Н. Сергиевским,

¹ РГИА, ф. 789, оп. 13, 1914, е. х. 53, л. 323.

литератором и издателем журнала «Наша старина». Местонахождение остальных работ Бакаловича, выпущенных на открытых письмах до революции в черно-белом варианте, определить не удалось. Возможно, единственная открытка, выпущенная с ведома Бакаловича, – «Добрый самарянин» (или «Добрый самаритянин»). Бакалович предоставил известному благотворительному издательству рисунок без гонорара, подарив карандашный оригинал. Такой поступок в начале XX века считался видом художественной благотворительности.

В июне 1904 года в «Вестнике Российского общества Красного Креста» появилась заметка: «Академик Бакалович пожертвовал в Красный Крест свою картину на сюжет притчи о милосердном Самарянине. Воспроизведение этой картины названный художник предоставляет для отпечатания на открытых письмах, оригинал же может быть продан отдельно, а вырученная от продажи сумма должна поступить на нужды раненых и больных воинов»¹. Последнее упоминание о нуждах раненых и больных воинов не случайно – Русско-японская война была в самом разгаре.

В несохранившейся картине «Интересные беседы» (1885) Бакалович предельно внимателен к образам двух молодых римлянок, гуляющих лунною ночью по виридарии (саду богатого дома), и трех беседующих за беломраморным столом (картибулом) мужчин. Особый интерес художник проявляет к эффекту смены цвета и света вокруг лунного света, падающего на изображенные фигуры, на зелень растений, на архитектурный декор двора. Бакалович неоднократно делал повторы с этой картины, меняя ее отдельные детали и название («Майский вечер», «Эффект луны», «Античный дворик»).

«Мир с вами» (1900) – еще одна картина по мотиву «Quo Vadis». Небольшая скромная келья с низким потолком, квадратной нишей для посуды и деревянной мебели, в которой пожилой белобородый старец Апостол Петр благословляет влюбленных Лигию и Виниция. В XXXIII главе романа читаем: «Лигия вбежала в дом и, увидав Виниция, остановилась как вкопанная. Апостол Петр, подойдя к ней, спросил: «Лигия, любишь ли ты его по-прежнему?» Тогда она, опускаясь к коленям Петра, голосом смиренным и робким прошептала: «Да, люблю...» В единый миг Виниций оказался на коленях рядом с нею, и Петр, возложив руки им на головы, молвил: «Любите друг друга в господе и во славу его, ибо нет греха в любви вашей»².

Напечатанное на редкой открытке название работы Бакаловича «Прялка» (1911) явно ошибочно, правильное – «Пряха». В центре композиции – молодая девушка, стоящая на летней веранде с веретеном в руках. Художник с большим мастерством передал и образ пряжи, и горный пейзаж за ее спиной, прозрачность воздуха, эффект солнечных лучей, пробивающихся сквозь зелень, и тени, больше похожие на кружева.

В конце XIX – начале XX века в коллекции графики и иллюстрированных изданий Е. Е. Рейтерна, известной художественному Петербургу, оказалось несколько авторских офортов Бакаловича: «Вакханка» (1882), «Свидание» (1882), «Нарцисс», (1889), «Купанье», (1890?) и «Переулоч» (1890). Три последних художник отпечатал в Риме.

Остановимся на одном из них под названием «Вакханка». Согласно описанию Еврипида, вакханки – спутницы и почитательницы бога Дионисия, чувственные, необузданные, не знающие условностей. Существовала традиция изображать вакханок в ритуальном танце, полуобнаженными, в звериных шкурах, часто

¹ Помощь Красному Кресту со стороны различных учреждений и частных лиц. // Вестник Российского общества Красного Креста. – 1904. – № 28 (10 июня). – С. 390.

² Сенкевич Г. «Quo Vadis», глава XXIII. http://www.e-reading.club/chapter.php/51428/33/Senkevich_-_Kamo_gryadeshi.

подпоясанными задушенными змеями, с тирсами в руках. В живописи Ренессанса они мало чем отличались от танцующих нимф.

Совсем иной предстает вакханка на офорте Бакаловича. Обнаженная молодая женщина опустила голову, украшенную венком, на каменную подставку. Возможно, что, опьяненная весельем и плясками, она погрузилась в дрему, а может быть, опечалена и горюет... Лира без струн, которой касается рука вакханки, олицетворяет окончание мистической Вакханалии. Темный фон графической работы, создающий представление о входе в скалистый грот, подчеркивает белизну и тепло тела вакханки по контрасту с серыми и холодными каменными плитами в левой части композиции. И в такой непростой графической технике, как офорт, художнику удалось мастерски продемонстрировать свое владение свободным штрихом и искусством светотени.

Работа «Наполеон под Москвой у Малого Ярославца (Наполеон у Малоярославца)» работой Стефана Бакаловича считается ошибочно, и ошибка эта, к сожалению, «кочует» из издания в издание¹, в том числе встречается она и на дореволюционной открытке, которая, возможно, и была родоначальником неверной атрибуции. Автором картины является Ладислав Бакалович, отец Стефана. Подтверждение этому – живописная манера письма, весьма отличающаяся от узнаваемой академической манеры Стефана Владиславовича, и проданная на аукционе «Arcadja» во Франции (г. Фонтенбло) идентичная картина Л. Бакаловича «Наполеон, наблюдающий за горящей Москвой»², в которой создан тот же образ полководца.

Революция 1917 года разорвала художественные связи Бакаловича с Россией. Он потерял многих российских заказчиков – почитателей его творчества, лишившихся своего состояния или вынужденных эмигрировать в другие страны, и был вынужден искать новых среди иностранных любителей исторической живописи. До конца своих дней он жил в Риме. К сожалению, никто из российских филокартистов не знает, нашлись ли в Италии издатели открыток с его работ, чтобы иметь возможность судить об эволюции его творчества, так как большая часть созданных в этот период произведений неизвестна исследователям.

В 1940 года умерла Джузеппина, жена Бакаловича, в счастливом браке с которой он прожил целых 54 года. Увы, им не суждено было иметь детей. После тяжелой утраты Стефан Владиславович, почти совсем ослепший, уже не мог обходиться без посторонней помощи. В одном из последних писем (от 28 января 1946 г.) своему сводному брату Чарльзу Бакалович сообщал: «...Я почти слепой и не могу больше ни писать, ни заниматься живописью, ни рисовать, мне придется рассчитывать теперь на добрую волю моей племянницы Эммы Аллоизи, чтобы расшифровать мне письма и газеты, все остальное у меня хорошо»³. Художника не стало 2 мая 1947 года. Он умер в своей римской квартире на Via del Babuino, 135. Прах художника покоится на старинном католическом кладбище «Campo Verano» в Риме.

С работами художника зрители знакомились на художественных выставках, но в большей мере их знали по репродукциям на почтовых карточках. Хотя, по сравнению с другими современниками, на открытках было издано немного работ Бакаловича, их подборка дает довольно полное представление о его творчестве и основных произведениях, а также о тех работах, местонахождение которых сейчас неизвестно.

¹ Собрание Государственного военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (г. Санкт-Петербург).

² См. сайты: http://www.arcadja.com/auctions/en/private/bakalowicz_ladislau/artworks/1241/0 и www.artvalue.com.

³ Письмо хранится в семейном архиве родственников С. Бакаловича.



Амира РАДЖАБОВА

Слезы пахнут мокрой травой...

Страница боли

Сколько клеток в тетради в клетку?
Наверно, столько,
Сколько во мне пустоты!
И я заполняю каждую клеточку
Словами,
Которые отзываются болью в моей душе...

И я словно «парус одинокий»,
О котором поведал Лермонтов.
Я словно «молодой Вертер»
Иоганна Гете,
Я словно человек с полотна,
Который тащит на себе камни.

И так заполняю я клетки
Тетрадок в клетку.
Пишу про пройденные
По разочарованиям и боли пути.

И майнушки хотят со мной спорить,
И я кидаю в них крошками хлеба.
Не бойтесь, не причиню вам боли.
Ешьте без счета крошки,
Собирайтесь в полет
В дальние края.
И ваша подруга по боли
Скоро присоединится к вам.

Амира РАДЖАБОВА. Родилась в 1998 году в Самарканде. Окончила художественный колледж. Учится на факультете русской филологии СамГУ. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

Не любил

Ты чувствуешь,
Как пахнет кофе?
Так же пахнут мои слезы...
А еще мои слезы пахнут
Мокрой травой...

Ты никогда не чувствовал,
Что мои слезы пахнут?!..
Видимо, ты не чувствовал...
...Значит, и не любил.

Стать бы мне шкатулкой,
Красивой снаружи.
Манить улыбкой
И быть пустой внутри.
Я хочу быть такой:
Циничной и злой!
Зачем мне наивность
И блеск добрых глаз?!

Разве они что-то решают
В этой людской суете?..
Разве доброта поможет
Жизни стать иной?..

Словно белая полоса
С розовой пересекается
И присоединяется к ним
Черная строгая полоса.
Что же пишу я теперь,
Когда вожу ручкой по листку?
Наверное, про него опять...
хотя верить в это не могу.

Словно луч солнца
С тучей пересекается
И во все вмешивается
Дождик нескончаемый, и я плачу ...
Что ж так болит
Где-то в области сердца?
Наверное, чья-то душа...
Хотя... наверно, моя...

Опять надену очки
И спрячу свои слезы.
Ничего не изменится,
Если мои мечты
Превратятся в далекие звезды.

О, как я хотела бы
Жить, словно бабочка,
Всего лишь день,
Но летать, летать —
И улететь от проблем.

Та самая любовь

...Может быть, ты и есть
Та самая Любовь?!
От тебя ведь сердце
Бьется быстрее,
Ты согреваешь в холод,
Твой запах забываем,
Как запах Его...

С тобою хочется быть все время,
В тишине, при свечах...
И тайно тебя касаться...
И пусть никто не знает,
Как мне хорошо с тобой!

Мой горький и терпкий кофе,
Может быть, ты и есть
Тот самый,
С кем мне всю жизнь
Быть суждено?..

Тоскуя о далеком,
Сжимаюсь, сворачиваюсь улиткой.
Храня воспоминания,
Прячусь в панцирь.
Вспомнив случайно,
Становлюсь ежом.
Мне тяжело, мне трудно
Не думать и думать о нем...



Андрей СЛОНИМ

ШЕЛЕСТ ЛИСТВЫ ВОСПОМИНАНИЙ

1. И Я ПРИДУ НА УЛИЦУ СВОЮ...

*...И я приду на улицу свою –
Ту, прежнюю, которой нет желанней.
Я встречу с тем, чему я отдаю
Стремительный порыв воспоминаний...*

...Своя улица, несомненно, есть у каждого из нас.

Та, на которой ты родился и вырос? Отчасти да, но – вовсе не только. Ты прожил на ней свое детство и юность, теперь живешь совсем в другом месте, а вполне реальная улица живет особой жизнью, которая вершится в иных измерениях.

С одной стороны, она живет сегодня своей новой жизнью, живет без тебя. С другой стороны, она живет в твоём сознании иной жизнью – особой и мало объяснимой с точки зрения «трезвой» реальности. И невидимыми нитями сплетает воедино прошлое и настоящее, и бьется в этом единении нынешнее живое волнение. И ты ощущаешь неразрывное единение с ней – и с той, бывлой, и с нынешней, не схожей с прежней.

Прекрасный цветущий сад воспоминаний? Воистину, как сказал Поэт: «Тут не одно воспоминанье, тут жизнь заговорила вновь». Листва Памяти... Она шелестит в кронах сегодняшних реальных деревьев и звучит множеством мелодий прожитого, осознанного, не всегда понятого до конца, но неизменно живого! Она волнует цветными картинками того, что было, и окрашивает свершившееся и несвершившееся новыми красками. И, как и прежде, не дает ответов на большинство жизненно важных вопросов.

Мне доводится встречаться с «моей» улицей довольно часто. Как раз напротив дома, в котором я родился и вырос, находится здание Узгостелерадио. Здесь мне приходится нередко выступать. И я в многотысячный раз окидываю взором два заветных дома моей улицы – бывший дом семьи моего деда, знаменитого узбекистанского медика Моисея Ильича Слонима, и стоящий рядом дом его брата Соломона Ильича, который более ста лет тому назад стал первым рентгенологом Туркестанского края.

Андрей СЛОНИМ. Режиссер-постановщик ГАБТа им. А. Навои. Заслуженный деятель искусств Республики Узбекистан. Родился в 1949 году в Ташкенте. Автор поэтических сборников «Перекрестки», «Мгновения». Публиковался в журналах и альманахах Узбекистана и России.

Сейчас оба дома после многочисленных реконструкций несколько изменились: реконструированы перекрытия, обновлены оконные переплеты, слегка изменена конфигурация фасадов, но в целом они остались прежними.

Все так же шумят своей лиственной вековые дубы над этими домами, жизнь которых неразрывно связана с историей этих домов и хранит свои тайны. С детства, засыпая под шелест их листвы, а осенью – под мерный стук падающих желудей, я постигал их таинства, неуловимую недосказанность всего, что происходило как бы «рядом» с текущими событиями, но в неразрывной связи с ними.

Хочется избежать «сухой» хронологичности событий и попытаться связать минувшее с настоящим через призму осмысления ответов на множество вопросов. Вот почему кадры этих воспоминаний-размышлений, наверное, будут скорее «коллажем», чем серией событий во времени...

Наверное, прежде всего стоит обозначить некие «начала» событий. В конце восьмидесятых годов девятнадцатого века мои прадед и прабабушка прибыли на благодатную туркестанскую землю из далекого Оренбурга. Прибыли на верблюдах – никакой железной дороги между Ташкентом и Оренбургом тогда еще не существовало. В некоторых опубликованных материалах мне встречались сообщения о том, что мой дед приехал сюда со знаменитым «поездом ученых». Еще раз берусь заверить, что это не так – дед является коренным уроженцем нашей земли. Его отец – работник типографии – со своей женой воспитали четырех талантливых сыновей. Дед Моисей Ильич, окончивший ташкентскую гимназию с золотой медалью, а затем медицинский факультет Казанского университета, вскоре стал одним из виднейших медиков края. В те времена молодой врач получал блестящую практику как уездный лекарь. Получив богатый опыт во множестве уездов тогдашнего Туркестана, дед посвятил ряд своих изысканий борьбе со специфическими болезнями нашего края. Практика уездного врача предполагает, что в течение дня врач сталкивается с самыми разными заболеваниями: то ему приходится вырезать аппендикс, то – принимать роды, то – лечить горло или лёгкие, то – устранять последствия острой кишечной инфекции. Получив солидный опыт, пройдя несколько престижных стажировок в Петербурге, а позднее в Европе, мой дед стал авторитетнейшим медиком.

В его богатой судьбы особняком стоит встреча с зараженной чёрной оспой В. Ф. Комиссаржевской, которая, гастролируя в 1910 году в Ташкенте и Самарканде, в силу роковых обстоятельств была сражена этой смертельной тогда болезнью. Роковая трагичность этого события заключалась в том, что среди всех членов театральной труппы Вера Федоровна оказалась единственной, кто не сделал прививку против оспы. Потому остальные, кому было суждено подхватить коварную инфекцию, относительно благополучно преодолели болезнь. А вот самой Вере Федоровне победить смертельный недуг не удалось. Отыграв гастрольный спектакль «Бой бабочек», уже теряющая силу великая актриса слегла. К ней был вызван М. И. Слоним, как один из известнейших врачей. Всё, что было возможно – даже уже не для неосуществимого исцеления Комиссаржевской, а для облегчения ее состояния, он сделал, но в это время еще не было ни сильных препаратов, ни других серьезных средств, и, к прискорбию всех, болезнь унесла Веру Федоровну. А в архиве нашей семьи хранится врачебный дневник, где почерком, который сегодня трудно разобрать, дед фиксировал каждый момент состояния больной, чтобы любыми средствами постараться вырвать ее из объятий рокового недуга...

Хранится в нашей семье и большая фотография Веры Федоровны с автографами десятков актеров труппы Комиссаржевской и трогательной надписью: «Выдающемуся доктору М. И. Слониму – с благодарностью. Осиротевшая труппа...»

Брат деда – Соломон Ильич, увлекшись новыми для того времени возможностями диагностирования болезней, первым в Туркестане занялся рентгеновскими исследованиями. Практически с 1916 года он вел регулярное наблюдение больных, точно и выверенно определяя патологические изменения, и очень многим ему удалось помочь. Но тогда, на заре рентгенологии, еще мало кто знал о губительной силе больших доз рентгеновских излучений, и защита от них не применялась. В самом расцвете сил здоровье замечательного врача катастрофически ухудшилось: в результате облучений стали отказывать жизненно важные органы. И он ушел из жизни, не прожив и пятидесяти лет...

Из двух других выдающихся братьев деда Михаил Ильич занимался генетикой, а Лев Ильич был замечательным инженером. Занятия генетикой в суровые 20–30-е неизбежно приводили к роковым обстоятельствам в судьбе, и Михаилу Ильичу довелось познать и тяжесть репрессий за занятия «лженаукой», и... запоздалое признание в виде Государственной премии. О Льве Ильиче в сегодняшнем Ташкенте напоминает мост через реку Салар рядом со старым Ташми – для своего времени этот инженерный проект был смелым и достаточно новаторским...

А два дома на «моей улице»... Вкратце история их такова: в 1926 году государство стало активно поддерживать ученых, медиков, и на строительство домов для ведущих ученых были выданы ссуды. По проекту архитектора Бауэра были выстроены для семей братьев Слонимов два дома – немного разные по конфигурации, но похожие академичностью стиля. В начале 30-х семья Соломона Ильича переехала в Москву – и во втором доме разместились новые жильцы, он стал собственностью государства. А тот дом, в котором прошли мои детство и юность, до 1975 года был домом нашей семьи.

Во все времена этот дом представлялся мне чем-то особенным, хранящим свои секреты. С детства, замечательной поры, «когда деревья были большими», меня впечатляла необычайная высота потолков (более четырех метров!). Особая толщина стен обладала удивительным свойством – зимой они хранили тепло, а летом при закрытых в жару окнах сохраняли прохладу. У дома было и красивое парадное крыльцо, и замечательная, почти «онегинская», терраса, выходящая в густо засаженный деревьями и цветами сад. В саду росли три огромные голубые ели. Я говорю «огромные» не только потому, что так казалось в детстве, – они действительно были ветвистыми, раскилистыми, своеобразной, почти шарообразной, формы. У них тоже своя история. По инициативе коллег деда, живущих далеко за пределами Узбекистана, эти три саженца были привезены в кадках из Нальчика и высажены в саду. Со временем они разрослись, стали могучими и жили вместе с нашей семьей вплоть до переезда. Да и после этого с десятков лет еще просуществовали, а затем – при очередной реконструкции дома – исчезли навсегда.

Чтобы понять многое из истории нашей семьи, необходимо сказать, как бережно и многогранно дед и бабушка Марья Евсеевна воспитывали моего отца и его сестру. Бабушка окончила курсы зубных врачей, но стоматологом не стала, а, выйдя замуж за деда, выступила в иной роли – его супруги и матери его детей. Изысканно красивая в молодости, она хранила в своей внешности стиль «серебряного века». Прожив большую и насыщенную жизнь, она как бы охватила многие поколения нашего рода.

Дом профессора Слонима уже с тех давних лет стал удивительным центром общения людей самых разных профессий. Оставаясь высокопрофессиональным врачом, Моисей Ильич глубоко знал и чувствовал музыку, был большим почитателем оперы, театра, живописи. В числе любимейших и почетнейших гостей дома были актеры, певцы Ташкентского оперного театра, музыканты. А когда на гастроли приезжал какой-либо театр издалека, и его деятели становились самыми желанными гостями. Именно дед начал собирать коллекции оперных и музыкальных записей. И стоит ли удивляться тому, что в такой среде мои отец и тетюшка тоже приобщились к творчеству: музыке, пению, театру. Дед всячески способствовал этому – находил возможность отправлять детей в Москву в разгар театральных сезонов. Так мастерство тогдашних великих певцов московского Большого и спектакли других театров сформировали творческие устремления моего отца и его сестры.

Отец, закончив архитектурный факультет Ташкентского политехнического института, стал хорошим специалистом, глубоко знающим теорию и историю архитектуры и изобразительных искусств. Прекрасный живописец и рисовальщик, он оставил немало интересных художественных работ. Практически всю свою зрелую жизнь он блестяще преподавал историю архитектуры и искусства, проектирование на кафедре архитектуры Политехнического института, стал автором удачной методики преподавания этих дисциплин, блестящим лектором.

Стержень его методики состоял в соединении явлений архитектуры и искусства в единый историко-эстетический процесс, тесно связанный с эпохами, общественным строем и особенностями развития каждого государства. Обладающий пытливым аналитическим умом, умением проникать в суть явления, особой ироничностью, он умел осмысливать и обобщать. И учил этому свою аудиторию.

А рядом со всем этим жила его страсть к Музыке. И прежде всего – к оперной. С детства приобщенный к театру вообще и к оперному в особенности, он тонко разбирался в мастерстве пения, ценил артистизм и индивидуальность, музыку воспринимал всей глубиной души, умел услышать и оценить индивидуальные штрихи в исполнении. Его мнение ценили и считались с ним, советовались. Разумеется, и мой мир творческого восприятия музыки и пения целиком сформирован им.

Находя контакты с молодежью, он приобщал ребят своих курсов к серьезной музыке, коллекционированию пластинок.

Всё, что он делал, делал с наиполнейшей отдачей. В архитектурных вузах, помимо семестровых занятий, существует так называемый период «сплошного проектирования». В этот период идет работа над курсовыми проектами по избранной теме. И Евсей Моисеевич с увлечением искал с учениками эти темы, а выбрав, учил выполнять, привнося индивидуальные художественные качества.

...С самых ранних лет моей жизни в доме на «моей улице» меня окружало, помимо удивительного взаимодействия с родителями, множество книг на полках в шкафах и удивительное общение с «чудом техники» пятидесятых – патефоном с пластинками. Патефон привез еще дед в 30-е годы из своей правительственной командировки в Англию. Темно-красного цвета, с блестящей заводной ручкой, с эмблемой фирмы на крышке (знаменитая собачка, слушающая голос хозяина через трубу граммофона). Сейчас очевидно, что это знаменитый «лейбл» всемирно известной фирмы «His master s voice» («Голос его хозяина»), увековечившей творчество множества великих певцов и музыкантов. Мне доверяли с ранних лет и вставлять в зажим мембраны стальные иглы для прослушивания, и

заводить патефон ручкой, и вынимать из конверта чёрные пластинки с яркими этикетками, и читать надписи на этикетках. Да, это не оговорка – в 4-5 лет я уже бегом читал! Голосов было множество (продолжая традиции деда, отец собирал записи отечественных мастеров). Так что годам к 6-ти я отчетливо представлял, кто такие Козловский, Лемешев, Обухова, Пирогов, Рейзен, Максакова, чем отличаются их голоса. Разумеется, я погрешу против истины, если скажу, что понимал все, о чем пели эти мастера, но неизменно завораживала энергия их «излучения». Уже тогда меня регулярно водили в оперу. Сначала – в нашу, ташкентскую, и не только на детские спектакли, позднее – в Московском Большом.

Книги... Их также было много – разных, больших и малых по объему. До сих пор живо ощущаю приятную прохладу зашторенной столовой в жаркий летний день, прикосновение кожаной обивки кресла, а в руках – книга с полки шкафа. И не какая-нибудь, а однотомник Э. Ростана. В те годы наиболее впечатлен я был образами петухов и кур из «Шантеклера», лепил из пластилина персонажей этой пьесы. Занимал воображение и романтик Сирано, уже тогда с остротой воспринимались и его беззаветная любовь, и храбрость, и трагический финал...

...«Монтажный план» повествования позволяет перейти к образу моей тетушки, сестры отца – Юдифи Моисеевны Слоним – личности весьма неординарной.

Экстерном закончив среднюю школу в 15 лет, она подала документы в Ташкентский Государственный университет. В приемной комиссии ей сказали четко и кратко: «Детей не принимаем!» Но один из членов комиссии из любопытства решил побеседовать с необычной абитуриенткой. В результате она удивила его своими познаниями по всем полагающимся дисциплинам и была принята в вуз, блестяще окончила университет и в 20 лет пришла на работу в Ташкентскую астрономическую обсерваторию. И вот здесь в течение 65 лет (!) она успешно возглавляла отдел физики Солнца вначале ташкентской Обсерватории, затем – института Астрономии, провела тысячи наблюдений и фотографирований солнечного диска, выявила множество закономерностей солнечной активности, написала сотни работ, на которые ссылаются ученые многих стран мира. Значимость ее исследований физики Солнца, помимо своего прямого назначения, была весьма важна и полезна в отечественных разработках вылета в космос, так как пребывание человека в космосе неразрывно связано с режимом солнечной активности, с интенсивностью солнечной радиации, и нужны поиски оптимальных моментов для работы космонавтов. Обе свои диссертации – и кандидатскую, и докторскую – она защищала по совокупности опубликованных работ (что в научном мире весьма нечастое явление!). Обладающая мужским складом ума, принимая твердые и верные решения, умея осмысливать и обобщать, будучи принципиальной, она воспитала несколько поколений учеников и последователей, многие из которых стали видными учеными. Отличаясь редкостной добротой души, способностью понимать, блистательным чувством юмора, но не познав, к сожалению, гармонии в личной жизни, она до последнего дня своей долгой жизни не утратила лучших качеств. Парадоксально, но в нашей семье мужчины вообще не курили, а вот тётушка и мама отдали дань этой слабости: сигареты были неотделимы от уклада жизни тети до поры, когда ей довелось серьезно надорвать сердце. Воля и разум взяли верх, и оказалось, что без сигарет она вполне смогла жить и работать еще добрых два десятка лет. До последних дней к ней домой приносили научные труды, диссертации, исследования, она терпеливо и глубоко вникала в них, подкашивая, советуя. Друзья и коллеги из разных стран навещали ее дома, показывая удивительные

результаты наблюдений солнечных затмений в разных странах мира.

Она старательно приобщала меня с раннего возраста к знанию карты звёздного неба, показывая летом созвездия и яркие звезды. Позднее часто приводила меня к себе на работу – в Астрономический институт, увлеченно показывала телескопы и другие приборы, демонстрировала в проекции на маленький экран диск солнца с пятнами. В ее распоряжении всегда была самая передовая техника. Она очень гордилась специально собранным на территории института Астрономии специальным горизонтальным телескопом, с помощью которого можно было наблюдать Солнце в 60-е годы.

...Терраса нашего дома, выходящая в сад, днем была светлой, излучающей радость. Сам сад ближе к террасе был облагорожен, в дальней своей части – диким, заросшим. В саду было несколько кустов сирени, вокруг голубых елей цвели пионы, красные, белые и розовые, и множество роз. В саду можно было с удовольствием читать, с друзьями мы с упоением играли в игры, которые могут показаться непривычными для современного читателя: сооружали из картона рыцарские доспехи, проводили рыцарские турниры, посвященные «прекрасным дамам». Или превращались в диких жителей неких островов, сооружали себе из раскрашенных тополевых веток идолов, исполняли перед ними ритуальные танцы или придумывали еще нечто подобное.

А вечером, когда сад погружался во тьму, а под абажуром на террасе оставался островок света, таинственный сад настраивал на особый, сказочный, лад. Фантазия будила особые образы, подталкивая к творчеству.

Недавно снова был на «своей улице». Снова приходил в Узгостелерадио на запись оперы. Снова окинул взглядом два дома. Их сейчас заново ремонтируют, окрашивают в желто-белую гамму. Дубы всё те же, раскидистые, шелестящие своими кронами. Я выбрал время и поднялся на тротуар перед домами. И почудилось мне, что в шелесте листья я, как в юности, слышу звуки шагов – и людей, и событий...

II. В СТАРОМ ДОМЕ...

*...В старом доме вновь шторы трепещут от ветра,
Что в окно залетел из сегодняшних дней...*

В нашем прежнем доме на окнах были шторы – холщовые, непривычные для современного взора. На тройной системе шнуров они поднимались и опускались, создавая вечером особый уют. А в летнюю жару зашишали от палящих лучей, сохраняя в доме относительную прохладу.

А сам дом жил по законам всех старых домов (как во всех сказках, включая андерсеновские): в тишине ночи «оживал» скрипом половиц, таинственно потрескивали полки в книжных шкафах. География дома была обширной: чтобы пройти на террасу, надо было проделать путь через 3 довольно большие комнаты и длинный коридор. В самой большой комнате – столовой – стоял старинный шкаф-буфет. Он представлял сложную конструкцию из трёх ярусов. Нижний комод был сплошным, с множеством выдвижных ящиков. Над всем этим возвышалась колоннада, образующая второй «этаж» шкафа – свободное пространство между круглыми колоннами причудливой формы. А венчало все это сооружение мощное верхнее отделение, средняя часть которого была выше двух боковых. На дверцах буфета была причудливая резьба, сплетающаяся в единый узор и выющиеся ветви, и птиц, и что-то не совсем понятное, но притягивающее взор. В странности контуров представлялись то очертания неведомого лица, то причудливые фигуры, то листья

каких-то растений. И каждый раз таинственные узоры казались совершенно разными.

В этой комнате висела и причудливая люстра – огромная, с массивным латунным диском основания и с особыми светильниками, каждый из которых обрамляла своеобразная «бахрома» из стеклянных подвесок. И когда в комнату сквозь открытые окна влетал ветер – подвески чуть слышно позванивали.

Под люстрой стоял большой раздвижной стол, вокруг которого в раздвинутом состоянии помещалось свыше 20 человек. Именно такие компании собирались за этим столом во времена деда. Круг людей, сидевших под большой люстрой, был весьма интересным: известнейшие врачи города, музыканты, певцы, астрономы – коллеги тётушки, архитекторы, писатели. Горячо обсуждались произведения разных толстых журналов, звучала музыка, пение. Старинный рояль «Шрёдер», стоявший в этой комнате, знал игру виртуозных исполнителей, в частности Виссариона Слонима. Приехавший в Ташкент в эвакуацию с Ленинградской консерваторией, Виссарион Исаакович надолго остался в Ташкенте, часто репетировал и играл в нашем доме. Звучали в этой комнате и голоса многих наших оперных певцов. Среди них выделялось горячее яркое сопрано нашей известной солистки Любови Александровой. Мало кому известно, что именно ее незабываемый голос звучит и сегодня фильме «Воздушный извозчик», хотя её имя даже не упоминается в титрах! Все события того времени: и приезд легендарного Ива Монтана, и первый конкурс имени П. Чайковского с впервые прозвучавшим именем «Ван Клиберн», и первые успехи на сцене московского Большого Г. Вишневской и И. Архиповой, и многие другие также – горячо обсуждались. Это было святой семейной традицией, к которой с раннего детства приобщался и я и у истоков которой по разным многочисленным свидетельствам стоял мой дед.

Во всех словесных «легендах» о деде, в рассказах моих родителей и знакомых преувелировала информация о его необычайной открытости, стремлении к общению. Родные любили рассказывать, что нередко, придя домой после тяжелого и непростого дня, он допоздна работал в кабинете над очередной статьей, корректировал диссертации и статьи учеников, готовился к докладам на конференции, но... дверь его кабинета в ту большую столовую под люстрой была всегда открыта! Какой-то частью сознания он стремился уловить атмосферу покоя и гармонии за столом и не только вникнуть в суть того, что обдумывал в этот момент, но и стать косвенным участником происходящего, не отрываясь от основной работы. В любой ситуации, даже после непомерной дневной нагрузки, он готов был не только включиться в происходящее в доме, но и отправиться помогать любому, кто обращался к нему за помощью, поэтому было неуклонное предписание непременно отвечать на любой ночной звонок.

Службы скорой помощи еще не существовало, а транспортная жизнь тогдашнего «одноэтажного» Ташкента замирала практически с заходом солнца! Потому поход к больному нередко совершался пешком, порой в относительно дальний конец города. Опытнейший врач, он практически всегда ставил диагноз с первого обследования больного и назначал лечение, хотя никаких приборов не было и в помине, кроме тонометра для измерения давления, а в последний период жизни деда появились приборы, фиксирующие электрокардиограмму сердца.

По рассказам больных, материальное положение которых в те времена было, мягко говоря, нестабильным, после ухода доктора Слонима они находили под своими подушками... деньги на приобретение лекарств и питание. Из рассказа отца я узнал о том, что в тревожные годы войны дед вместе с ним шел через город, чтобы помочь тяжело больному выдающемуся певцу Ивану Васильевичу Ершову, эвакуированному на нашу землю вместе с Ленинградской консерваторией.

Будучи добрым и отзывчивым, он мог быть и решительно нетерпимым, непримируемо жёстким ко всякому проявлению непорядочности, нечистой совести.

Отец неоднократно упоминал, с какой горячностью дед распекал недобросовестного, хотя и довольно известного в те времена прораба, допустившего принципиальные ошибки при строительстве одного из зданий Института усовершенствования врачей. В результате этот человек был уволен, и его место занял другой – компетентный. Занимаясь в суровые годы войны организацией работы госпиталей Узбекистана, осуществляя лечение раненых, профессор М. И. Слоним всегда проявлял принципиальность, волю и настойчивость в решении важных проблем на самых высоких уровнях.

В биографии деду много раз можно поставить слово «первый»: первый декан медфака вновь созданного ТашМИ, первый директор вновь созданного Института усовершенствования врачей. В его жизни важное место занимает встреча и большая дружба со знаменитым врачом-хирургом – Валентином Феликсовичем Воино-Ясенецким (он же – выдающийся архиепископ Лука, редкостно сочетавший в своей судьбе талантливейшую деятельность врача-хирурга и великого церковного деятеля). Во время суровых гонений на служителей церкви М. И. Слоним дважды помогал коллеге и другу выпутаться из очередных преследований органами НКВД, и его авторитет смягчал настырность устремлений многих тогдашних вождей. Но настали более тяжелые времена – и великий врач и священник архиепископ Лука вынужденно покинул пределы Туркестана. Его великая судьба отмечена множеством парадоксов – от репрессий до Сталинской премии за великий труд «Основы гнойной хирургии» – книги, которая стала настольной не только для хирургов Второй мировой войны, но и для многих последующих поколений врачей.

Международный авторитет М. И. Слонима был настолько велик, что имя его было известно и почитаемо далеко за пределами Узбекистана. Один из парадоксов этой известности проявился и в том, что о награждении деду орденом Ленина (высшей союзной правительственной наградой в те времена!) наша семья впервые узнала... из телефонных и телеграфных поздравлений коллег и друзей, здесь же, в Ташкенте, эта новость была еще неизвестна: центральные газеты тогда доставлялись из Москвы в Ташкент самолетами с запаздыванием на 1-2 дня.

В грозные годы войны на плечи деду указом даже не местного, а центрального правительства было возложено руководство всеми узбекистанскими госпиталями, в которых проходили лечение эвакуированные солдаты и офицеры. Служебная, психологическая и физическая нагрузки были небывало огромными, как и ответственность. Это серьезно подорвало здоровье М. И. Слонима, и в конце 1944 года он тяжело заболел – перенес обширный инфаркт. Методика лечения этого недуга в те годы была несовершенна, но сам дед неоднократно выводил из критических состояний многих больных с этим грозным диагнозом. Разумеется, как опытный клиницист, он великолепно знал коварные свойства этого недуга, быть может, по этой причине авторитетные коллеги, лечащие его, не рискнули показать ему его истинные кардиограммы, наверное, с благой целью не перегружать его негативной информацией. И до сих пор в глубинах моего сознания гнездится саднящая мысль, что, быть может, стоило бы показать ему объективную картину, несмотря на ее серьезность. Возможно, его опыт помог бы «вытащить» и самого себя. Болезнь как бы отступала, дед находился уже дома, с радостью встретил весть о Победе, но 26 мая, изучая в кресле диссертацию одной из своих лучших учениц, впоследствии профессора и академика Зульфии Ибрагимовны Умидовой, он скоропостижно ушел из жизни. Проводить деду в последний путь собрался почти весь Ташкент. Решением правительства профессор М. И. Слоним нашел свое последнее упокоение в парке родного ТашМИ, недалеко от корпуса, в котором долгие годы работал. Обелиск над его захоронением по сей день стоит в парке недалеко от исторического здания терапевтической клиники, которая долгие годы носила его имя...



Елена КАМИНСКАЯ

«НО ПОЙДИТЕ ПЕШКОМ ПО БОРОДИНУ...»

Большинству читателей и исследователей С. П. Бородин известен как мастер исторического романа. Большую популярность в 50–70-е годы писателю принесли «Звезды над Самаркандом» (роман-эпопея), а в 40-е годы – роман «Дмитрий Донской». Круг традиционных вопросов, связанных с поэтикой исторического романа, обсуждался на протяжении нескольких десятилетий с момента выхода в свет произведений С. П. Бородина. Принимал участие в обсуждении и сам писатель, подробно разъясняя свою творческую позицию.

Думается, что сегодня пришло время открыть новую страницу в бородиноведении, на которой, по нашему мнению, должно появиться то, что осталось за рамками исследований XX века, то, о чем даже сам писатель предпочитал не упоминать.

М. О. Гершензон еще в начале XX века разработал технику «медленного чтения», утверждая в качестве главного теоретического тезиса необходимость ходить по тексту пешком, чтобы малейшие нюансы не ускользали от взора читателя. Чтобы открылась «мудрая и прекрасная плоть слова», читать надо, по мнению исследователя, «медленно и созерцательно, как пешеход, который на ходу видит все в подробности, и наслаждается видимым, и познает новое». В случае с творчеством С. П. Бородина не все зависело от читательского восприятия. Часто вмешивалась эпоха, навязывающая литературную маску и требующая неукоснительного следования предполагаемому этой маской амплу. Так писатель мог оказаться пленником в своей собственной творческой, пусть даже подчас золотой, клетке. Для литературного процесса и литературоведения XX века (вплоть до конца 80-х годов) это не было редкостью. И творческая судьба С. П. Бородина (при всем внешнем благополучии) не была исключением. Его раннее творчество пришлось на 30-е годы.

В 1932 году вышел в свет роман в новеллах «Последняя Бухара». Подобно древнему запечатанному сосуду, это произведение хранит множество тайн, не открытых до сегодняшнего дня, не описанных, не преданных

Елена КАМИНСКАЯ. Доцент, докторант кафедры мировой литературы НУУз. Родилась в 1978 г. в Ташкенте. Окончила НУУз. Автор многочисленных литературоведческих статей по проблемам русскоязычной литературы в Узбекистане.

огласке.¹ Это произведение относится к раннему этапу творчества, поэтому необходимы достоверные сведения о его поэтике, иначе невозможно составить общее представление о личности писателя и его художественной концепции.

40-е годы, трагические и роковые для современников писателя, не оставили его равнодушным ни как человека, ни как творца. Самой судьбой было предопределено, что в преддверии трагических событий был почти закончен его первый исторический роман «Дмитрий Донской». Возможно, именно это совпадение творческого замысла с реалиями жизни заставило писателя продолжать работать в данном направлении. Хотя к концу 40-х годов вполне оформился замысел не исторического (как предполагал сам писатель), а психологического романа. Речь идет об образе Андрея Рублева.

История – ключевое звено художественной концепции С. П. Бородин, и подкреплялось оно в творческой работе писателя таким понятием, как память, и преобразовывалось в концепцию памяти. Не ставя своей задачей детальное рассмотрение вопроса о формах истории, представленной в исторических романах писателя, отметим, что, настраиваясь на создание «Андрея Рублева», писатель предпринял ряд попыток организовать творческую лабораторию по уже имеющемуся образцу: он начал с детального изучения исторического (прежде всего летописного) материала. Об этом свидетельствуют черновые материалы, большая часть среди которых именно выписки из источников, дающих представление об эпохе, очерчивающих общий событийный ряд.

С. П. Бородин был, как всегда, педантичен в работе с историческим материалом. Но творческая лаборатория, сформированная писателем для работы над «Андреем Рублевым», не получила ни развития, ни завершения. В чем причины этого «творческого провала»? Ведь если рассмотреть сложившуюся ситуацию с точки зрения литературоведения, например, в аспекте поэтики заглавия, то все должно было получиться. Исторический роман «Дмитрий Донской» передавал эстафету историческому роману «Андрей Рублев», тем более что в первый включена так называемая линия «юного Рублева».

И в первом, и во втором случаях, как видно из заглавий, в центре стоит масштабная, выдающаяся личность. С той лишь разницей, что Дмитрий Донской – проводник общественно-политической проблематики, поэтому через него писатель вышел на образ народа как силу, впитавшую мощь былинных богатырей. Андрей Рублев – иконописец, поэт и философ, творческая, неординарная личность. Рублевское понимание исторического круга было зашифровано в знаменитой «Троице», и выход на образ народа мог быть только через личность творца, которую надо было «прожить» и описать. Сам С. П. Бородин осознавал разновекторность Донского и Рублева, а следовательно, и разновекторность путей в организации творческой лаборатории.

Среди черновых материалов сохранились отдельные фрагменты, касающиеся самого романа, из которых видно, что Андрей Рублев «не давался» писателю как лицо исключительно исторического масштаба и значения. Даже вне воли автора в творческий процесс «врывался» психологизм. Приведем один из таких фрагментов, где описывается смерть Андрея Рублева: «Старость как нечто постороннее, обступившее Андрея: – Седина меня охватывает, как дым! – Дыму без огня не бывает. – Задыхаюсь от дыма! Задыхаюсь. Он пытается ещё писать. Берёт кисть. Кисть выпадает, откатывается к порогу. Смерть. Дионисий поднимает выпавшую из Андреевых рук кисть. 11.1.41».

¹ Среди неразрешенных проблем поэтики выделим отсутствие единого мнения о главном герое романа в новеллах. В структуре повествования находятся два «магических треугольника», которые вписаны друг в друга – «Азиза→Бози-Рафт→Исо» и «Бухара→Самарканд→Иерусалим». Открытым остается вопрос о культурных кодах, скрытых в подтексте. Например, еврейская тема в романе (в ее связи с индивидуально-авторской картиной мира).

Природа гражданственности и патриотизма (как и мотивация к деятельности) была у героев различной. В случае с Андреем Рублевым эти священные понятия могли быть введены в текст только в опосредованном виде – через творения великого мастера. К народу и общественной проблематике нужно было идти через внутренний мир творческой личности. С. П. Бородин – писатель не только талантливый, но и прозорливый. Его выход в конце 40-х годов на «рублевскую» тематику не был случайным.¹

Проблема творческой личности подразумевает постановку вопроса о роли и месте культуры в ту или иную эпоху, выход на духовный уровень общества. Если в случае с «Дмитрием Донским» показать былинную мощь народа было художественно оправданной стратегией, так как достижения Донского оценивались в аспекте исторической перспективы: изменения в масштабах Руси, освобождение целого народа, обретение желаемой свободы (такая идейно-тематическая линия – воплощение подлинного монументализма, уходящего корнями в «Повесть временных лет»), то «Андрей Рублев» – это путь к свободе личности, новый шаг в творчестве (по-своему эпохальный). Это монументальность иного рода, не обладающая сиюминутной результативностью.

Сегодня в социокультурной ситуации XXI века мы можем констатировать, что С. П. Бородин не ошибся с выбором героя: Андрей Рублев и его «Троица» и по сей день остаются духовным и культурным ориентиром, символом духовного возрождения и творческого вдохновения, творческой многогранности. Гражданственность и патриотизм Андрея Рублева выходят далеко за религиозные рамки, силой творчества преодолевая притяжение самого колеса истории. И что самое главное, такой герой, как Андрей Рублев, – художник, поэт, философ, мечтатель, чье творчество и на уровне формы, и на уровне содержания относится к области эксперимента, был созвучен эпохе и начала, и середины XX века, т. е. времени, когда одна за другой шли волны агрессии и непримиримости по отношению к православию и иконописи.²

С. П. Бородин почувствовал необходимость такой художественной линии в русской литературе 40–50-х годов, как тема искусства, а также постановки вопроса о герое эпохи, которым мог стать (или должен был стать) человек искусства, например, художник. Через искусство могла по-новому звучать и религиозная нота как основа основ духовной жизни общества. Сама живописная тематика была близка писателю, который, начиная свой творческий путь, стоял перед выбором: живопись или литература.³ Живопись, вне всякого сомнения, осталась в прозе писателя в разных формах. На уровне текста – это звуковые орнаменты, так называемая

¹ Вернемся еще раз к его словам: «...история никогда не повторяется в деталях, сходны в ней только ведущие тенденции общественного развития...». К таким ведущим тенденциям общественного развития относится и тема гражданского долга и гражданской позиции творческой личности (темы «поэт и поэзия» «творец и его эпоха», «творец и толпа», «поэзия как нерукотворный памятник» и др.).

² Данная проблема нашла отражение в произведениях Вл. Солоухина «Славянская тетрадь», «Письма из Русского музея», «Черные доски». Написанные в 60–70-е годы, эстетические воззрения писателя к сохранению и почитанию икон не потеряли своей актуальности (первая волна иконоборчества относилась к 20–30-м годам, после небольшого перерыва в 40-е годы и возобновилась уже в 60-е годы). «Актом гражданского мужества» называет книги Вл. Солоухина исследователь В. Лепахин. См. Лепахин В. Икона в русской художественной литературе. Иконы и иконопочитание, иконописи и иконописцы. – М.: Отчий дом, 2002. – С. 698.

³ В автобиографическом очерке «Дороги» (1972) писатель так описывает «Белевский» период своей жизни (в начале 20-х годов С. П. Бородин был членом художественной студии, которой заведовал ученик Репина художник Т. И. Катурыкин): «В ту пору живопись занимала меня больше литературы. В богатейшей Белевской библиотеке, куда свезены были многие ценнейшие книжные собрания из помещичьих усадеб, нашлось много книг по искусству, по истории искусств, живописных альбомов и монографий, и свое свободное время я проводил там, погружаясь во все это. На ежегодных выставках я выставлял свои пейзажи, и каждый раз в местных газетах мои работы отмечались добрыми отзывами». В 1922 году, после переезда в Москву, С. П. Бородин поступает в Высший Литературно-художественный институт, организованный Валерием Брюсовым, и одновременно представляет свои живописные работы во ВХУТЕМАС, где среди членов комиссии были К. Ф. Юон, И. Э. Грабарь, В. К. Баязинский-Биргула. Литературный путь и творческая школа В. Брюсова, как считал С. П. Бородин, «углубит гуманитарное образование» и откроют возможность для «многосторонних знаний». Писатель не ошибся в выборе. Яркое свидетельство тому – его многоплановые художественные ансамбли-романы.

живописность стиля. На идейно-тематическом уровне – это всестороннее раскрытие темы творчества и образа творца. И главное – раскрытие темы свободы творчества, права художника на творческий полет мысли, на возможность самовыражения.

Для 30–40-х годов, когда бесчинствовала литературная критика, руководствовавшаяся исключительно политическими резолюциями, была создана «зона отчуждения», куда попали многие писатели, поэты, деятели культуры и искусства, в том числе небезразличные для С. П. Бородин А. Платонов и А. Ахматова. Такой образ эпохи, который к концу 40-х годов становился все более нелицеприятным и тяготеющим к схематичности – совершенно в духе замятинских стеклянных колпаков, определял специфику литературного процесса. Можно ли было в такой ситуации говорить об образе народа как о связующем звене «прошлое-настоящее», когда безликое «мы» (так точно обрисованное Е. Замятин¹) «пожирало» малейшие ростки свободомыслия и творчества и было литературным пророчеством, возвещавшим наступление «каменного века»², когда любое упоминание о культуре в личности и вне ее подвергалось разрушению?

О чем же должен был быть роман (обязательно психологический) «Андрей Рублев», появившись он (пусть даже в рукописном, а не печатном виде) в конце 50-х годов?³ Особенно если учесть, что уже к 30-м годам такой литературный опыт был в русской литературе благодаря произведениям М. Булгакова, Е. Замятина, А. Платонова, М. Пришвина, М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова, ряда писателей «русского зарубежья» (А. Ремизов, И. Бунин, Б. Зайцев, И. Шмелев).

Одно из ключевых звеньев в литературном процессе – роман Б. Пастернака «Доктор Живаго». В его поэтике многое было близко неосуществленному замыслу романа С. П. Бородин, в том числе особое отношение к творческой личности. Глубина психологизма, основанная на особом восприятии мира сквозь призму красоты и прежде всего красоты слова. Отсюда особое отношение к имени героя (и, соответственно, к заглавию). «Так эстетическая категория приобретает нравственные параметры, а Живаго хочется “производить красоту” в ответ на опустошение, произведенное смертью. Но все это уже было у предшественников, меньше или столько же, но было. Развитие понятия мы находим в ином направлении – во внимании к слову, в определении роли слова для образа гармонии и красоты».⁴

Приведем мысль Давшан А. Н. относительно поэтики заглавия, основанного на имени героя, являющегося творческой личностью: «Юрий Живаго, владеющий словом, и понимает глубже, и чувствует острее. Эта особенная примета героя перекликается с позицией А. Ф. Лосева в его книге “Философия имени”: “Человек, для которого нет имени, для которого имя только простой звук, а не сами предметы в

¹ См. Замятин Е. Мы / Замятин Е. Избранные произведения. Повести, рассказы, сказки, роман, пьесы. – М.: Сов. писатель, 1989. – С. 547–682.

² «Ледники, мамонты, пустыни. Ночные, черные, чем-то похожие на дома, скалы; в скалах пещеры. И неизвестно, кто трубит ночью на каменной тропинке между скал и, выходящая тропинка, раздувает белую снежную пыль; может быть, серокоготный мамонт; может быть, ветер; а может быть – ветер и есть ледяной рев какого-то мамонтейшего мамонта. Одно ясно: зима... Между скал, где века назад был Петербург, ночами бродил серокоготный мамонт. И завернутые в шкуры, в пальто, в одеяла, в лохмотья – пещерные люди отступали из пещеры в пещеру...» – так Е. Замятину видится неумолимо вступающий в свои права XX век, где есть только пещерный хаос и «в центре всей этой вселенной – бог, коротконогий, ржаво-рыжий, приземистый, жадный пещерный бог: чугунная печка». См. Замятин Е. Пещера / Замятин Е. Избранные произведения. Повести, рассказы, сказки, роман, пьесы. – М.: Сов. писатель, 1989. – С. 372.

³ Давшан А. Н. отмечает следующее: «В истории культуры 20–50-х гг. трагических судеб разных художников больше, чем за все предшествующее время существования русской литературы. Но на страницах художественных произведений образов писателей, поэтов, художников очень немного, или они появляются в повествовании на короткий миг без связи с прошлым и будущим». См. Давшан А. Н. Творчество Михаила Пришвина в контексте мировой литературы. – Т.: Mumtoz so'z, 2012. – С. 94.

⁴ Давшан А. Н. Указ. сочинение. – С. 76.

их смысловой явленности, этот человек глух и нем, и живет он в глухонемой действительности. Если слово не действительно и имя не реально, не есть фактор самой действительности, наконец, не есть сама социальная (в широком понимании этого понятия) действительность, тогда существует только тьма и безумие, и копошатся в этой тьме только такие же темные и безумные, глухонемые чудовища. Однако мир не таков". Но такой мир доступен, подарен только Юрию Живаго».

Исследователь констатирует: «Гибель красоты волновала писателей XIX века, ибо художник без идеала не мог жить. Торжество безвкусицы губило гораздо больше людей, но это стало проблемой XX века. Безвкусица превращалась в пошлость, пошлость обезличивала человека. Личность, таким образом, переставала существовать».¹ Ключевым вопросом для русской литературы XX века А. Н. Давшан называет поиск пути возрождения личности. И хотя Б. Пастернак «на этот вопрос не отвечает в романе», исследователю удается выйти на метатекстуальный уровень и выявить наличие особого типа героя – «человека пишущего» (*homo scribens*).²

Роман об Андрее Рублеве вполне мог быть частью диалогической ситуации в рамках классической проблемы поиска «героя эпохи», в том числе творческого диалога с Б. Пастернаком. Такой диалог был во многом подготовлен именно «Последней Бухарой», где в роман в прозе вписаны поэтические фрагменты (отдельные стихотворения и стихотворный цикл). Поскольку идея об образе Андрея Рублева не оставляла С. П. Бородину на протяжении всего творческого пути, то с большой долей вероятности можно говорить о том, что такое произведение могло появиться и в 70-е годы, уже после «Звезд над Самаркандом», тем более что и в романе-эпопее есть указания на этот образ (в неоконченной четвертой части эпопеи «Белый конь» в четвертой главе «Лес», напечатанной в журнале «Звезда Востока» в № 9 за 1962 год).³

Такой «Андрей Рублев» в контексте 70–80-х годов вполне мог быть созвучен прозе Андрея Битова и Чингиза Айтматова.

Интересно, на наш взгляд, что в процессе изучения поэтики Чингиза Айтматова и Улугбека Хамдама Н. Сыздыкбаев выходит на такие типы героев, как «человек

¹ Давшан А. Н. Творчество Михаила Пришвина в контексте мировой литературы. – Т.: Mumtoz so'z, 2012. – С. 76.

² «На основе имагологии, то есть исследования образа, составляющих его факторов и форм, мы выявили нового для литературы XX века героя – «человека пишущего» или *Homo scribens*. Творческая личность в образе человека пишущего выводит роман Пришвина «Кашеева цепь» на линию поисков героя русской литературы XX века. Современники Пришвина Бунин и Пастернак, позже Битов, Довлатов, Пискунов независимо друг от друга также выбирают своим героем *homo scribens*. Анализ их главных книг убеждает, что судьба творческой личности не может состояться без таких концептуальных моментов или ценностных доминант, как представления о себе как связующем звене в историческом процессе; без чувства родины – природы как первых камешков будущей духовности; без подчинения красоте как формуле жизни; без любви как мере отношения к миру и человеку. Наконец, инвариантом человека пишущего становится его словесное творчество, воссозданное в образе Слова. Общность концептуальных моментов в формировании названного героя при явном стилистическом, композиционном и прочих уровнях различия является подтверждением типологической закономерности этого художественного образа». См. Давшан А. Н. Указ. соч. – С. 208–209.

³ Исследователи, опираясь на заключительную часть эпопеи, говорят о замысле нового романа С. П. Бородин, который должен был быть начат в 70-е годы. Мнение об «Андрее Рублеве» было именно как об авторском замысле (которому, к сожалению, не суждено было осуществиться). Не удивительно, что информация об «Андрее Рублеве» помещалась чаще всего в конце того или иного исследования. Так, делая обзор творчества писателя, И. Темкина дает следующий финальный тезис: «Завершая эпопею, Бородин думал о новых книгах. Он хотел вернуться к замыслу романа об Андрее Рублеве. Упоминания о Рублеве встречаются в набросках «Белого коня». Художник был современником Тимура и Дмитрия Донского». См. Творчество русских писателей Узбекистана. Монографические исследования. Часть 1. – Т.: Фан, 1982. – С. 49. В последнем выводе автореферата К. Р. Бабаджановой читаем: «Богатейший историко-культурный пласт, эстетически освоенный в процессе работы над эпопеей об Азии, бесспорно, стал бы прелюскающей новых художественных открытий и решений в романе «Андрей Рублев», над которым писатель собирался работать после завершения четвертой книги эпопеи – «Белый конь». Интереснейшему замыслу не суждено было осуществиться...» См. Бабаджанова К. Р. Мастерство С. Бородин-ориенталиста и проблема узбекско-русских художественных связей (эпопея «Звезды над Самаркандом»). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Т., 1989. – С. 20.

религиозный» (*homo religious*)¹, восходящий к булгаковской традиции, и «человек ищущий» (*homo reperiens*).² Роман о творческой личности требовал от писателя не только знания своей эпохи и умения привести творческий замысел к созвучию с миром, наполненным событиями. Главным было другое, с чем С. П. Бородину было справиться намного труднее, – диалог со своим внутренним «я», часто именуемым «alter ego», скрытым не только от посторонних глаз, но и от самого себя.

Для С. П. Бородина обращение к образу Андрея Рублева было возвращением к себе: к себе «другому», «сокровенному», так и не открытому исследователями и самим писателем. Андрей был «вторым “я”» писателя. Само имя для С. П. Бородина было исполнено глубокого философского смысла, было неким духовным ориентиром. Интересен в этой связи факт, что в 40-е годы С. П. Бородин опубликовал в одном из религиозных изданий очерк под псевдонимом «Андрей Стрешнев».³ Скажем также о четвертой главе «Лес» из неоконченного романа «Белый конь». Ведь Андрей Рублев здесь, пусть и в отдельных штрихах, но все же легко узнаваем, как сам С. П. Бородин. Это мастер на склоне лет, «неустанный, неразговорчивый живописец», создатель «живых образов». Только теперь у него новый облик. С. П. Бородин показывает иконописца в роли учителя: «...из рук в руки передавали учителя ученикам свои знания на протяжении многих поколений, чтоб всю глубину, всю мощь свою, всю ярость накопленных сил нерушимо перенести в будущие века через непролазную дебрь лесных, глухих столетий».⁴

Такое художественное решение в пользу учительства вновь возвращает нас к художественной концепции Б. Пастернака. А. Н. Давшан отмечает: «Творческое начало как основополагающее в строении мировоззрения, в накоплении жизненных норм, принципов, взглядов Юрий Живаго чувствует постоянно. ...Живаго ищет дело, где с максимальной пользой можно выразить свои знания и способности».⁵

Кроме того, «Андрей Рублев» С. П. Бородина обязательно должен был иметь выход на художественную исповедь «как своеобразную форму нравственного очищения», в основе которой «трагедийный катарсис» – «ее основное этико-психологическое качество».⁶ Связь образа творца с исповедальным началом не новая черта поэтики писателя. Все это уже было реализовано в «Последней Бухаре», в частности, в образе восточного интеллигента (писателя и учителя) Исо. Г. Т. Гарипова отмечает: «Сама психология исповеди предполагает развертывание образа меж-героя, находящегося в промежуточном состоянии, в процессе определения граней плюса и минуса. Такое состояние и рождает необходимость исповедаться, то есть излить душу, раскрыть ее в стремлении самоосуждения и самооправдания в первую очередь».⁷

Таким «меж-героем» в «Последней Бухаре» был Исо, а впоследствии им должен был стать Андрей Рублев. И сам С. П. Бородин, при всей четкости и определенности творческой линии, был в своей биографической истории «меж-героем» – художником, выбравшим путь писателя; русским, живущим на

¹ Сыдыкбаев Н. А. Специфика построения художественно-религиозной картины мира в романах Ч. Айтматова «Плаха» и У. Хамдама «Бунт и смирение» // Русская литература в системе межкультурных коммуникаций XXI века: современное состояние и перспективы развития. Коллективная монография. – Т.: Geo fan poligraf, 2013. – С. 135.

² «Роман У. Хамдама – это роман о поиске главным героем Акбаром смысла жизни, своего “я”. В истории узбекской литературы еще не было подобного героя. По сути, можно сказать, что Улугбек Хамдам создал новый тип героя, которого можно обозначить как “человек ищущий” (*“homo reperiens”*). / См. Сыдыкбаев Н. Художественный неомифологизм в литературе второй половины XX века (на материале произведений русской, узбекской и казахской литератур). – Т.: Mumtoz so'z, 2012. – С. 76.

³ Стрешнев А. У Заутрени / Путь к религии в России. – М.: Московская Патриархия, 1942. – С. 231–235.

⁴ Бородин С. П. Белый конь. Роман / Бородин С. П. Собрание сочинений в шести томах. Том 6. – Т.: Изд-во литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1977. – С. 41.

⁵ Давшан А. Н. Творчество Михаила Пришвина в контексте мировой литературы. – Т.: Mumtoz so'z, 2012. – С. 56–57.

⁶ Гарипова Г. Т. Художественная модель бытия в литературе XX века. – Т.: Mumtoz so'z, 2012. – С. 223.

⁷ Гарипова Г. Т. Там же.

восточной земле и влюбленным в эту землю, вросшим в ее корни; писателем-реалистом, который на протяжении многих лет творческой деятельности не потерял связь с экспериментами в области стиля, восходящими к модернистским течениям рубежа XIX–XX веков.

Ярким примером творческого эксперимента, работы над формой был роман в новеллах «Последняя Бухара». И хотя сам писатель в одном из поздних интервью высказывался весьма критично о своем раннем творчестве (словно вторя ряду бородиноведов), нам думается, что это было обусловлено нежеланием обнаруживать (обнародовать) свое «alter ego».

На уровне философского осмысления такая позиция писателя похожа на сохранение «обета творческого молчания», выраженного в тютчевских строках: «Молчи, скрывайся и таи / И чувства, и мечты свои!.. / Лишь жить в самом себе умей! / Есть целый мир в душе твоей...».¹

В поэтике «Андрея Рублева» наше внимание привлекают следующие два момента. Во-первых, обращаясь к новому роману, писатель должен был продолжать неомифологическую линию, намеченную в очерках 20-х годов («Восьмая река») и «Последней Бухаре», когда в произведении соединяются в одно целое мифологический, фольклорный и литературный планы, представляющие собой вариант индивидуального языка писателя (метаязык), с помощью которого он выражает свой замысел, творит свою собственную мифологию (неомиф).

Подобно тому как в «Последней Бухаре» под пером С. П. Боролина появлялись удивительные с точки зрения поэтики образцы работы с мифом и легендой, когда сам текст превращался в легендарный материал посредством отдельных образов (образ ковра, образ города), когда легендой становился сам процесс ее создания, в романе «Андрей Рублев» должна была воплотиться особая магия творчества (поддерживаемая символикой троичности², символикой круга и символикой скрытого в подтексте иконописного полотна, содержащего женский лик или женское начало) и мифологическая многоликость творца.

Здесь обнаруживается и особый тип героя как творческой личности, тип героя-интеллекта, о котором А. Ф. Лосев писал: «Всякая живая личность есть так или иначе миф».³ Не углубляясь в философские размышления, отметим несколько важных фактов относительно замысла романа «Андрей Рублев», в частности, относительно героя, который одинаково тесно связан со своим временем, эпохой и творчеством.

Это тип героя-интеллекта, который чувствует окружающий мир и происходящее в нем, пропуская через себя, свою душу и реагируя на него посредством творческих преобразований. Такой герой-интеллигент, герой-творец характеризуется не только тем, что способен на отклик на окружающий мир и события исторического порядка (в которых он принимает активное участие). Это герой, который сам есть история (даже, скорее, – «зеркало истории»), некое подобие «исторического сгустка».

Он не просто видит происходящее, но и осознает сам механизм, причинно-следственную связь происходящего, отчего его восприятие еще более углубляется. Реакция такого героя на события эпохи сама есть творческий процесс, в результате которого появляется образец индивидуальной мифологии.

¹ Тютчев Ф. И. *Silentium* / Сочинения Ф. И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи. Репринтное издание. – М.: Русское слово, 2006. – С. 88–89.

² См. Аксенов-Меерсон М. Созерцанием Троицы Святой... Парадигма Любви в русской философии троичности. – Киев: ДУХ и ЛИТЕРА, 2008.

³ Лосев А. Ф. Диалектика мифа / Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Изд-во политической литературы. – М., 1991. – С. 76.

Когда мы говорим об особом типе героя в творчестве С. П. Бородина, то речь идет о метауровне в творческой лаборатории писателя. Это тот уровень художественного и теоретического обобщения, который сопровождает основную линию работы над текстом и находится «над ней» (в виде своеобразной теоретической надстройки). На метауровне концепция писателя получает новую форму бытования (здесь становятся актуальными такие понятия как метатекст, метаидея, метатема, метагерой, метаконцепция, метажанр).

Именно благодаря наличию метауровня функционирование творческой лаборатории не заканчивается, когда текст, минуя уровень взаимодействия с контекстом, переходит на уровень произведения, т. е. от момента зарождения творческого замысла и преобразования его в концепцию до момента, когда появляется ключевой концепт (система концептов) произведения, а также система знаков, семиотический код (метаязык) автора. Метауровень дает представление об уровне (о степени и качестве) теоретических обобщений, к которым приходит автор в процессе творчества.

Отметим, что связь романа в новеллах «Последняя Бухара» и романа «Андрей Рублев» выявляется через концепцию творчества, в основе которой лежит идея созидания, а также через особый тип героя, который условно назовем «человек созидающий».¹ «Человек созидающий» – это тип метагероя, истоки которого в индивидуально-авторской мифологии и концептосфере как системе концептов, а местоположение – в метатекстуальном дискурсе, где осуществляется процесс оформления концепции и структурирование особого типа героя как выразителя данной концепции.

Подводя итоги, обратимся к автобиографическому очерку С. П. Бородина «Дороги». В качестве эпиграфа писатель выбрал афоризм: «Жизнь человека коротка, дороги – бесконечны».² С точки зрения литературоведческой, в этой фразе есть теоретический подтекст: бесконечные дороги как разнoplанные контексты и многочисленные интерпретации. В силу разных причин в творческой лаборатории писателя сформировалась «теневая сторона» (то, что часто называют «белыми пятнами»). Собрана она из неопубликованных и недописанных материалов, не получивших широкой огласки и оценки, идей, не получивших развития и полноценного художественного оформления, а также фактов биографии и творчества, которые не всегда попадали в фокус объективной оценки критиков и исследователей. То, что было на протяжении многих лет доступно, также оказывалось покрытым «завесой тайны», так как интерпретация текста требует не только взглядывания, но и вчувствования. Сам писатель всегда «был в пути», шел вместе с героями, был и «в тексте», и «над текстом». И, что немало важно, ощущал необходимость такой творческой тактики.³

Отметим, что самим писателем была предложена идея, теоретический принцип, способный разрешить сложившуюся «ситуацию недопонимания». О «счастливым

¹ Тип героя «человек созидающий» («homo creavitens», «creavit Deus hominem») представляет собой образ-концепцию, характерный именно для прозы С. П. Бородина. Созидание – творческий процесс (творческий труд). Созидание есть творчество. Герой нацелен на преобразование окружающего мира. В этом, безусловно, проявление духа эпохи, требующей активного подхода к жизни. Вместе с тем главной составляющей данного типа героя является его нацеленность на диалог, «открытость сознания». Таким образом, созидание – это одновременно и форма познания окружающего мира. Познать – значит стать частью этого мира.

² Бородин С. П. Дороги / Бородин С. П. Собрание сочинений в шести томах. Том 6. / Составитель А. С. Бородин. – Т.: Изд-во литературы и искусства, 1976. – С. 218.

³ Автобиографический очерк «Дороги» был впервые опубликован в шестом номере журнала «Дружба народов» в 1975 году. «Я не могу подводить итог, пока на столе лежит рукопись нового романа, пока я не разберусь, каков он получится. А новый роман – это новые поиски, новые дороги, и разве можно предугадать, предусмотреть все, что ждет человека, когда он в пути». / Бородин С. П. Собрание сочинений в шести томах. Том 6. – С. 252.

диалоге» речь идет в новелле «Мастер птиц» (1933). Выделим такое определение: «Счастье – это возможность изъяснять события, как тебе хочется. Наделять речь собеседника словами, которые ты хотел бы от него услышать».¹ Т. е. счастье – это свобода волеизъявления, свобода личностного самоопределения, свобода слова, свобода творчества. Счастье – это возможность слышать и быть услышанным. Диалогичность связана с пониманием в широком (герменевтическом) смысле, когда речь идет не просто о понимании слов в процессе диалога, а о согласии как высшей точке общения (теория Г. Гадамера), когда на первый план выходит «открытость сознания и поведения человека» (теория М. Бахтина). Трактую диалог как духовную встречу, М. Бахтин говорит о «согласии» как «важнейшей форме диалогических отношений»², о том, что необходимо не просто понять смысл сказанного, а войти в атмосферу духовного родства и понимания.

Обращаясь к проблеме современного восприятия творческого наследия С. П. Бородина, следует исходить из двух взаимосвязанных и взаимообусловленных точек зрения – исследовательской и читательской. Для нового поколения бородиноведов основные цели и задачи состоят в том, чтобы задать новый вектор литературоведческим исканиям, представив направления в изучении поэтики С. П. Бородина, актуальные с точки зрения теории и плодотворные с точки зрения материала; выявить ряд закономерностей (на уровне концепции писателя), которыми определяется формирование «образа Бородина» на современном этапе развития бородиноведения. Для читателей, по нашему мнению, необходимо обрисовать круг вопросов, опираясь на постулаты герменевтики и рецептивной эстетики,³ т. е. войти в процесс сотворчества и организовать диалог с писателем в тех смысловых рамках, которые удовлетворяют интересам читателя, созвучны его образу мышления, образу жизни и помогают совершиться творческому самоопределению.

По совету М. О. Гершензона, читателю будет полезно совершить пешую прогулку по страницам произведений, без спешки и суеты всматриваясь в словесные узоры в виде цветов у края дороги или камешков причудливой формы под ногами. Перефразируя один из научно-художественных тезисов М. О. Гершензона, мы восклицаем: «Но пойдите пешком по Бородину!»⁴ Чем больше мы видим вокруг себя, тем шире контекстуальные возможности, ведь именно контекст является первым шагом к обновленному восприятию и дает начало сотворчеству, рождению новых смыслов и, что немаловажно, выводит на поверхность глубинные подтексты.

¹ Бородин С. П. Собрание сочинений в шести томах. Том 1. – Т.: С. 252.

² Бахтин М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 373.

³ «Рецептивная эстетика» и «эстетика воздействия» – эстетика диалога между текстом и читателем. В основе – взаимодействие условного, вымышленного текста с реальным читателем... «Рецептивная эстетика» нацелена в первую очередь на изучение «литературного опыта» читателя. При этом «рецепция» произведения, его «воздействие» соотносятся с литературными «ожиданиями» читателей, с их «предпониманием» жанра, формы и тематики произведения на фоне предшествующей литературной традиции... Воспринимаемое произведение, читатель «достраивает» его. Такое смысловое «достраивание» Р. Ингарден называет «конкретизацией», т. е. «...вносимое читателем и не противоречащее произведению дополнение к нему...». См. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Литература и методы ее изучения. Системно-синергетический подход. – М.: Флинта: Наука, 2011. – С. 184, 186, 187.

⁴ «Но пойдите пешком по Пушкину – какие чудесные цветы у дороги! Что цветы! вот ручей играет серебром на солнце, вот смеющийся луч, а там горы, увенчанные вечным снегом...» См. Гершензон М. О. Чтение Пушкина. / Гершензон М. О. Статьи о Пушкине. Выпуск I. – Л.: ACADEMIA, 1926. – С. 14.

У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФОТО



Гайрат ШУКУРОВ

Худайберген Диванов, любознательный хивинский мальчишка, однажды стал участником фотосессии, которую проводил некто Вильгельм Пеннер, немец из поселка переселенцев-меннонитов близ Хивы. Мальчика заинтересовал процесс фотографирования, проявления стеклянных негативов и печатания снимков. Он так быстро освоил все сложные технологические операции, что скоро и сам мастерски снимал и своих земляков-хивинцев, и древние мечети, и восточный базар, за что и подарен ему был немецкий аппарат марки «ЗОТ».

Мальчик вырос, за ум и мастеровитость его взяли работать сначала на хивинский монетный двор, а в 1907 г. Худайберген уже был включен в состав дипломатической миссии первого министра Хивинского ханства Ислама Ходжи, направленной в Санкт-Петербург. В столице Российской империи Х. Диванов изучал тонкости фотографического дела у признанных профессионалов. Его оставили на два месяца для стажировки после завершения работы хивинской дипломатической миссии. Х. Диванов привез на родину различные фото- и кинопринадлежности, в том числе кинокамеру марки «ПАТЭ» № 593, что позволило ему самостоятельно снять первый узбекский документальный киносюжет о выезде на фазтоне в 1910 г. хивинского хана Асфандияра. Сохранились также его первые киноленты «Памятники архитектуры нашего края» (114 метров, 1913 г.), «Виды Туркестана» (100 метров, 1916 г.) и др.

Он снимал не только в Хиве и Хорезме, но и в Ташкенте, Ферганской долине и других областях и до 1937 года был летописцем республики. Х. Диванов был настоящим пропагандистом фото и киноискусства. Он демонстрировал собственные и иностранные фильмы в людных местах Хивы, приобщая земляков к фотографии, распространял снимки памятников Хорезма со сделанными собственноручно пояснительными надписями. Как участник движения младохивинцев в годы сталинских репрессий, он был арестован, объявлен «врагом» народа и 4 октября 1938 г. расстрелян в янгильском лагере.

Гайрат ШУКУРОВ. Родился в 1953 г. в Ташкенте. Окончил кинооператорский факультет Киевского театрального института. Работает начальником управления информации и маркетинга Академии Художеств Узбекистана.

Худайберген Диванов оставил после себя бесценное культурное наследие – исторические фотографии, кинокадры. К сожалению, многое исчезло бесследно после его ареста. Но небольшая часть уникальных фотографий сохранилась в государственном архиве России в городе Красногорске и в семейном архиве Дивановых в Хиве.

Отдельные воспоминания об этом человеке у меня связаны с моей профессией. Раннее увлечение фотографией сыграло большую роль и в моей судьбе. После окончания школы я поступил на киностудию документальных фильмов Узбекистана помощником оператора. Волею судьбы в 1974 году я принимал участие в создании документального фильма о жизни и творчестве Худайбергена Диванова. Помню, как-то мы зашли в маленький глинобитный дворик близ Хивы. Вдруг на нас с криком набросилась старушка лет 70–80: «...верните моего брата, уходите прочь...». Но режиссёр фильма Солижон Давлетов, будучи сам родом из этих мест, быстро разрядил обстановку и объяснил цель нашего визита. Старушка сказала, что она сестра Худайбергена Диванова и сторожит его дом. В одном углу дома, который уже в то время успел превратиться в развалину, мы увидели деревянный ящик-сундук, где лежали сотни негативов, готовых фотографий и рамок для них. Я с интересом рассмотрел их и убедился, что все они были изготовлены высокопрофессионально. Но теперь, спустя столько лет, не могу представить себе дальнейшую судьбу этих шедевров и не знаю, что с ними стало.

В Узбекистане фотография прошла своеобразный путь развития. Прекрасная природа, знаменитые на весь мир памятники зодчества, неповторимые национальные традиции и обычаи нашего народа всегда находились под пристальным вниманием объектива фотоаппарата, привлекая многих знаменитых фотографов мира.

Издание трёхтомной антологии-каталога «125 лет узбекской фотографии», в которую было включено несколько этапов (с 1879-го по 1940-ой, с 1941-го по 1990-ый и с 1991-го по 2004-ый гг.), стало большим событием в культурной жизни Узбекистана.

Антология отражает не только этапы развития фотоискусства Туркестана, ныне Узбекистана, но и историю народа, запечатлев самые яркие и характерные эпизоды из жизни людей с конца XIX века до сегодняшних дней.

Фотография – одно из самых великих изобретений человечества. Слово фотография в переводе с греческого означает «рисование светом». В это изобретение вложен труд ученых многих поколений разных стран мира. Сегодня фотография делится на аналоговую и цифровую. Аналоговая – это изображение, полученное на фотоплёнке или пластине под воздействием света и обработанное химическим способом. Цифровая – изображение на матрице (иногда её называют сенсором), представляющее собой полупроводниковую пластину, содержащую большое количество светочувствительных элементов.

Люди давно стремились найти способ получения изображений, который не требовал бы долгого и утомительного труда художника.

С незапамятных времен было замечено, что луч солнца, проникая сквозь небольшое отверстие в темное помещение, оставляет на плоскости световой рисунок предметов внешнего мира. Предметы изображаются в точных пропорциях и цветах, но в уменьшенных, по сравнению с натурой, размерах и в перевернутом виде. Это свойство темной комнаты (или камеры-обскуры) было известно

еще древнегреческому мыслителю Аристотелю, жившему в IV веке до нашей эры. Принцип работы камеры-обскуры описывал в своих трудах и Леонардо да Винчи.

Целенаправленная работа по химическому закреплению светового изображения в камере-обскуре началась только в первой трети XIX века. Наилучших результатов добились теперь известные всему миру французы Жозеф Нисефор Ньепс (1765–1833), Луи-Жак Манде Дагер (1787–1851). Своё изобретение они назвали дагеротипия. Этот метод фотографии давал позитивное изображение, с которого невозможно было делать копии. Историю изобретения фотографии нельзя представить без английского учёного Вильяма Фокса Генри Тальбота (1800–1877), добившегося получения негативного изображения, благодаря которому можно было печатать копии в неограниченном количестве. Этих трёх учёных-энтузиастов по праву принято считать изобретателями фотографии. Прошло немало времени. Серебряную пластину сначала заменила бумага, потом – фотоплёнка. В наше время большинство фотографов перешло на цифровой метод получения изображения. Несмотря на это, есть ещё немало приверженцев аналоговой фотографии.

Безусловно, фотография появилась в результате достижений в области физики, оптики, механики и химии. Разве не удивительно узнать человека, которого в жизни никогда не видел, на фотографии или города и исторические памятники, никогда не побывав в местах их расположения? Эту возможность может дать нам только фотография.

То, что было снято сегодня, завтра станет историей, запечатлеть мгновение сегодняшней жизни дано только фотографии. Лица наших предков мы сохраняем в памяти, вновь и вновь разглядывая фотографии прошлых лет, радуемся, находя сходство наших детей с ними.

Сегодня для создания фотографического снимка не требуется много усилий и времени, но настоящую фотографию на уровне произведения искусства создать не так-то просто: нужно познать секреты фотоискусства, овладеть приёмами съёмки и, применяя свои знания на практике, смело экспериментировать. В основе достойной фотографии лежат многолетние изнурительные творческие искания, бесчисленные опыты, аналитические выводы.

В 2007 году уникальную фотовыставку «125 лет узбекской фотографии» в Люксембургском дворце Сената Франции посетили видные общественные деятели, представители культуры и искусства, известные ученые, дипломаты и журналисты. Экспозиция произвела огромное впечатление на зрителей. Никого не оставили равнодушными чёрно-белые архивные фотографии, среди которых были работы и Х. Диванова. Фотовыставка открыла для гостей новые страницы истории Узбекистана.

История узбекской фотографии является неотъемлемой частью мирового фотоискусства, и Центральная Азия (в частности, Узбекистан) была своего рода полигоном для этого вида искусства.

В годы независимости развитию фотоискусства было уделено особое внимание. Создание кафедр компьютерной графики и художественного фото в Национальном институте художеств и дизайна им. Камолитдина Бехзода способствовало появлению поколения молодых способных фотохудожников, как и деятельность школы творческой фотографии при Ташкентском Доме фотографии и проводимые международные биеннале, фотовыставки, конкурсы.



Замира КАСЫМОВА

«СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЙ» МИР...

Констатируя факт методологического кризиса, имеющего место в современном литературоведении, некоторые исследователи давно подчеркивают необходимость «остановиться и спокойно взглянуть в индивидуальное творчество писателя, поставить перед собой проблему осмысления художественных образов мира в конкретном индивидуальном творчестве, понять творческие интенции того или иного конкретного текста художника, войти в мир его смыслопорождений, т. е. исследовать внутренние механизмы художественных структур и отношения компонентов художественного текста» (Гашева Н. В., Кондаков Б. В.). Каждый художник имеет право на создание своего собственного, только ему одному понятного, художественного мира, в котором он смело размещает свой космос и свою вселенную, основывая их на законах, написанных и утвержденных им самим. И уже не так важно, насколько этот мир отражает или не отражает реальную действительность, поскольку, являясь продуктом вымысла, он уже становится частью другого – художественного – измерения, в котором соотношение времени и пространства определяется в категориях, совершенно отличных от привычных нам. Это особенно актуально, когда речь заходит о поэтическом творчестве. Здесь все ритмическое богатство текстов и художественных структур, их составляющих, сливается в единое целое – в новую картину мира, которая поражает своей неожиданностью и новизной.

Одна из таких картин предстает в творчестве известного русскоязычного поэта Узбекистана Баха Ахмедова – физика и лирика, автора нескольких поэтических сборников, лауреата многочисленных международных премий. Хотя поэтическое имя должно многое говорить о самом поэте, в данном случае вокальное своеобразие антропонима скорее свидетельствует о любви Баха Ахмедова к музыке, но вовсе не означает восторженного или радостного восприятия им жизни. Напротив, большинство лирических произведений поэта о состоянии, когда «болевого порог нарушен» («Болевой порог нарушен») или «рвутся от боли сосуды» («Остановка. Голодная площадь») и возникает необходимость «выстоять» («Световое голодание»). Общая картина мира поэта реализуется через такие важные категории, как *космос, пустота, тишина и время*.

Поэт умеет чувствовать «под ногами мирозданье» («Больше не спасут попытки творчества») и слышать, как «спящая планета» «звенит в ночной тиши» («Болевой порог нарушен»). При этом в его вселенной есть и свои катастрофы, как,

Замира КАСЫМОВА. Родилась в 1967 г. Окончила АГПИ языков. Доктор филологических наук. Преподавала в АГПИ языков, АГУ, в Сычуаньском университете наук и искусств (Китай). Работает на кафедре мировой литературы НУУз. Автор монографии и ряда научных статей.

например, «Световое голодание... / Цветовая тишина», способные лишить все его творения движения, так что «граница мироздания» предстает «как кирпичная стена», а мир оказывается «застывшим в ожидании» («Световое голодание»)¹. В космосе Баха Ахмедова существуют такие оппозиции, как «высота – пропасть» («Пусть меня однажды спросят»), «направо – налево», «небо – тоска», «мостик – бездна» («Направо – город птиц»). Здесь можно увидеть «небо звездное» («Письма из пустыни»), «осеннее небо» («Реальность всегда такова»), «разорванное небо» («Подпись к картинке») и даже «картонное небо... музыки» («Музыка»). Упоминаются как-то и «соленные звезды» («Отверженным трудно смеяться»). Однако из всех планет солнечной системы в небе Баха Ахмедова, по-видимому, обосновалась только луна: «Смотрит с неба прямо в душу / Желтым блюдечком луна» («Болевой порог нарушен»); «Нарисуешь новую луну» («В лепет сна влетая шепот ветра»); «Холодный свет луны дрожит» («Ночные странствия души»). И, соответственно, из всех времен суток чаще всего здесь встречается ночь в самых разных ее проявлениях: «ночь в снегу» («В лепет сна влетая шепот ветра»), «сквозь ночь прохладную» («Ночные странствия души»), «Как непроглядная ночь, как бесконечна!..», «свинцовая, безветренная ночь» («Гефсиманская ночь»). Из погодных явлений наиболее часто встречаются ветер («Из дневника агностика», «Подпись к картинке», «Письма из пустыни», «В лепет сна влетая шепот ветра»), а также дождь («Сгустился воздух...»); из земных реалий чаще всего упоминается пустыня, реже – океан и море. Одной из самых значительных метафор в космогонии поэта представляется «сердце вселенной» («Отверженным трудно смеяться»).

Пустота как категория обладает у Баха Ахмедова значительными свойствами. Прежде всего она составляет оппозицию понятию «любовь»: «жизнь... летела... распадаясь... / На любовь и расстояние от нее до пустоты» («Пусть меня однажды спросят»). А потому не удивительно, что она противопоставлена и присутствию возлюбленной: «...Если бы рядом... / Но рядом одна пустота» («К чему этих глаз суета»). Пустота – это болезнь, физически осязаемый дискомфорт: «Острый приступ пустоты» («Световое голодание»). И в то же время она – итог исканий, основа мироздания, то, к чему стремится парадоксальная человеческая душа: «Что мы ищем? Что находим? / Жемчуг смысла? Пустоту?» («Что мы ищем? Что находим?..»).

Пустота в понимании поэта находится на уровне тех вселенских категорий, близость к которым свидетельствует о величии человека, способного вступать с ними в коммуникацию: «быть с пустотою на "ты"» («Считаны коды, прочитаны смыслы»). На уровень пустоты у Баха Ахмедова поднимается только тишина. В ней основа основ: «Сушность мира – тишина» («Болевой порог нарушен»). Тишина побеждает музыку: «А музыка очень скоро / Разобьется о тишину / опустевшего зала» («К чему этих глаз суета»). Тишина, «как мука беззвучия», способна причинить боль душе: «А душа говорила: / Мне тесно в груди / И дышать все труднее от звуков. / Тишина, как пустыня, лежит впереди, / Как беззвучия горькая мука» («Музыка»). И в то же время тишина необходима и спасительна для человека. Так, поэт просит Доктора Фаустуса вернуть его душе «тишину блаженного одиночества» («По мотивам романа Т. Манна "Доктор Фаустус"»).

В ряду математических категорий тишина появляется в качестве множителя: «отсутствие звука / умножает возможное / на тишину» («Февральский сон»). Как явление природы, она способна прийти на смену ветру: «А если ветер вдруг затихнет, / придет такая тишина...» («Письма из пустыни 2»). Интересно при этом, что ветер – это единственное после пустоты явление, которому во вселенной

¹ Здесь и далее отрывки из стихотворений цитируются по: Ахмедов Б. Произведения. www.stihi.ru/author/bach128128

Баха Ахмедова дарована вечная жизнь: «Все исчезнет, / только ветер будет / измерять границы пустоты» («Письма из пустыни 3»).

Таким образом, создается ощущение того, что весь мир Баха Ахмедова изначально основывается на трех китах: ветер – тишина – пустота, к которым и возвращен он должен быть в конце концов. Однако не все так безнадежно, как может показаться. Поскольку последняя субстанция – пустота, представшая здесь как вечное протяженное в необъятном пространстве явление, при всей своей неисчерпаемости и неопределенности может служить и материалом для творчества: «Мы с тобою творим время / Из одной пустоты мира» («Мы с тобой из одной строчки»), и первообразом времени, которому отводится не менее серьезная функция во вселенной Баха Ахмедова.

Время, которое в общечеловеческом мире, благодаря своей невидимости и неосвязаемости, является категорией неуловимой и ускользающей, у Баха Ахмедова обретает почти материальное воплощение. Оно выражается поэтом при помощи иероглифа («Зимнее дерево») и получает свое определение: «Что такое время? Это след / на песке, меняющем пространство» («Письма из пустыни 3»). Здесь время трансформируется в видимую и осязаемую категорию: «...и ведешь по времени рукой» («Дай мне стать хотя бы четвертинкой»). Время становится активно действующим лицом: «время, осящая беспредельность, / Поет о бесконечном нашем сне» («Письма из пустыни 1»), «...время растворяет тени / и замечает все следы» («Письма из пустыни 2»), «А время читало судьбу по слогам» («Человек толпы»). Напрашивается вывод, что если вышеназванное триединство *ветер – тишина – пустота* и имеет определенный смысл, то смысл этот скорее всего заключается в явлении времени. Поскольку именно время является тем измерением, в котором протекает жизнь человека, а в данном конкретном случае – мятущейся, страдающей, ищущей и ожидающей личности – лирического героя поэта.

Каким же предстает *лирический герой* Баха Ахмедова? Прежде всего обращает на себя внимание нежелание поэта использовать местоимение «я» для самовыражения, оно крайне редко появляется в стихотворениях. Чаше заметно стремление повествовать о себе со стороны: «и с застывшим миром – ты» («Световое голодание») или отделять от себя свою душу: «у меня только одна маленькая душа... Зачем она тебе?» («Музыка»), «А где-то рядом шла моя душа / И тихие вела беседы с ветром» («Из дневника агностика»). Является ли это желанием избежать ответственности за написанное / высказанное им или сознательным умалением себя, своей способности к самоутверждению, трудно определить наверняка. Однако обращает внимание то, что во многих стихотворениях Баха Ахмедова нет места действию, в то время как «попытка» предстает в качестве самого активного элемента. Здесь можно встретить, например, «попытку прозренья» («Все, что случилось, случилось на взлете»), а также другие самые разнообразные попытки: «попытки творчества» («Больше не спасут попытки творчества»), «попытка вечности» («Дай мне стать хотя бы четвертинкой»), «попытка контекста» («К чему бесконечное "Кто мы?.."»), «попытка проникнуть» («Реальность всегда такова, какова...»). Все движения здесь вовсе не исполнение, а ожидание действия, и потому очень редки активные глаголы: «Узнаем, увидим, заплачем...» («Узнаем, увидим, откроем»). Возможно, таким образом поэт преподносит своеобразную трактовку идеи «ограниченности окультуренного сознания»¹, не способного, по-видимому, на поступок, поскольку момент необходимости действия, решения, то есть того самого поступка («Когда вдруг целый мир / дольний / твоего будет ждать ответа») переживается лирическим героем более чем болезнен-

¹Рыбальченко Т. А. История литературы XX века как история литературных течений. // Вестник Томского государственного университета. – <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-literatury-xx-veka-kak-istoriya-literaturnykh-techeniy>.

но: «дышать больно», «покинуть ее страшно» («Когда город расставит сети»).

Наречия и слова состояния в стихотворениях Баха Ахмедова отличаются особой напряженностью. О себе поэт чаще говорит: «трудно», «еще труднее» («Больше не спасут попытки творчества»), «пристально» («Световое голодание»), о своей возлюбленной: «красиво» («Дай мне стать хотя бы четвертинкой»). Но создается ощущение, что, когда речь заходит о возлюбленной (даже если мы рассмотрим обобщенный образ героини сердца поэта), все способности его как художника ограничиваются одним этим «красиво». Мы ничего не можем узнать о «женшине, которая вернись», кроме того, что только ее «жест и улыбка» «дарят / пространству / новое измерение, / а время сбивают с толку, / так что оно забывает / в какую сторону ему идти» («Мне нравится лимон»). То есть, единственная избранница поэта («только ты»), которую он настолько яростно оберегает от праздного взгляда публики, что даже не позволяет себе поместить в тексты какие-либо детали ее внешности, одна из всех способна победить время, а значит, разрушить всю ту относительно стройную композицию, на которой до сих пор строился мир поэта. Кроме возлюбленной, у Баха Ахмедова свободно обращаться со временем позволяет только музыка: «List gave us a space / where time was not a must...» (Лист дал нам пространство, где во времени не было необходимости – перевод З. К.). И все же, несмотря на то что образ любимой окружен ореолом тайны и музыки, само слово «любовь» почти вовсе не упоминается в текстах поэта, а если и упоминается, то всегда возникает неожиданно, по-булгаковски внезапно («как из-под земли выскакивает убийца в переулке»), чтобы стать заключительным аккордом или последним словом в произведении: «Музыка – это выход / в голую суть любви» («Музыка отзвучала») или «Умножил вечное на миг / И результат назвал любовью» («О сложносочиненный быт»).

Кроме космизма и культа пустоты, времени и музыки, в стихотворениях Баха Ахмедова есть еще одна черта, которая, по-видимому, определяет основное качество его стиля. Это отрицание. Трудно найти у него хотя бы одно произведение, в пределах которого не мелькнула бы частица «не». Исследователи уже обращали внимание на использование отрицательных конструкций в художественном тексте с целью передать «непонятность, непредсказуемость и абсурдность»¹ окружающего мира. Возможно, такую же миссию возлагает на них и Бах Ахмедов в своих стихотворениях. Но у него отрицание гиперболизировано. Так, он использует огромное количество отрицательных определений и именных частей предиката: «незаконченный дневник», «лист нетронутой бумаги», «незримый мост», «неотвязное сердце», «слова, не сказанные мне тобой», «непонятная дрожь», «неуверенный жест руки», «неточный расчет», «мостик недостроенный», «непонятное слово / Несуществующего языка». Перед нами предстает мозаика из «слов ненужных», «неотрицаемого мира», «не отрицающего весну мира». И во всем этом «невидимая грусть», и «жизнь кажется непроницаемой», и «Ненадежны слова наши». Отрицательные конструкции находят свою реализацию и в сюжетных элементах, например, в экспозиции: «ничто не казалось страшным / не призывало к забвению» или в развитии действия: «Играют, смеются, не зная о том, / Что мы их однажды не пустим в наш дом», и даже в кульминации: «к сражению с нею я не был готов». Отрицаниями поэт характеризует себя: «Я не умею смеяться и плакать», с отрицаниями обращается к другим: «Не ищущай ее иллюзией вечности». Частое использование «не» с глаголами помогает автору

¹ Газарова Д. Адау рознь, или семантико-прагматические особенности «лагерной прозы» А. Солженицына, В. Шаламова и С. Довлатова. // Вестник Греванского университета. Русская филология. 2016, № 1 (4). – С. 67–82. – http://ysu.am/files/06D_Gazarova-1461062474-.pdf

отрицать действия или констатировать их бессмысленность. Здесь «не спасут попытки творчества» и «Нечего больше искать», «этот февраль никогда не кончится... /...не растает вода...», «прошлое никогда не станет прошлым». Такие же отрицания и в прошедшем времени: «Не доходили до предела... / Не обнажали пустоту». Удивительно, что здесь, даже когда кто-то пытается действовать, у него это не получается: «не может найти выход», «И не можешь назад оглянуться / И не можешь добраться домой», потому что либо место и время неблагоприятны, либо эти действия находятся за пределами возможностей простого смертного: «мы это узнаем не здесь... / ...которого нам не прочесть». Герой предпочитает «сидеть, не зажигая света...», потому что оставляет за другими «право меня не слушать...», или просто исключает возможность найти понимание: «Не понимали смысла встречи», «А кто-то не сумел понять». Отрицаниями поэт пользуется и для характеристики состояний, среди которых состояния неведения: («им неведом твой тайный маршрут», «мне было невдомек»), исчерпанности: («дров за эти годы не осталось»), неисполненной миссии: («Не дописан рассказ краткий») или даже обреченности: («конца не видно», «незаметно проскочило время», «неизбежность / Своей ошибки и вины», «Не в силах расписать превозмочь», «Невозможно пройти мимо, не задев...»). Очевидно, что отрицание играет огромную роль в творчестве Баха Ахмедова. Оно превращается почти в главный атрибут его лирики, становится идеалом, вершиной стремлений поэта: «Свобода – это когда начинаешь дарить / свое неприсутствие». И для него уже не так важно, что это отрицание может самым парадоксальным образом разрушить основы с таким трудом сотворенного им мира: «пустоты не бывает». Напомним приведенное нами выше грустное предсказание поэта: «Все исчезнет, / только ветер будет / измерять границы пустоты» («Письма из пустыни 3»).

Необходимо рассмотреть еще множество других ключевых образов и метафор поэта для того, чтобы выявить полную картину его мира. Однако, думается, будет правомерным утверждать, что обилие отрицаний в произведениях поэта так же, как и его отказ от действия и привязанность к пустоте и тишине, объясняются его принадлежностью к потерянному поколению, на долю которого выпали все катаклизмы, имевшие место на стыке двух эпох. Дети детей военного времени из своего поистине счастливого детства вынесли большие мечты во взрослую жизнь, совершенно не догадываясь о тех катастрофах, которые их ожидают. Срочно приходилось менять род занятий, страну проживания, интересы, убеждения, представления о мире и месте человека в нем, о смысле жизни и о вере в будущее. Приходилось учиться и переучиваться: технологический прорыв, виртуальная реальность, потоки информации и бесконечные конфликты (в том числе военные) в разных точках мира. Получив всю информацию, которую только можно было получить, о религии, политике, строении мира, о психологии человека и об истории человечества, это поколение уже не стремится никого учить (как это делали просветители), не желает ничего исправлять (как шестидесятники, стремившиеся к коммунизму «с человеческим лицом»), избегает ответственности. Пережив все свои катастрофы, оно вклинилось в поток истории и просто стремится удержаться на плаву. И только душа, шокированная осознанием своей невостребованности, растерянно наблюдает за миром, оказавшимся таким непредсказуемым и непонятым. По-видимому, именно это представление потерянного поколения о мире и нашло свое отражение в произведениях физика и лирика Баха Ахмедова. До сих пор не изученные обстоятельно, они обещают еще много интересных открытий для будущих исследователей.

УЧЕНЫЙ, ПОЭТ, ПЕДАГОГ



Кодиржон НОСИРОВ

Уроженца Туракурганского района Наманганской области Исхаххана Ибрата, одного из видных деятелей периода национального возрождения в бывшем Туркестанском крае, после Октябрьского переворота постигла та же участь, что и многих других прогрессивных деятелей, джадидов, радевших о лучшей доле для своего народа. В 1937 году семидесятипятилетний старец был арестован как враг народа; он умер в андижанской тюрьме (возможно, даже был убит в заключении). Доброе имя выдающегося просветителя было реабилитировано в 1959 году.

Изучение деятельности Ибрата у нас началось с 60-х годов прошлого века: защищена диссертация, опубликован ряд книг и статей о нём. Однако они далеко не полностью освещают многогранную научно-педагогическую, публицистическую, литературную деятельность этого талантливого человека. Его вклад в развитие узбекской литературы XX века, в изучение истории и географии Ферганской долины ещё предстоит по достоинству оценить. Современник Исхаххана Ибрата Иброхим Даврон характеризует его как человека энциклопедически образованного (Н. Джаббаров «Ибрат закосига эхтиром» // Ўзбекистон адабиёти ва санъати, 2017, 14 июля).

Думается, что и значение практической деятельности Ибрата для развития культуры нашего края, системы образования, просвещения ещё недостаточно изучено.

Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев 2 ноября 2016 года на своей предвыборной встрече в Намангане дал конкретные рекомендации к изучению наследия этого выдающегося просветителя, его роли и значения в деле повышения культурного уровня народа. В Туракургане было решено создать мемориальный комплекс поэта-просветителя.

В ходе своего визита в Наманганскую область 7-8 июля 2017 года Шавкат Мирзиёев отметил, что Ибрат, побывавший «во многих странах мира, обладал обширными познаниями в науке, культуре и искусстве Востока и Запада, привёз в нашу страну передовые технические новшества своего времени. Его жизнь, посвящённая развитию и процветанию страны, служила и служит примером для всех нас». Президент особо подчеркнул необходимость организации языковой школы при Наманганском государственном университете и специализированного преподавания в ней иностранных языков совместно с Ташкентским государственным университетом узбекского языка и литературы имени Алишера Навои и Узбекским государственным университетом мировых языков. «Необходимо создать здесь обстановку, достойную

Кодиржон НОСИРОВ. К. пед. н., доцент НамГУ, родился в 1947 г. в Наманганской области, окончил факультет русского языка и литературы НамГУ. Автор 200 научно-популярных и научных публикаций, переводчик.

нашего великого учёного. Пусть молодёжь глубоко овладевает иностранными языками, изучает жизнь и деятельность Ибрата. Важно, чтобы здесь преподавали специалисты из университетов столицы, зарубежные специалисты».¹

Исхакхан Ибрат родился 21 марта 1861 года. Родословная его восходит к великому суфийскому поэту XII века Ахмаду Яссави, творчество которого высоко почитаемо в Центральной Азии. В различных поколениях этой династии были поэты, чьё творчество заслуживает внимания современных исследователей. Родители Ибрата тоже были просвещёнными людьми. Его отец Джунайдимахан-тюря писал стихи под псевдонимом «Ходим», занимался садоводством, мать организовала школу для девочек.

Начальное образование Исхакхан получил в местной традиционной школе, а затем, в 1878–1886 гг., учился в одном из кокандских медресе. Испытывая тягу к знаниям, юноша в эти годы, наряду с овладением духовными знаниями, изучением арабского и персидского языков, занимался ещё и русским языком, активно интересовался поэзией, читал светскую литературу, в частности, труды выдающихся учёных Востока и восточную классическую литературу. Имеются свидетельства, что молодой Ибрат был знаком с Мукими, Фуркатом, Завки, Хазини, Нодимом, посещал их поэтические собрания.

После окончания медресе Ибрат, вернувшись в Туракурбан, решительно взялся было вместо традиционных старометодных школ создавать новометодные джадидские школы. Это не нравилось местным властям, духовенству, да и простолюдины в действиях молодого муллы усматривали вероотступничество. Поэтому его начинания не увенчались успехом.

В 1887 году Исхакхан вместе с матерью отправляется в хадж. Во время хаджа мать умерла и была похоронена в Джидде (несколько ранее и отец Ибрата представился во время хаджа).

По завершении паломничества Ибрат некоторое время живёт в Джидде, затем пускается в длительные странствия (до 1896 года) по ряду стран Европы и Азии, подолгу задерживаясь в таких городах, как Стамбул, Дамаск, Тегеран, Шираз, Иерусалим, София, Афины, Рим, Кабул, Карачи. Побывал он также в Индии, Кашгарии, всюду интересуясь историей, культурой, традициями стран, их образовательными системами. В процессе путешествий он приобретал редкие издания, собирал материал для будущих книг, особое внимание уделял изучению иностранных языков: турецкого, греческого, английского, французского, хинди, урду. Позже в своем словаре «Луғати ситта лисана» («Шестязычный словарь») Ибрат заметит, что «для странника знание чужого языка дороже сотен золотых».

По возвращении на родину Ибрат активно занялся просветительской деятельностью: открыл в своём доме для детей бедноты новометодную школу, оснастил её всем необходимым: мебелью, учебными принадлежностями – вплоть до глобуса, разработал программу обучения. Не ограничиваясь приобретённой учебной литературой, дополнительно создавал пособия и художественные тексты. В частности, вышеупомянутый уникальный шестязычный (узбекско-арабско-персидско-индийско-турецко-русский) словарь «Луғати ситта лисана» (Ташкент, 1901) был создан им в учебных целях прежде всего для своей школы. Позже словарём Ибрата пользовались во всей Центральной Азии.

В просветительских целях, как и все джаиды, Исхакхан максимально использовал официальные печатные органы: часто публиковался в газетах, с некоторыми из них состоял в переписке.

Представление о широте интересов Ибрата дают уже названия его статей: «Эски мактабхусусида», 1907 («О старой школе»), «Наманганда махаллий лавозимларга ўтказилган

¹ «Народное слово», 8 июля, 2017.

сайловлар хусусида», 1910, 21 марта («Об итогах выборов в местные органы власти в Намангане»), «Фаргона вилоятидаги кўхна шаҳар – Ахсикент тарихи», 1913, 23 июня, («История Ахсикента, древнего города Ферганского вилоята»), «Тўрақўргондан мактуб», 1914, 2 марта, («Письмо из Туракургона»), «Тошкент сафаридаги маълумотларим», 1914, апрель («Впечатления от поездки в Ташкент»), «Кўкон-Наманган темир йўлининг очилиши», 1912, 15 июля («Открытие железной дороги Коканд – Наманган»); стихотворений: «Тарихи чопхона» («История типографии»), «Маланият хакида маснавий» («Стихи о культуре»), «Газета хусусида» («О газете»), «Қалам» («Карандаш») и др.

Стихотворения свои поэт собрал в сборник и издал под названием «Илми Ибрат» (1909). Утверждают, что Ибратом был составлен и диван его лирических стихотворений, однако он до сих пор не найден.

В своих стихотворениях поэт не устаёт говорить своим современникам о пользе знаний, наук:

*Учение – это вернейший путь к светлой жизни.
Неуч обречён на страдания в брэнной жизни.
Не пренебрегай знаниями никогда,
Наука и техника – знамение этой жизни.¹*

(«История вагона от Ибрата»)

Знания – основа культуры, а культура, в свою очередь, есть условие для мирной, счастливой жизни:

*Культура есть мир на планете,
Культура – это знак человеческого рода.
В стране культуры дышать вольготно,
Культура – это лицо каждого народа.*

(«Стихи о культуре»)

Или же:

*Культура – благодать для народа,
Культура – нет горя в народе.*

(«Стихи о культуре»)

Примечательно, что поэт-просветитель Ибрат призывает стремиться не только к знаниям, но и к активной жизнедеятельности вообще: работать, овладевать профессиями, добывать, созидать.

Ибрат прекрасно понимал значение печатного слова. Думается, что строки поэта-просветителя о газете не потеряли своего значения и для нашего времени:

*Беспристрастно, словно волшебное зеркало,
И правду, и кривду отражает газета.
Кто не читает – словно мёртвым он объят сном.
Того, кто читает, просветляет газета.*

(«О газете»)

Поэт и сам хотел организовать газету и типографию. С газетой ничего не получилось, а полиграфическое предприятие «Матбаа-и Искохия» (1908) в Туракургане было создано. Туракурганская типография в 1910 году была перевезена в областной центр, и этим была заложена основа издательско-полиграфического дела в городе Намангане, благодаря чему в области началась торговля книгами,

¹ Поэтические примеры взяты из готовящегося в настоящее время к изданию сборника изречений Исхахана Ибрата (составитель профессор НамГУ Н. Улуков; перевод на русский выполнен К. Носириным).

газетами: сначала в городе Намангане, а затем и в районах. Просветитель Ибрат и его сподвижники получили возможность значительно расширить географию пропаганды культуры и просвещения. Свидетельствуют, что печатным станком Ибрата пользовались до 60-х годов XX века.

Научные, научно-педагогические труды самого Ибрата – «Жомеъ ул-хутут» («Системы письменности») 1912, «Тарихи маданият» («История культуры») 1915, «Тарихи Фаргона» («История Ферганы») 1916, «Мезон уз-замон» («Весы времени») 1916 – тоже печатались на собственном предприятии.

В книге «Жомеъ ул-хутут» автор размышляет о значении феномена языка в истории человечества, об истории возникновения различных систем письменности, о пользе изучения иностранных языков. В ней также содержатся сведения о сорока одной письменности мира: латинской, греческой, арабской, сирийской, санскрите, армянской, грузинской, кириллице, уйгурской и др. Говоря о различных видах арабского письма, графики, сочинитель размышляет и о проблемах каллиграфии. Кстати, говорят, сам Ибрат владел семнадцатью видами арабского письма.

Большую ценность представляет собой сочинение Ибрата «История Ферганы». Необходимо отметить новаторский подход автора к разработке отечественной истории. Если авторы прежних исторических трудов описывали в основном войны, предаваясь славословию в адрес правителей, преувеличивая их воинские доблести, то у Ибрата немалое место занимают этнографические зарисовки, наблюдения над климатом, фауной и флорой края. И самое главное достоинство – объективность исследования: Ибрат, опираясь на труды Х. Вамбери, В. Радлова, В. Бартольда, правдиво, научно обоснованно указывает на причины многовековой отсталости общественного процесса в регионе, главная причина которой, по мнению поэта, в непросвещенности населения.

Исторически конкретно, философски мудро размышляет Ибрат-учёный над социально-нравственными проблемами своего времени в книге «Мезон уз-замон» («Весы времени»). Здесь выявлены наиболее серьёзные, актуальные проблемы современности, обозначены болевые точки, выделен и охарактеризован целый ряд проблем, тормозящих развитие общества. На первое место Ибрат ставит вопрос о роли духовенства и учёных-улемов, которые, вместо того чтобы нести в народ знания, вести людей к прогрессу, выступать за единство народа, запутались в паутине мелких словопрений, погрязли во лжи, стали рабами своих корыстных интересов, алчности.

Именно Ибрат основал в области библиотечное дело. В своём доме он создал публичную библиотеку «Кутубхонаи Искокия», где было собрано значительное количество научных и художественных книг на узбекском, арабском, русском, персидском, турецком, татарском языках, шедевры научной и художественной мысли Запада и Востока. В библиотеке по всей форме было налажено обслуживание населения: существовала специальная книга записи и выдачи книг читателям.

К великому сожалению, «Кутубхонаи Искокия» бесследно исчезла в годы репрессий, говорят, будто бы все книги были увезены вместе с их хозяином на чёрной машине в тюрьму, т. е. «арестованы».

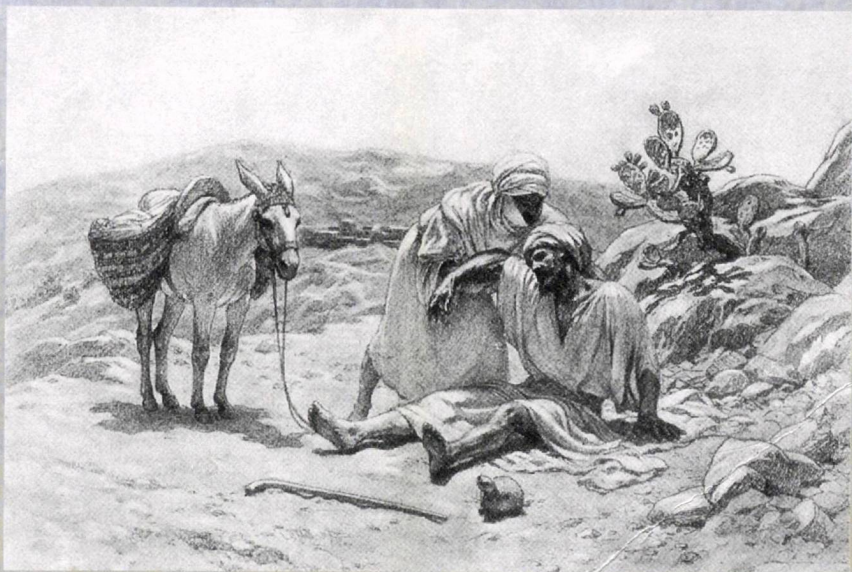
Из уст в уста передаются тёплые воспоминания о добродетели Ибрата. Будучи 22 года казием Туракургона, Исхакхан-тюря Ибрат свое влияние, авторитет и личные средства использовал для добрых дел, благотворительных целей: строил школы для мальчиков и для девочек, типографии, библиотеки, построил мечеть, баню, малый кирпичный завод (хумдон), на полутора гектарах разбил садово-парковый комплекс.

Отреставрированная мечеть сохранилась до сих пор.

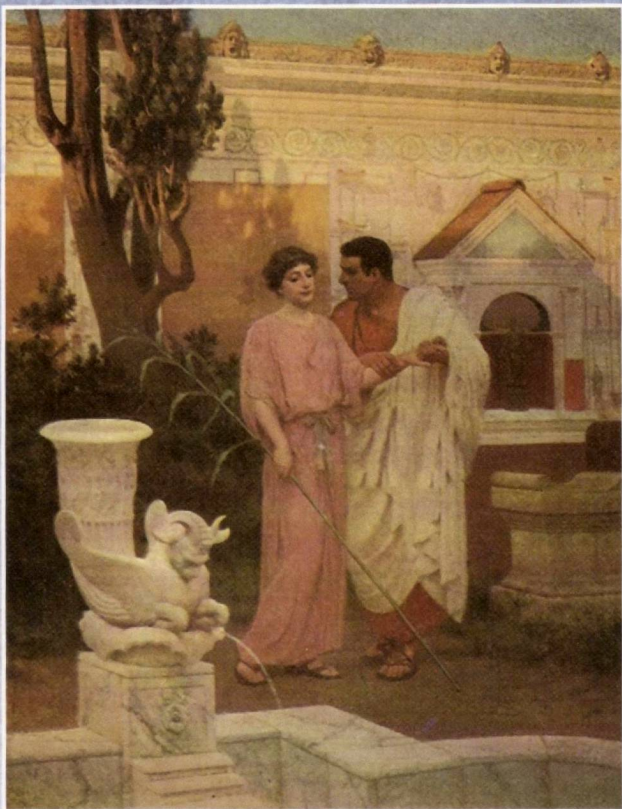
В ближайшем будущем в городе Туракургане откроется мемориальный комплекс Исхакхана Ибрата, где будут все необходимые условия не только для содержания культурного отдыха населения, но и для его духовного обогащения. В комплекс войдут музей, памятник поэту-просветителю, библиотека и типография, школа иностранных языков – заветная мечта просветителя.



Стефан Бакалович. Римлянин в библиотеке.



Стефан Бакалович. Добрый самарянин.



Стефан Бакалович. Вопрос и ответ.

Дорогие читатели и авторы!

Продолжается подписка на литературно-художественные журналы «Звезда Востока» и «Шарқ юлдузи» на 2018 год,

оформить ее можно в любом почтовом отделении или в офисе редакции по адресу:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор, Адилбар хиёбони, здание Союза писателей Узбекистана.

Подписной индекс «Звезды Востока» – 831.

Подписной индекс «Шарқ юлдузи» – 911.

Редакция «Звезды Востока» приглашает авторов к сотрудничеству по всем утвержденным рубрикам журнала: «Проза», «Поэзия», «Переводы», «Караван истории», «Философия искусства», «Новые имена», «Литературоведение. Литературная критика», «Возвращение к читателю», «Публицистика», «Духовное наследие Востока», «Мир глазами детей» по адресу: zvezdavostoka1932@mail.ru пр. Бунёдкор, Адилбар хиёбони, здание Союза писателей Узбекистана.

**Журнал распространяется по подписке.
В розницу можно приобрести в редакции.**